Международная Объединенная Академия Наук

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ

Рецензируемый научный журнал

Июнь 2020 г.

НОМЕР 62

ЧАСТЬ 18

Самара 2020

УДК 001.1
ББК 60

Т34

Рецензируемый научный журнал «Тенденции развития науки и образования». Июнь 2020 г. №62, Часть 18 Изд. НИЦ «Л-Журнал», 2020. – 84 с.

SPLN 001-000001-0658-LJ
DOI 10.18411/lj-06-2020-p18
IDSP ljournal-06-2020-p18

В выпуске журнала собраны материалы из различных областей научных знаний.

Журнал предназначен для научных работников, преподавателей, аспирантов и студентов.

Все материалы, размещенные в журнале, опубликованы в авторском варианте. Редакция не вносила коррективы в научные статьи. Ответственность за информацию, размещенную в материалах на всеобщее обозрение, несут их авторы.

Информация об опубликованных статьях будет передана в систему ELIBRARY

Электронная версия журнала доступна на сайте научно-издательского центра «Л-Журнал». Сайт центра: ljournal.ru

УДК 001.1
ББК 60

Содержание

РАЗДЕЛ XXXVI. ФИЛОЛОГИЯ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ 5

Динисламова О.Ю. Фразеологизмы с компонентом-зоонимом в лексико-семантическом поле «Человек»: сопоставительный аспект 5

Дондик Л.Ю. Особенности перевода эллиптических высказываний 10

Ордахова Т.В., Игнатьев Б.А. Способы перевода имён персонажей и внутриигровых предметов в моба играх (на примере игры «Dota 2») 13

Краутман Т.Е. Перевод слов и словосочетаний-индикаторов с английского языка на русский (на материале текста закона) 18

Кузнецова М.А. Проектная деятельность в предметной области «Английский язык» как средство повышения мотивации обучающихся и эффективность обучения 21

Кулакова К.А. Переводческие трансформации в переводе романа Я. Симон «Ведь мы – другие. История Феликса С.» 24

Ленкова Т.А. Обзор стилистических средства визуальной выразительности в креолизованных текстах СМИ 28

Моисеева А.В. Языковая манипуляция в тексте рекламы 30

Окорокова Л.Г., Ордахова Т.В. Языковая политика в процессе этнической интеграции в Синьцзяно-Уйгурском автономном районе (КНР) 34

Потапова Д.Э., Ордахова Т.В. Особенности поэтического перевода с китайского языка на русский (на материале стихотворений Си Мужуна) 37

Пруглова М.Е., Семенова С.Н. К вопросу о сопоставительном анализе имен прилагательных (на материале произведения Т. Харди «Три незнакомца» на английском и русском языках) 42

Рудяк Е.-А.А. Концепты «Liebe» и «Einsamkeit» в поэзии Р.М. Рильке 46

Такоева Т.А. Начинательность и способы ее формирования в языках разной типологической модели 49

Шогенова Л.В. Категория прекрасного в новеллах Заура Налоева 53

Титлова А.С. Периферийные реакции при анализе процессов понимания текста микроблога 56

Федоровская В.О., Ильичева Т.С. Лингвистические особенности раздела «Аннотация» оригинальной статьи медицинской тематики (на материале немецкого языка) 59

Хакимуллина Л.Н. Анализ ошибок электронных СМИ республики Марий Эл 65

Шалбаткина Л.А., Ордахова Т.В. Особенности перевода реалий в романе Лао Шэ «Рикша» 70

Шарифуллина А.Д. Трудности перевода 72

Abramicheva E.Y. A Cowboy, one of America's greatest fascinations 75

Mashakova A.K. Reflection of Integration Processes in the Modern Kazakh Literature 78

РАЗДЕЛ XXXVI. ФИЛОЛОГИЯ И ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Динисламова О.Ю.

Фразеологизмы с компонентом-зоонимом в лексико-семантическом поле «Человек»: сопоставительный аспект

БУ ХМАО – Югры «Обско-угорский институт прикладных исследований и разработок»
(Россия, Ханты-Мансийск)

doi: 10.18411/lj-06-2020-406
idsp: ljournal-06-2020-406

Аннотация

Статья посвящена лингвокультурологическому исследованию зоонимических фразеологических единиц (ЗФЕ) мансийского и русского языков и их семантическим особенностям. Данная группа ФЕ является одной из самых многочисленных во фразеологических фондах сопоставляемых языков. В статье рассматриваются ЗФЕ, репрезентирующие некоторые качества человека, определяются сходства и различия их семантики.

Ключевые слова: фразеологизм, зоонимический фразеологизм, зоонимический компонент, зооморфный код, фразеология мансийского языка, фразеология русского языка, качества человека, характер человека.

Abstract

The article is devoted to the linguoculturological research of zoonymic phraseological units (ZPE) of the Mansi and Russian languages, and their semantic features. This group of PE is one of the most numerous in the phraseological funds of the comparable languages. The article deals with ZPE that represent certain human qualities, and identifies similarities and differences in their semantics.

Keywords: phraseology, zoonymic phraseology, zoonymic component, zoomorphic code, phraseology of the Mansi language, phraseology of the Russian language, human qualities, human character.

Исследуя фразеологический фонд того или иного языка, обнаруживается тот факт, что в каждом из них выявляется большое количество ЗФЕ антропоцентрической направленности. Данные ФЕ, являясь культурно-информационным источником любой языковой картины мира, отражают многовековые наблюдения человека за повадками, поведением и внешним видом животных.

Настоящее исследование посвящено ЗФЕ мансийского и русского языков, под которыми в работе понимаются «устойчивые сочетания слов, значение которых не определяется значениями входящих в них компонентов, один из которых является зоонимом (наименованием животных, птиц, насекомых и др.)» [1, с. 195].

Названия различных животных легко переходят в разряд слов-символов, отражающих сложившиеся у людей представления о них, например: манс. *вōиӈ пурысь* ‘толстый(ая) (букв.: жирная свинья)’, *тōсам тāрка* ‘тощий, худой (букв.: сушёный ёрш)’, *хӯл (сЫг) охса* ‘человек с бесформенной фигурой (букв.: часть (обрубок) рыбы (налима)’, *туртāл хāрмис* ‘человек, говорящий невнятно, сипло (о мужчине) (букв.: безголосый бык)’, *матум лувӘква* ‘старая женщина (букв.: старая лошадь)’; рус. *как* (*будто, точно*) *сонная муха, как загнанная лошадь, стреляный воробей, мокрый как мышь, седой как лунь*.

Стремясь охарактеризовать свое поведение, чувства, состояния, внешность, человек прибегал к сравнению с тем, что ему было ближе всего и похоже на него самого – животным миром, в связи с чем многие наименования животных стали устойчивыми метафорами, обозначающими различные свойства, качества, состояния человека, например: манс. *сы̄г* ‘налим’ – «медлительный, нерасторопный, вялый человек», *тӯлмах* ‘росомаха’ – «злой, подлый, гнусный человек», *ворсик* ‘трясогузка’ – «подвижный, шустрый человек»; рус. *осёл* – «глупый, несообразительный человек», *черепаха* – «медлительный, нерасторопный человек», *мышь* – «незаметный, непримечательный человек». А. Д. Шмелев отмечает, что связь между человеком и животным «основана на ассоциативных, репрезентативных, признаках, связанных со словом в его основном значении» [2, с. 231].

По словам М. Л. Ковшовой, «одним из центральных для лингвокультурологической парадигмы исследования во фразеологии является понятие *код культуры* или *культурный код*, вытекающее из представления о культуре как о семиотической системе. С этой точки зрения мир – природа, артефакты, внешние качества и внутренние свойства человека – обретают в процессе их освоения и познания семиотический смысл» [3, с. 60]. *Зооморфный* (анималистический) код, под которым понимается «совокупность обусловленных культурой стереотипных представлений о свойствах, характеристиках или особенностях поведения животных, которые выступают как источник осмысления человеком мира и несут в дополнение к своим природным свойствам функционально значимые для культуры смыслы» [4, с. 256], является при этом одним из базовых кодов культуры, который дал богатейшую систему эталонов, например: манс. аквтоп сэ̄мыл кӯтюв ха̄йтыс ‘неожиданно возникла неприязнь, отчуждение, недоброжелательность по отношению друг к другу (букв.: будто черная собака пробежала)’, *уркыӈ ка̄сэв* ‘лжец, обманщик (букв.: обманывающая сорога)’, *пальта̄л сёпыр* ‘плохо слышащий, глухой человек (букв.: безухий глухарь)’, *а̄гм тӯлмах хольт ёхты* ‘болезнь приходит неожиданно (букв.: болезнь крадется как росомаха)’, *мисэ̄ква* ‘неповоротливая, грузная женщина (букв.: корова женщина)’, *хумыг-ӯиг е̄мтум* ‘заматерел, возмужал (букв.: мужчиной-зверем стал)’, *сисюрнэ янытыг каньсис* ‘съёжился от страха (букв.: с малиновку (птичку) величиной стал)’, *сы̄г хольт ӯнлы* ‘вялый, медлительный (букв.: как налим сидит)’, *са̄выӈ тӯрхул* ‘ленивый (букв.: ленивый карась)’, *хор-хор ворсик* ‘шустрый (букв.: хор-хор (звукоподражание) трясогузка)’, *тӯя со̄выр сагпаныг* ‘(женщина) с седыми волосами (букв.: цвета весеннего зайца с косами (женщина)’, *ӯйрисякве хольт луйги* ‘(девушка) с нежным голосом (букв.: птичке подобно щебечет)’, *нимсарэ̄ква хольт нёвсы* ‘медленно двигается (о женщине) (букв.: паучихе подобно двигается)’ и др.; рус. *черная кошка пробежала, беден как церковная мышь, бред сивой кобылы, глухой как тетерев, держать в ежовых рукавицах, гадкий утенок, холодна как рыба, быть в телячьем восторге, крокодиловы слезы* лить, *считать ворон, спит как сурок,* ***свинью подложи****ть, не в коня корм, реветь белугой, неоперившийся птенец* и др.

Человек в процессе своего становления и развития никогда не обходился без животных. Они были мерилом его физических и нравственных качеств, а их свойства, поведения, повадки переносились на человека. Л. В. Борисова пишет, что «мир живой природы в целом, так и отдельные его части, в частности, флора и фауна, могут рассматриваться как один из важнейших модулей, посредством которого этнос выстраивает свой национально специфический образ мира» [5, с. 44].

В мансийском и русском языках в формировании внутренней формы ФЕ принимают участие следующие наиболее продуктивные наименования животных:

— млекопитающие: домашние животные: манс. *мис* ‘корова’, *ха̄р* ‘бык’, *лувэ̄ква* ‘кобыла’, *лув* ‘лошадь’, *са̄лы* ‘олень’, *пӯрысь* ‘свинья’, *а̄мп*

‘собака’, *кӯтюв* ‘собака’, *ӓкар* ‘овчарка’; рус. *бык, вол, корова, телёнок, конь, мерин, кобыла, баран, осёл, ишак, баран, овца, ягнёнок, козёл, козлёнок, свинья, коза, собака, кот, кошка, кролик*; дикие животные: манс. *ӯй* ‘зверь, животное’, *нӗ̄хыс* ‘соболь’, *лэ̄ӈын* ‘белка’, *со̄выр* ‘заяц’, *тӯлмах* ‘росомаха’; рус. *зверь, лось, волк, медведь, заяц, лиса, белка, соболь, сурок, хорёк, крыса, мышь, ёж, слон, жираф, лев, крокодил, обезьяна, мартышка*;

— птицы: домашние птицы: манс. *сиськурек* ‘курица, петух’; рус. *петух, курица, гусь, утка*; дикие птицы: манс. *ӯйрись* ‘птичка’, *са̄кваляк* ‘сорока’, *ӯринэ̄ква* ‘ворона’, *ворсик* ‘трясогузка’, *ва̄с* ‘утка’, *пирва* ‘утка’, *хотаӈ* ‘лебедь’, *халэв* ‘речная чайка (халей)’, *сяӈси* ‘воробей’, *сисюрнэ* ‘малиновка’; рус. *птица, ворона, голубь, воробей, синица, лебедь, утка, журавль, пава, лунь, кулик*;

— рыбы, членистоногие: манс. *хӯл* ‘рыба’, *сы̄г* ‘налим’, *та̄рка* ‘ёрш’, *тӯрхул* ‘карась’, *а̄лн* ‘таймень’, *ка̄сэв* ‘сорога; рус. *рыба, белуга, сельдь, селёдка, вобла, окунь, килька, налим, угорь, рак*;

— насекомые: манс. *та̄к* ‘вошь’, *нимсарэ̄ква* ‘паук’, *лӗ̄мвой* ‘комар’, *хомлах* ‘жук-стригун’; рус. *божья коровка, муха, комар, пчела, оса*;

— рептилии: рус. *змея, гадюка, уж, черепаха*.

Наиболее распространёнными в составе ФЕ мансийского и русского языков являются наименования домашних и диких животных, диких птиц и рыб. При этом по частотности употребления группа млекопитающих занимает лидирующую позицию во фразеологии обоих языков. Отметим, что группа рептилий не представлена ни одним наименованием в мансийском языке. Если в русской ФКМ *змея* является символом злости, коварства и хитрости, то в мансийской ФКМ эта рептилия считается священным животным, поэтому использование данного образа без существующей на то необходимости находится под запретом – *ялпыӈ ӯй* ‘змея (букв.: священное животное)’. То же самое касается таких зоонимических компонентов как *медведь* и *волк* в силу сакральности их образов, в целом характерной для культуры обских угров.

Г. Ч. Файзуллина отмечает, что «анималистические представления как архаичный элемент ФКМ отражаются не только в "очеловечивании" природы (олицетворении), но и в обратном процессе – переносе явлений окружающего мира на человека (метафоризация). Следовательно, человек мыслится как часть природы – отдающее и принимающее начало» [6, с. 16]. Традиция почитания предков и культ животных повлияли на формирование вторичной номинации, характеризующей внешние и внутренние свойства и качества человека.

Сложная природа и многообразие проявлений качеств человеческого характера вносят его в список одних из самых волнующих дискуссионных тем в плане познания человека во всем многообразии связей его внутреннего и внешнего мира. Одними из наиболее многочисленных в лексико-семантическом поле (ЛСП) «характер человека», проявляющегося в отношении человека к окружающим, являются ФЕ, репрезентирующие образ *доброго* и *злого* человека.

Так, зооморфная метафора в сопоставляемых языках обнаруживается в составе ЗФЕ, репрезентирующих *доброту* и *кротость* характера человека: манс. *лӗ̄мвой хурипа* ‘кроткий, безобидный (букв.: совсем как комар)’, *та̄кум наска̄ссыг ат сӗ̄насы* ‘добрый (букв.: зря вшу не раздавит)’; рус. *кроткий, как голубь* (*овца, теленок, ягненок*), *комара* (*мухи*) *не обидит, божья коровка*. Данный вид метафоры представлен в сопоставляемых языках и при репрезентации *слабохарактерных* или *бесхарактерных* людей: манс. *во̄р сяӈси* ‘тихий, слабохарактерный (букв.: лесной воробушек)’, (*саюм*) *хӯлыӈ ня̄нь* ‘бесхарактерный (букв.: (испорченный, тухлый) рыбный пирог)’, *сяр*

няхсам ‘бесхарактерный (букв: совсем как (рыбьи) жабры)’; рус. *мокрая курица, ни рыба ни мясо*. Как видно, общечеловеческое мировидение здесь присутствует лишь при репрезентации бесхарактерного человека во ФЕ с зоонимическим компонентом *рыба.*

Отрицательные черты характера человека в составе зоонимических ФЕ в мансийской и русской ФКМ отмечаются значительно чаще, чем положительные. Анализ ЗФЕ, репрезентирующих образ *злого* человека, позволил выявить универсальные и специфичные параметры образности, лежащей в основе метафорического переноса.

Зооморфная метафора в исследуемых языках обнаруживается в следующих ЗФЕ: манс. *тӯлмах хурипа* ‘злой (букв.: росомахе подобный)’, *сяр тӯлмах хольт сунсы* ‘злобно глядит (смотрит) (букв.: как росомаха смотрит)’, *тӗрыӈ (кӗрыӈ) хомлах* ‘злодей, негодяй (букв.: железный жук-стригун)’, *хāрмис хурипа* ‘злой (букв.: быку подобный)’, *хāр Щеня* ‘мужчина с необузданным характером (букв.: бык Сеня)’, *хāрмис хольт сунсы* ‘злобно смотрит (букв.: быку подобно смотрит)’, *хāрмис самыл āӈкватаӈкве (сунсуӈкве)* ‘злобно смотреть (букв.: бычьими глазами смотреть)’, *кӯтюв хурипа* ‘злой (букв.: собаке подобный)’, *āкар хурипа* ‘злой (букв.: овчарке подобный)’, *пурхатнэ āмп* ‘злой (букв.: кусающаяся собака)’, *āмп вӣльтуп* ‘злой (букв.: с собачьим лицом (мордой)’, *āмп вит хāлт ōлуӈкве* ‘жить в состоянии ссоры, ругани с окружающими (букв.: среди мочи собачьей жить)’, *āмп пыг* ‘злой (мужчина) (букв.: собачий сын)’, *āмп āги* ‘злая (женщина) (букв.: собачья дочь)’, *āмп хола* ‘негодяй (букв.: собачий мертвец)’, *āмп хольт каргуӈкве* ‘злобно ругаться (букв.: собаке подобно рычать)’, *āмп хольт пурхатуӈкве* ‘ссориться (со всеми) (букв.: собаке подобно кусаться)’, *āмп хольт ōлуӈкве* ‘ссориться постоянно (букв.: собаке подобно жить)’, *каргуӈкв хāснэ ут* ‘злой (букв.: рычать умеющий некто)’, *ӯринӭква хольт рōӈхи ‘громко ругается (кричит) (букв.: как ворона кричит)’*; рус. *бешеная собака, волк в овечьей шкуре, волчье сердце, гад ползучий, жестокий* (*свирепый*) *как волк, жестокий как зверь, зверь зверем, злой* (*злобный*) *как хорёк, злой* (*злобный*) *как цепной пёс, злой как собака, змея/змеюка/гадюка подколодная, коварный* (*хитрый, злобный*) *как змея* (*змей*), *лютый зверь, собачье отродье, собачья душа, волком смотрит* (*глядит*), *бирюком смотрит* (*глядит*), *быком* (*бычком*) *смотрит* (*глядит*), *смотреть ежом, смотрит* (*глядит*) *зверем.*

В составе мансийских ЗФЕ, выражающих злой характер человека, наиболее частотным является зоонимический компонент *собака*, номинируемый посредством лексем *āмп* ‘собака’, *кӯтюв* ‘собака’, *āкар* ‘овчарка’. Образ *собаки* присутствует и в составе ФЕ *каргуӈкв хāснэ ут* ‘злой (букв.: некто, умеющий рычать)’, *каргыӈ ут* ‘злой (букв.: рычащий некто)’.

В русском языке, как и в мансийском, в составе рассматриваемых ЗФЕ чаще всего присутствует также зоонимический компонент *собака* (*пес*). Кроме того, продуктивным является зооним *волк.* Символом злости, коварства и хитрости в русской ФКМ является *змея.* Жестокость человека находит отражение в виде ЗФЕ, имеющих в составе компонент *зверь*. Хищный, жестокий человек, по представлению русского народа, уподоблен *хорьку*, а внешнее проявление злости человека находит отражение в виде ЗФЕ с компонентами *волк* (*бирюк*), *бык* (*бычок*), *зверь, еж.*

В связи с вышеизложенным можно сделать вывод, что в ЗФЕ с компонентом-зоонимом *собака* при репрезентации злого, грубого человека присутствует универсальное, общечеловеческое мировидение мансийского и русского народов, что является признаком общности, существующей в их языковом сознании. *Собака* является наиболее распространенным домашним животным в повседневной жизни практически любого народа, поскольку она была приручена человеком одним из

первых животных и постоянно находилась рядом с ним. Благодаря длительному и тесному соседству человечество тщательно изучило характер и повадки этого животных, поэтому образ собаки является наиболее продуктивным и частотным.

Издавна считаясь, с одной стороны, другом человека, с другой стороны *собака* выступает, тем не менее, носителем негативных качеств (прежде всего, злости и грубости). Универсальным при описании злого человека в сопоставляемых языках является и образ *быка* как носителя грубой, неконтролируемой силы, необузданной мощи, а также символа внешнего проявления злобы, ярости. Таким образом, зоонимические образы *собаки* и *быка*, лежащие в основе ЗФЕ, репрезентирующих образ злого человека, помимо яркой экспрессивно-эмоциональной окраски, обладают качественной пейоративной оценкой.

Наряду с общекультурными, универсальными зоонимами выявлены компоненты, носящие оттенки национально-культурной специфики и связанные с этнически маркированными элементами языкового сознания. В мансийском языке такими компонентами являются *росомаха* и *жук-стригун*, в русском языке – *зверь, волк* (*бирюк*), *змея* (*гад, гадюка, змей*), *хорек, еж*.

Росомаха у манси является символом злости и коварства, *жук-стригун* ассоциируется со злом в связи с поверьем, что если он запутывается в волосах человека, то совершает *ӯрас вāрнут* – плохое предзнаменование (букв.: напасти делающее), что является причиной негативных эмоций, связанных с ощущением приближающихся неприятностей.

Заметим, что в мансийском языке в ЗФЕ принимает участие меньшее количество образов животных, репрезентирующих *злой* характер человека. Объяснение данному факту можно обнаружить в основанных на анимизме традиционных представлениях народа об окружающем мире, согласно которым большое количество животных (медведь, волк), рептилии (змея) являются священными, формируются различные варианты их почитания и даже культы, в связи с чем возникают запреты убивать и употреблять их в пищу, а также использовать их образы без необходимости.

Трусость, робость как личностные качества человека в сопоставляемых языках также могут быть репрезентированы посредством ЗФЕ: манс. *сōвыр сым* ‘трусливый, боязливый (букв.: заячье сердце)’, *сōвыр сым тӭс* ‘трусливый, боязливый (букв.: заячье сердце съел)’; рус. *заячье сердце, заячья душа, робок как заяц, труслив как заяц*. В обоих исследуемых ФКМ, таким образом, выявляется универсальная зооморфная метафора, реализуемая посредством отождествления трусливого человека с образом *зайца*, повадки которого ассоциируются с несмелым, трусливым поведением человека.

В ЗФЕ мансийского и русского языков употребляется компонент *лиса* для оценки *хитрого, изворотливого* человека: манс. *охсар нёлпа ӭква* ‘хитрая, пронырливая женщина (букв.: с лисьим носом женщина)’; рус. *Лиса Патрикеевна, хитрый как лиса*. Данные примеры свидетельствует об универсальности образа *лисы* в мансийской и русской ФКМ при описании хитрого человека.

При репрезентации *глупости* человека зооморфная метафора в исследуемых языках реализуется посредством таких ЗФЕ как: манс. *сиськурек пӈк* ‘глупый (букв.: куриная голова)’; рус. *баранья голова, ежовая голова, куриная башка, куриные мозги, тупой как осел.* Универсальным для исследуемых ФКМ является образ *курицы*. В отличие от европейских культур, где человек – царь природы, для обских угров природа одухотворена и является субъектом равного взаимодействия. Поэтому манси, как правило, не наделяли животных отрицательными характеристиками в плане их умственных способностей, поскольку они не подвергались сомнению. Положительная характеристика умственных способностей человека в языках не репрезентируется посредством ЗФЕ, что свидетельствует о сходстве мансийской и русской ФКМ.

Таким образом, наиболее распространёнными в составе ЗФЕ мансийского и русского языков являются наименования домашних и диких животных, диких птиц и рыб, группа млекопитающих при этом по частотности употребления занимает лидирующую позицию. В мансийском языке в составе ЗФЕ принимает участие меньшее количество наименований животных, что объясняется основанными на анимизме традиционными представлениями о животных, согласно которым большое их количество является священным, сакральным. Общечеловеческое, универсальное мировидение манси и русских присутствует при репрезентации: бесхарактерного, слабовольного человека с зоонимическим компонентом *рыба*; человека как носителя негативных качеств (озлобленности, злости, грубости) с зоонимическим компонентом *собака*; человека как носителя грубой, неконтролируемой силы, необузданной мощи, а также как символа внешнего проявления злобы, ярости с зоонимическим компонентом *бык*; трусливого, робкого человека с зоонимическим компонентом *заяц*; хитрого, пронырливого человека с зоонимическим компонентом *лиса*; глупого, несообразительного человека с зоонимическим компонентом *курица*.

Большая же часть ЗФЕ обладает ярко выраженным национально-культурным своеобразием. Несовпадение зоонимических компонентов в составе фразеологизмов обусловлено метафорически маркированными элементами языкового сознания мансийского и русского народов, особенностями мировосприятия, ценностями культур, особенностями бытовой жизни, географическими условиями проживания и множеством других факторов. Следовательно, свойства исследуемых ФЕ зависят от семантики зоонима, отражающего исторический и культурный опыт народа, его характер и менталитет, оценивание окружающего мира.

***

1. Борзова, В. В. Зоонимические фразеологизмы английского языка / В. В. Борзова, Н. С. Курникова // Вопросы языкознания в когнитивном аспекте : сб. науч. ст. / Чуваш. гос. пед. ун-т ; отв. ред. Н. В. Кормилина, Н. Ю. Шугаева. – Чебоксары : Чуваш. гос. пед. ун-т, 2015. – С. 195–198.
2. Шмелев, Д. Н. Проблемы семантического анализа лексики / Д. Н. Шмелев. – М.: Наука, 1973. – 280 с.
3. Ковшова, М. Л. Анализ фразеологизмов и коды культуры / М. Л. Ковшова // Известия РАН. Серия литературы и языка. – 2008. – Т. 67. – № 2. – С. 60–65.
4. Красных, В. В. Этнопсихолингвистика и лингвокультурология: курс лекций / В. В. Красных. – М.: Гнозис, 2002. – 284 с.
5. Борисова, Л. В. Концепт «дерево» как лингвокультурный код / Л. В. Борисова // Вестник Московского государственного гуманитарного университета им. М. А. Шолохова. Филологические науки. – 2014. – №1. – С. 34–45.
6. Файзуллина, Г. Ч. Образ человека в диалектной языковой картине мира (на материале татарских народных говоров юга Тюменской области): дис. … д-ра филол. наук: 10.02.02 / Файзуллина Гузель Чахваровна. – Казань, 2017. – 406 с.

Дондик Л.Ю.

Особенности перевода эллиптических высказываний

Российский государственный профессионально-педагогический университет (Россия, Нижний Тагил)

doi: 10.18411/lj-06-2020-407
idsp: ljournal-06-2020-407

Аннотация

В данной статье рассматривается проблема перевода эллиптических высказываний в художественном тексте. Излагаются результаты исследования, проведенного на материале перевода англоязычной художественной литературы. Сопоставляются данные количественного анализа частотности приёмов перевода

эллиптических высказываний. Уточняются понятия эллипсиса, приема перевода, качественного перевода.

Ключевые слова: эллипсис, эллиптические конструкции, эллиптические высказывания, опущение, качество перевода, приемы перевода, художественный перевод.

Abstract

This article deals with the problem of translating elliptical sentences in a literary text. It represents the results of the research carried out on the material of translation of English-language fiction. It correlates results of a quantitative analysis of the frequency of translation techniques for elliptic sentences. The author specifies the concepts of ellipsis, translation methods and quality translation.

Keywords: ellipsis, elliptical constructions, elliptical sentences, omission, quality of translation, translation methods, fiction translation.

В современных европейских языках эллипсис представляет собой распространенное явление. По определению Л. Л. Нелюбина эллипсис – это «стилистическая фигура, заключающаяся в пропуске подразумеваемого элемента предложения» [5, с. 119]. Высока частотность эллиптических высказываний в разговорной речи, что отвечает ее тенденции к речевой экономии. В литературных произведениях в диалогах персонажей, а также в описаниях эллиптические конструкции функционируют как средство экспрессивного синтаксиса, средство передачи эстетических чувств автора, от которых зависит эмоциональное восприятие произведения читателем. Эллипсис дает возможность писателю опускать второстепенное и выделять главное, ключевое содержание, выстраивать иерархию смыслов и создавать подтекст.

При переводе художественного текста переводчик сталкивается с рядом трудностей, так как для него важно и максимально точно передать содержание, концепт произведения, и отразить стилистическое своеобразие, особенности языкового оформления оригинала. Дополнительные сложности в передаче синтаксических особенностей художественного текста возникают, если язык оригинала и язык перевода являются разноструктурными: переводчик оказывается в ситуации выбора одного из возможных способов перевода и должен принимать переводческие решения, стремясь адаптировать свой перевод и сделать его более качественным. Кроме того, при сопоставлении языков обнаруживаются и различные особенности построения диалогического единства, в том числе, касающиеся корректного и уместного употребления эллиптических конструкций, перевод которых в значительной степени зависит от контекста.

В современном переводоведении большое внимание уделяется вопросам оценки качества перевода. Качественным можно считать перевод «удовлетворяющий двум основным требованиям: эквивалентности и адекватности» [1, с. 99]. В. Н. Комиссаров говорит о необходимости достижения «полной эквивалентности» исходного и переводного текстов, подразумевая под этим «максимально возможную близость содержания разноязычных текстов», в том числе экспрессивных, стилистических, эстетических и прочих функций языковых единиц [4, с. 152].

Если принимать во внимание описанную выше полифункциональность эллипсиса, то возникает вопрос о том, возможен ли уход от эллипсиса в результате трансформации переводного художественного текста на синтаксическом уровне, и может ли такой перевод считаться качественным. Материалом нашего исследования послужила выборка, составленная на основе романа С. Кинга «Кладбище домашних животных» и его переводов, выполненных Т. Ю. Покидаевой и В. В.

Эрлихом. Выборка включает примеры эллиптических высказываний на английском языке с двумя вариантами перевода на русский язык.

Если понимать под приемом перевода конкретное действие или конкретную операцию переводчика, направленную на преодоление трудности, возникшей в процессе перевода, то для решения проблемы передачи эллиптического высказывания в художественном переводном тексте могут быть использованы следующие приемы. 1. Синтаксическое уподобление или дословный перевод, при котором эллиптическая конструкция оригинала преобразуется в аналогичную структуру переводного языка. 2. Объединение предложений, при котором эллиптическое высказывание оригинала преобразуется и передается путем соединения двух или более простых предложений. 3. Членение предложения, при котором исходное эллиптическое высказывание преобразуется в две или более предикативные структуры в тексте перевода. 4. Компенсация, при которой происходит замена эллиптической конструкции как непередаваемого элемента оригинала элементом иного порядка в соответствии с общим идейно-художественным характером оригинала.

В паре языков русский – английский второму присущи более экономные способы выражения мысли, чем в русском языке. Вместе с тем имеется немало случаев, когда именно русский язык как язык перевода является более дискретным, чем английский (язык оригинала), что ведет к расширению объема переводного текста.

В русском языке имеется тенденция к объединению в рамках одного предложения как можно большего количества предметных ситуаций, что приводит к образованию предложений, включающих несколько однородных членов или придаточных предложений, деепричастных и причастных оборотов. Нельзя сказать, что в английском языке подобных предложений нет, но частотность их употребления и, что еще важнее, перегруженность структуры однородными и определительными элементами, безусловно, меньше, чем в русском языке. Вследствие этого при переводе те же предметные ситуации получают выражение не в виде простых предложений, а в форме осложненных или полипредикативных высказываний: *Don't, for Christ's sake, Louis said. He wasn't crying. Only damn near. – Ну не надо, ради Бога, – сказал Луис, хотя сам сдерживался из последних сил.*

Семантическая компенсация часто применяется для восполнения пробелов, вызванных так называемой "безэквивалентной" лексикой. Это прежде всего обозначения реалий, характерных для страны иностранного языка и чуждых другому языку и иной действительности. Если эти детали не имеют принципиального значения, их можно опустить в переводе. *A little table with a dinner was laid out - and wine and plate. Маленький стол был накрыт для обеда – на нем поблескивало серебро и графины.* Дословный перевод «и вино, и серебро» недопустим, так как в данном случае такая эллиптическая конструкция с многосоюзием по экспрессивности не соответствует английской и не передает заключенного в ней смысла.

Специфической чертой английского синтаксиса выступает наличие клишированных эллиптических конструкций, которые помогают кратко изложить информацию с пропуском избыточной информации. В русском языке подобных конструкций не наблюдается, поэтому их перевод на русский язык требует от переводчика умения восполнять клишированный эллипсис средствами русского синтаксиса: *Objections to this plan, if any, should be reported to the committee at once. – Если и имеются возражения против этого плана, то они должны быть немедленно представлены комитету. Very little, if anything, could be advanced in the defense of his policy. – Почти ничего нельзя было сказать в поддержку его деятельности.*

Проведенный анализ показал, что эллиптические конструкции могут переводиться разными приемами. При этом отметим, что большинство приемов (68 %) перевода эллиптических высказываний выбранных двумя разными переводчиками совпали, что объясняется важными прагматическими, стилистическими функциями

эллиптических высказываний в художественном тексте. Самые частотные приемы перевода у обоих переводчиков –синтаксическое уподобление и компенсация: *Doctor's orders?" she asked, smiling a little (S. King). - Предписание врача? - улыбнулась она (Т. Ю. Покидаева). - Приказ врача? – спросила она, улыбаясь (В. В. Эрлих).*

Таблица 1.

Приемы перевода эллиптических высказываний с английского на русский язык

Приемы перевода	*Т. Ю. Покидаева*	*В. В. Эрлих*
Синтаксическое уподобление	64%	42%
Компенсация	16%	27%
Объединение предложений	13%	16%
Членение предложений	7%	15%

При сравнении нами было замечено, что в случае несовпадения вариантов перевода Т. Ю. Покидаева использовала больше форенизацию как переводческую стратегию, направленную на выполнение перевода, максимально приближенного к оригинальному тексту. В. В. Эрлих, напротив, демонстрирует ориентацию на стратегию доместикации и переводит текст так, чтобы он стал ближе и понятнее для русского читателя, смело прибегая к трансформациям, в том числе уходя от эллиптических высказываний за счет их восполнения или объединения, за счет опущения других элементов, которые присущи только английскому языку. Так, в следующем англоязычном примере опущены подлежащее и сказуемое, но в русском переводе В. В. Эрлих восполняет это предложение за счет модуляции или смыслового развития: *In a wheelchair? (K. Sting) – Вплоть до инвалидной коляски? (Т. Ю. Покидаева) - Она что, в инвалидном кресле? (В. В. Эрлих)*

Таким образом, эллиптические конструкции можно передать в переводе различными приемами, однако не всегда имеется возможность дословного перевода (синтаксического уподобления). Для выбора адекватного приема перевода эллиптического высказывания переводчику требуется принимать во внимание весь контекст. Переводчики стремятся сохранить в переводе большинство эллиптических конструкций, так как они выполняют в тексте романа важные коммуникативно-прагматические и стилистические функции.

***

1. Гильмуллина Е. А. Оценка качества перевода: квантитативно-системный подход / дисс. … канд. филолог. наук; спец. 10.02.20. Санкт-Петербург, 2016. 695 с.
2. Кинг С. Кладбище домашних животных, пер. Т. Ю. Покидаева // Стивен Кинг. Москва : Издательство АСТ, 2016. 480 с.
3. Кинг С. Кладбище домашних животных, пер. В. В. Эрлих // Стивен Кинг. Москва : Издательство АСТ, 1997. – 432 с.
4. Комиссаров В. Н. Современное переводоведение. Учебное пособие. Москва: ЭТС, 2001. 424 с.
5. Нелюбин Л. Л. Лингвостилистика современного английского языка / Л. Л. Нелюбин: учеб. пособие. 4-е изд. Москва : Флинта, Наука, 2007. 128 с.
6. King S. Pet Sematary / S. King. New York : Doubleday, 1983. 373 p.

Ордахова Т.В., Игнатьев Б.А.

Способы перевода имён персонажей и внутриигровых предметов в моба играх (на примере игры «Dota 2»)

СВФУ Северо-Восточный федеральный университет им М.К. Аммосова (Россия, Якутск)

doi: 10.18411/lj-06-2020-408
idsp: ljournal-06-2020-408

Аннотация

В данной статье рассмотрены основные способы и приёмы перевода имён персонажей и внутриигровых предметов на китайский язык в МОБА-играх на

материале игры «Dota 2». Автор анализирует традиционные и нестандартные способы перевода. Выявлены наиболее часто используемые приёмы перевода на китайский язык

Ключевые слова: Китайский язык, перевод, способы перевода, МОБА-игры, видеоигра, Dota 2

Abstract

This article discusses the main methods and techniques for translating the names of characters and in-game items into Chinese in MOBA games base on the «Dota 2» game material. Author analyzes traditional and non-standard translation methods. Detected the most commonly used methods of translation into Chinese

Keywords: Chinese language, translate, methods of translation, MOBA games, videogames, Dota 2

В настоящее время перевод на различные иностранные языки является неотъемлемой частью разработки видеоигр. Одним из наиболее сложных для перевода языков является китайский. Перевод игр представляет собой особую проблему в теории и практике перевода. В связи с китайским законодательством задачей китайских переводчиков является не только сохранение искомого значения, но и добавления китайских культурных, исторических и художественных элементов. [5] Для анализа таких переводов обратимся, на наш взгляд, к одной из самых популярных на сегодня компьютерные игры – «Dota 2» [2].

«Dota 2» является активной киберспортивной дисциплиной, в которой профессиональные команды со всего мира соревнуются в различных лигах и турнирах. Премиум-турниры по «Dota 2» имеют призовые фонды в миллионы долларов, не раз становившиеся крупнейшими в истории киберспорта. Крупные профессиональные турниры по «Dota 2» транслируются на видеостриминговых сервисах, иногда набирая свыше миллиона зрителей одновременно [2].

В современных МОБА играх число игровых персонажей не редко превышает барьер в сто персонажей. В рассматриваемой игре количество персонажей на момент написания работы составляет 119.[3] Для анализа мы разделили персонажей на три категории по приёмам перевода. 1 – транслитерация; 2 – калькирование; 3- другое. В третью категорию входят смешанные приёмы и другие художественные переводы.

Как известно, для записи иностранных имен в китайском языке используются иероглифы. При этом иероглифов без собственного семантического значения в китайском языке, за редким исключением (娜 nà), практически не существует, т. е. транскрипция имени складывается из существующих иероглифов, каждый из которых имеет своё значение. Тот факт, что каждый иероглиф обладает собственным значением, может сильно затруднить переводчику процесс перевода. В обозреваемой игре при переводе имён персонажей использовалось два основных приёма: калькирование и транскрибирование, а также использовались другие различные приемы художественного перевода. Некоторых персонажей перевели в честь известных поэтов, художников и персонажей из китайского фольклора.

Brewmaster - 酒仙 (jiǔxiān). Назван в честь самого известного поэта в китайской литературе Ли Бо.

Dazzle – 戴泽 (dàizé). Назван в честь китайского художника.

Monkey king -齐天大圣 (qítiāndàshèng). Один из титулов Сунь Укуна – персонажа классического романа на китайском языке «Путешествие на Запад».

Перевод имён персонажей

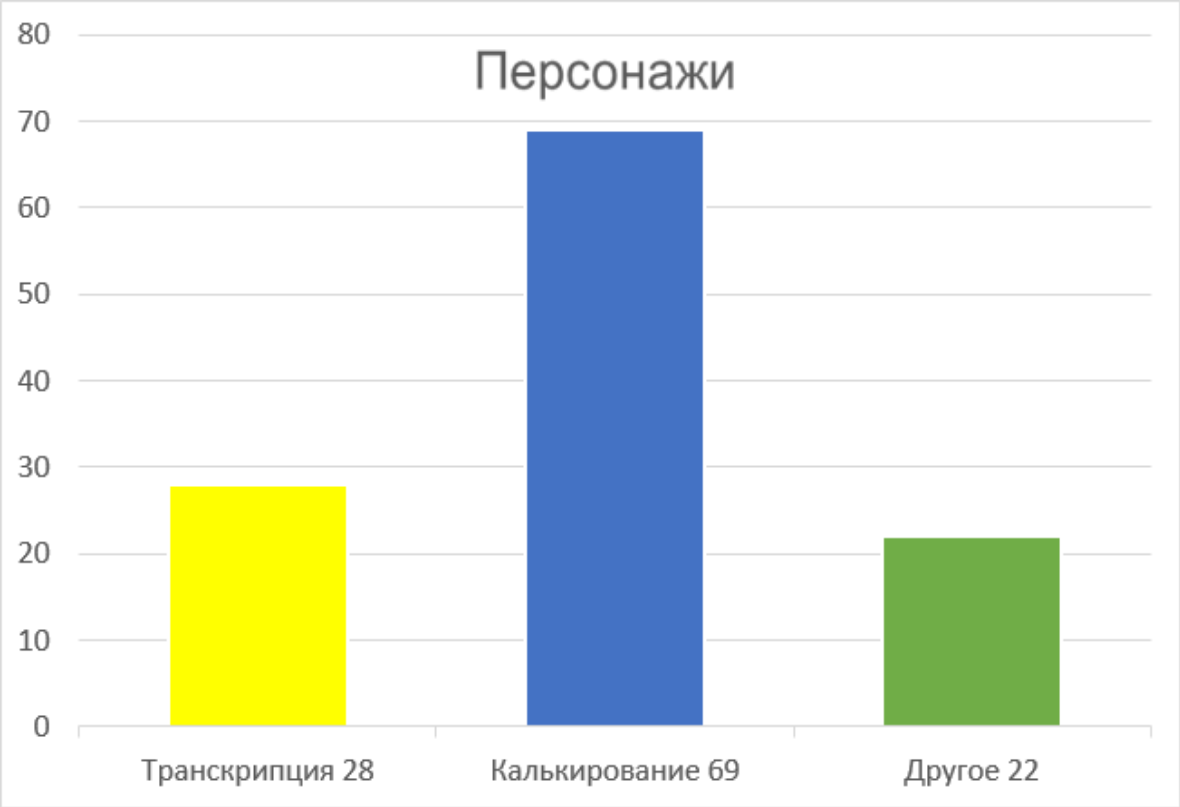


Рисунок 1. Сравнение используемых приёмов перевода

Как видно на диаграмме основным способом перевода является калькирование 57.98%. В «Толковом переводоведческом словаре» калькирование – это переводческий прием, заключающийся в том, что составные части слова (морфемы) или словосочетания заменяются их прямыми соответствиями на языке перевода. [7] Как известно, калькирование используется как один из способов перевода устойчивой единицы, который используется при необходимости сохранить образные основы оригинала при его переводе на другой язык.

Второй по частотности приём транскрипция. Как указано в «Большой российской энциклопедии» Транскрипция – это способ однозначной фиксации на письме звуковых характеристик отрезков речи. [6]

Отметим, что переводы с использованием приёма транскрипция для перевода имён персонажей используются в 18.49% случаев. Примеры Puck - 帕克pàkè; Sven - 斯温sīwēn; Abaddon -亚巴顿yàbādùn; Chen -陈chén.

Также есть не стандартные приёмы перевода. Один из них приём замены. Используя этот приём был переведён персонаж Rubick – 拉比克lābǐkè. Были использованы иероглифы 拉lā одно из значений которого является вытягивать; 比bǐ который можно перевести как копировать; 克kè который переводится как одержать победу, одолевать. Эти три иероглифа полностью описывают силы и способности данного героя, которые заключаются в похищении способностей противников и использовании против их самих. Разработчик вдохновлялся создателем пазла-головоломки Эрно Рубиком соответственно уместно использование приёма транскрипции. В переводе на другой язык самое главное, что нужно учитывать это адекватность перевода.

Внутриигровые предметы занимают не последнюю роль в моба играх. От них нередко зависит исход битвы. На момент написания этой работы в рассматриваемой игре имеется 206. [3]

Основной приём, использующийся при переводе внутриигровых предметов это калькирование. Рассмотрим особенности использования этого приёма при переводе таких предметов как Desolator и Blink dagger.

Desolator происходит от английского слова desolate что в переводе с английского имеет несколько значений. В контексте места — это слово означает заброшенный, пустынный. В контексте о личности оно означает покинутый. И если использовать это слово в качестве существительного, то оно означает запустение, одиночество. [1] Суффикс -or обозначает слова, пришедшие из латыни и французского. Но в этом случае по смыслу больше подошел бы суффикс -er так как он образовывает существительное. В игре цель этого предмета заключается в снижении брони противников. Следовательно, его можно перевести как опустошитель. Китайский вариант перевели как 黯灭 ànmiè 黯 в переводе имеет два значения. 1. Темный, черный. 2. Мрачный; удручённый; разочарованный; скорбно, удручённо. 灭 в переводе означает тушить; гаснуть; уничтожать, губить и сломить. Используя эти иероглифы, переводчики создали очень абстрактное название для этого предмета.

Blink Dagger – это предмет, позволяющий телепортироваться на короткое расстояние. В китайском переводе звучит как 闪烁匕首 shǎnshuòbǐshǒu. На первый взгляд у названия этого предмета нет особой смысловой нагрузки. Два слова 闪烁 и 匕首 искриться, переливаться (о свете); сверкать, играть (о драгоценных камнях); мерцать; мигать (о свете); сверкание и кинжал, кортик, стилет соответственно. Но стоит взглянуть на иероглифы по отдельности, то тогда появляются интересные детали. 闪 имеет несколько значений такие как: 1) сверкнуть; блеснуть; мелькнуть 2) молния 3) промелькнуть; проскочить 4) растянуть (сухожилия) 5) покачнуться 6) увернуться; отскочить (в сторону). 烁 означает яркий, блестящий, сверкающий. По нашему мнению, в переводе этого предмета использовали прилагательное 闪烁 как раз из-за способности, которую дарует предмет, позволяющей телепортироваться и увернуться от атак противников при этом, когда предмет используется, вокруг героя появляется небольшое свечение.

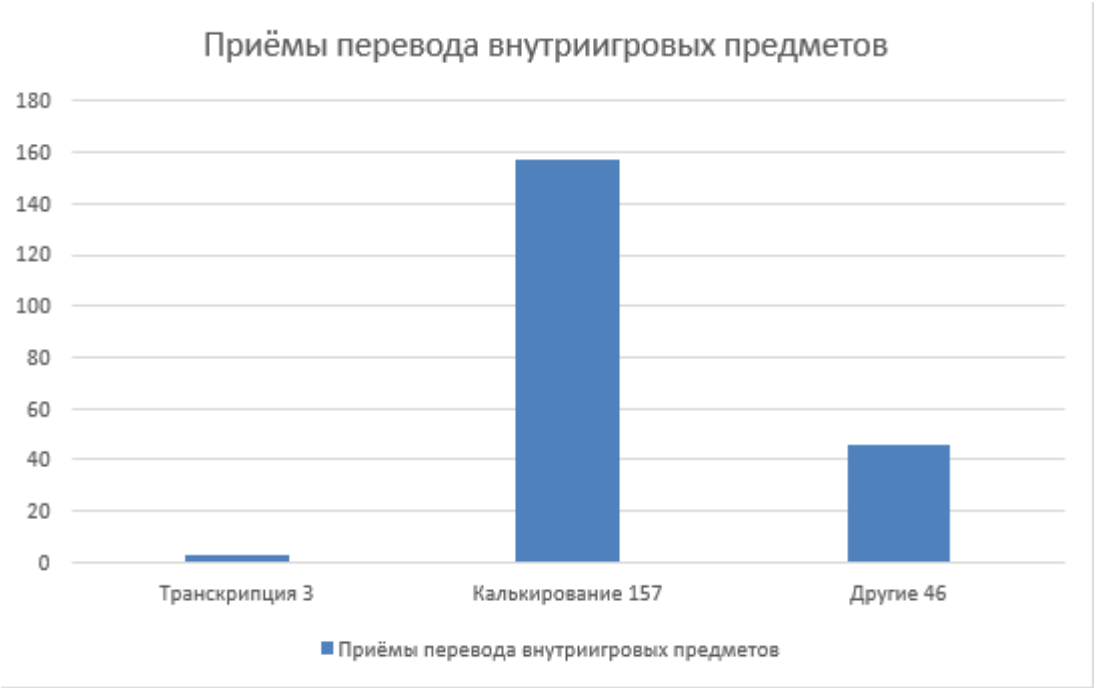
Отметим что китайским переводчикам нужно упомянуть как можно больше культурных и исторических отсылок к Китаю. В качестве этих примеров выступают такие предметы как Monkey King Bar, Octarine core, Ring of Tarrasque, Heart of Tarrasque.

Предметы Ring of Tarrasque и Heart of Tarrasque отсылают к древнему китайскому монстру 恐鳌. Этот монстр имеет части тела разных животных. А также способность к регенерации. Что схоже с функциями предмета.

Название "Octarine Core", возможно, является отсылкой к циклу книг "Плоский Мир" автора Терри Пратчетта. В этом мире радуга имеет 8 цветов. Последний из них, восьмой, - октарин, называемый цветом волшебства. [4] В описании этого предмета указана следующая информация: 位于法术技艺核心的，是只有身负异能之人才能感知的光带。 Официальный перевод: “Само сердце колдовства раскрашено цветами, узреть которые способны лишь самые одаренные”. Соответственно, октарин можно перевести как цвет волшебства, то есть 磨色. Слово core переводится как ядро, сердце, стержень, сущность, центр. Официальные переводчики посчитали по-другому и перевели как 玲珑心. 玲珑 на русский переводится как 1) тонкий, искусный (о работе) 2) подвижный и сметливый (сообразительный) (о человеке) 3) звукоподражание звону; звон. По отдельности эти иероглифы означают разные понятия. Так, 玲 имеет значения 1) блестящий, сверкающий; светлый, яркий, ясный; понять, понятный 2) звукоподражание звону (яшмы), звон, звенеть 珑 переводится как: 1) нефритовая табличка с вырезанным на ней изображением дракона (употреблявшаяся при молении о дожде) 2) звон нефрита (металла) 3) шум ветра. По результатам исследования в официальном переводе на китайский, китайские переводчики указали то, что яшма имеет магические свойства. Нефрит в Китае ценился

выше золота и серебра, так как считалось, что он оказывает целительное действие, приносит благополучие и символизирует высшие человеческие добродетели. В игре предмет имеет свойство восстанавливать здоровье нанося магический урон противникам. Таким образом, автор считает, что этот перевод очень многогранен и требует очень глубоких познаний в культуре Китая.

Снизу на диаграмме указано соотношение используемых приёмов перевода.



Таким образом, в переводе имён персонажей и внутриигровых предметов на китайский язык стоит учитывать историю народа и его культуру. В процессе перевода необходимо прибегать к таким переводческим трансформациям, чтобы игрок воспринимал текст как изначально созданный на его родном языке. Необходимо ознакомиться с особенностями игровой вселенной и особенностями языка перевода для предоставления игрокам самого лучшего перевода.

***

1. Cambridge Academic Content Dictionary // 2017. URL : https://dictionary.cambridge.org/ru/словарь/английский/desolate
2. Dota 2 [Электронный ресурс] // 2010 [Офиц. сайт]. URL: http://ru.dota2.com (дата обращения: 27.05.2020)
3. Dota 2 gamepedia [Электронный ресурс]. // URL: https://dota2-ru.gamepedia.com/%D0%9F%D1%80%D0%B5%D0%B4%D0%BC%D0%B5%D1%82%D1%8B (дата обращения: 27.05.2020)
4. Dota 2 Wiki [Электронный ресурс]. // URL: https://wiki2.org/ru/Dota_2 (дата обращения: 27.05.2020).
5. Pillar Legal - a boutique international law firm [Электронный источник] // URL: http://www.pillarlegalpc.com/en/news/2019/05/17/china-regulation-watch-new-game-approval-requirements/?fbclid=IwAR1KgWWrPuXEIe7ij4HKBcS3HLY0XDh0_ucAwfC5kjZPQxyFKU8_6MSlbHM (дата обращения: 28.05.2020)
6. Кравец С. Л. [Электронный ресурс] // Большая российская энциклопедия URL: https://bigenc.ru/linguistics/text/4199684
7. Л.Л. Нелюбин. [Электронный ресурс] // Толковый переводоведческий словарь 3-е изд., перераб. — М.: Флинта: Наука, 2003. URL: https://rus-perevodovedcheskiy-dict.slovaronline.com (дата обращения: 28.05.2020)

Краутман Т.Е.

Перевод слов и словосочетаний-индикаторов с английского языка на русский (на материале текста закона)

Крымский филиал Краснодарского университета МВД России (Россия, Симферополь)

doi: 10.18411/lj-06-2020-409
idsp: ljournal-06-2020-409

Аннотация

Статья посвящена изучению особенностей перевода закона с английского языка на русский. Определяется комплекс языковых особенностей, на которые должен обращать специалист при работе с текстом закона на английском языке. Уделяется особое внимание роли слов и словосочетаний-индикаторов для достижения эквивалентного перевода.

Ключевые слова: перевод, юридический текст, текст закона, английский язык, слово-индикатор, словосочетание-индикатор.

Abstract

The article is devoted to the study of the features of the translation of law from English into Russian. The complex of linguistic features that the specialist should pay attention is determined. Particular attention is paid to the role of indicator words and indicator phrases to achieve an equivalent translation.

Key words: translation, legal text, text of law, English, indicator word, indicator phrase.

Перевод текста закона с английского языка на русский представляет собой сложный процесс, включающий в себя, во-первых, этап восприятия, понимания и анализа текста оригинала, во-вторых, этап создания вторичного текста средствами русского языка, в-третьих, этап редактирования вторичного текста. Три этапа процесса перевода взаимосвязаны и взаимозависимы друг от друга. Переводческий анализ текста, лежащий в основе первого этапа, является важным звеном для понимания содержания текста оригинала. Авторы учебного пособия «Юридический перевод» [5] среди критериев понимания исходного текста переводчиком выделяют умение понять общий смысл и содержание текста, определить коммуникативную задачу, отделить объективную информацию от оценки, понимать имплицитную информацию. Однако среди многообразия требований к работе переводчика особое значение в процессе перевода текста закона является способность идентифицировать внутриязыковое содержание, определить значение и функцию стилистических приемов и способов, языковых средств выражения, применяемых в тексте оригинала. В этой связи в процессе изучения дисциплины «Иностранный язык в сфере юриспруденции» студентов юридических специальностей должное внимание необходимо уделить функциональным особенностям слов и словосочетаний-индикаторов.

Под словами и словосочетаниями-индикаторами Б.Н. Климзо в работе «Ремесло технического переводчика. Об английском языке, переводе и переводчиках научно-технической литературы» [2] понимает группы лексических единиц, служащих для выражения определенных отношений в пределах текстуального поля.

Необходимо отметить, что в статье «Ложные друзья переводчика при переводе текста закона с английского языка на русский» [3] были освещены последствия влияния двух языковых систем, а также причины беспереводного употребления английских слов в переводах студентов, обучающихся на юридических специальностях. Анализ переводов текста закона с английского языка на русский с позиции наличия ложных друзей переводчика показал степень их влияния на

лексическую сочетаемость и стилистическую согласованность перевода и оригинала. Исследование привело к выводу, что в переводах юридических текстов часто встречается необоснованная замена терминологического значения слова на его более известное значение или выражение общего или специального назначения в юридический текст, что является следствием интерференции родного языка. Неверный выбор перевода английских слов и словосочетаний-индикаторов на русский язык в тексте закона может привести не просто к искажению смысла и неверной трактовке документа, но и судебным разбирательствам. Роль переводчика состоит в сохранении смысла текста оригинала в тексте перевода, поэтому задача специалиста понимать назначение индикаторов и верно трактовать их в работе над юридическим текстом.

В современных работах по лингвистике уделяется недостаточное внимание изучению слов и словосочетаний-индикаторов. Как правило, о них упоминается на основании того, что юридический перевод с английского языка на русский должен включать знания целого комплекса языковых особенностей. Так, В.В. Алимов в учебном пособии «Юридический перевод: практический курс. Английский язык» [1] большое значение придает:

— наличию в юридических текстах большого объема юридической лексики, перевод которой возможен лишь с использованием словосочетаний или описательного перевода;
— наличию фразеологизмов или словосочетаний, редко встречающихся в литературном языке;
— наличию определенных стилистических отклонений, к которым можно отнести употребление эллиптических конструкций, оборотов официально-канцелярского стиля, глагольных форм, терминологии языка юриспруденции;
— употреблению слов и выражений, заимствованных из латинского языка;
— наличию сокращений, специфичных для разных видов юридических текстов.

Стилистические отклонения понимаются и определяются исследователями неоднозначно. Так, Н.К. Яшина в «Учебном пособии по переводу научно-технической литературы с английского языка на русский» [4] выделяет ряд особенностей перевода специальной литературы, которые являются признаками этого вида текста, включающие перевод:

— реалий, к которым, прежде всего, относятся географические названия, имена собственные, названия фирм и предприятий, адреса;
— клише, представляющие собой устойчивые выражения, идиомы и комплекс готовых фраз, при переводе которых требуется прибегать к методу подбора эквивалентов и приемам выборочного, свободного или описательного перевода;
— логико-грамматических и лексических конструкций, призванные установить логические связи в предложении, которые могут быть разделены группы: соединение и логическая последовательность идей (and, also, besides и т.д.), парафраз и наложение (as if, like и т.д.), причинность (as, because, therefore и т.д.) контраст и сопоставление (but if, however и т.д.), ограничение (except, only, only when и т.д.), предположение (conclude, confirm, suppose и т.д.) и вопрос;
— сокращений, которые стали результатом глобальной оптимизации сообщений и стремлений к минимизации знаков в процессе коммуникации.

Логико-грамматические и лексические конструкции соотносятся в исследовании Б.Н. Климзо [2] со словами и словосочетаниями-индикаторами:

— индикаторы отсутствия сомнения – doubt that, there is no question but that, there is little doudt that, there is little ambiguity that, there is little wonder that. В данных выражениях слово little переводится с использованием отрицательной частицы НЕ;
— индикаторы благоприятности или неблагоприятности обстоятельства для определенного действия – enough, sufficiently, too. При этом само действие выражается с помощью инфинитива глагола в утвердительной или отрицательной форме или for-комплексом;
— индикаторы сравнения – предлоги between и among. В значении двух предметов, результатов предлоги between и among на русский язык переводятся предлогом *для*;
— индикатор ограничения only, при переводе на русский язык которого следует опираться, прежде всего, на логику и анализ предложения;
— индикатор противопоставления «отрицание + as», перевод которого подчиняется правилу, согласно которому предложение, которое состоит из двух частей, при этом сказуемое первой части выражено отрицательной формой, а сказуемое второй части – положительной и обе части разделены словом as, то факт первой части противопоставляется факту второй части;
— индикатор высокой степени, под которыми понимаются такие синонимические пары, как each and every, reliability and dependability, insight and understanding, neatly and carefully, fitting and proper, readily and easily, relevant and suitable и др., которые в паре передают значение наивысшей степени качества и на русский язык переводятся одним значением с добавлением слов *очень, довольно, достаточно* и др.

Практическое исследование, в основе которого лежал анализ студенческих переводов текстов закона острова Мэн о терроризме и финансировании терроризма (принят в феврале 2012 года и обновлен 5 февраля 2016 года) и закона Турецкой Республики о противодействии терроризму (опубликован в 12 апреля 1991 года), показало, что в процессе работы студенты юридических специальностей испытывают трудности не только с достижением эквивалентности употребления терминологии, выбором адекватного перевода многозначных слов, но и определению слов и словосочетаний-индикаторов и их функциональные особенности в рамках юридического текста. Так, перевод предложения «The *use or threat of action* falling within subsection which involves the use of firearms or explosives is terrorism *whether or not* subsection is satisfied» вызвал ряд трудностей:

Перевод 1. *Угроза действий*, подпадающих под действие подраздела, которые связаны с применением огнестрельного оружия или взрывчатых веществ, является терроризмом, *независимо от того, выполняется ли подраздел*.

Перевод 2. *Польза или угроза действий*, подпадающих под действие подраздела, которые связаны с применением огнестрельного оружия или взрывчатых веществ, является терроризмом, *независимо от того, выполняется ли подраздел*.

Перевод 3. *Использование или угроза действия* попадает под раздел, который включает использование оружия или взрывчатых веществ, *несмотря на то является терроризм предусмотренным разделом или нет*.

Таким образом, приведенные примеры доказывают, что для специалиста в процессе работы над переводом закона как вида юридического текста с английского языка на русский не может быть незначительных лексических единиц. Максимальная эквивалентность перевода правового документа, при котором сохраняется его предписывающая и информирующая функции, достигается не только с помощью поиска адекватных соответствий юридической терминологии, но и правильному

пониманию роли слов и словосочетаний-индикаторов в рамках конкретного текста, которая требует углубленного изучения при подготовке юриста со знанием английского языка.

***

1. Алимов В.В. Юридический перевод: практический курс. Английский язык: Учебное пособие. Изд. 3-е, стереотипное. – М.: Ком Книга, 2005. – 150 с.
2. Климзо Б.Н. Ремесло технического переводчика. Об английском языке, переводе и переводчиках научно-технической литературы / Б.Н. Климзо // 2-е изд. переработанное и дополненное. – М.: «Р. Валент», 2006. – 508 с.
3. Краутман Т.Е. Ложные друзья переводчика при переводе текста закона с английского языка на русский / Т.Е. Краутман // Казанская наука. №4 2020г. – Казань: Издательство Рашин Сайнс, 2020. С. 62-65
4. Яшина Н.К. Учебное пособие по переводу научно-технической литературы с английского языка на русский / Н.К. Яшина; Владим. гос. ун-т им А.Г. и Н.Г. Столетовых. – 2-е изд., испр. и доп. – Владимир: Изд-во ВлГУ, 2015. – 112 с.
5. Юридический перевод / под. ред. П.В. Рыбина // Учебное пособие по переводу с английского языка на русский: Издательство «Проспект». – 431 с.

Кузнецова М.А.

Проектная деятельность в предметной области «Английский язык» как средство повышения мотивации обучающихся и эффективность обучения

Балашовский институт (филиал) ФГБОУ ВО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского» (Россия, Балашов)

doi: 10.18411/lj-06-2020-410
idsp: ljournal-06-2020-410

Аннотация

Данная статья посвящена проблеме повышения мотивации обучающихся к изучению английского языка и эффективности обучения с помощью метода проектов. В статье дается характеристика мотивации, рассматривается её взаимосвязь с качеством усвоения знаний. Выделяются особенности проектной деятельности, влияющие на повышение обоих показателей.

Ключевые слова: английский язык, проектная деятельность, проект, мотивация, эффективность обучения

Abstract

This article is devoted to the problem of increasing the motivation of students to learn English and the effectiveness of training using the project method. The article describes the motivation, considers its relationship with the quality of assimilation of knowledge. The features of project activities that affect the increase in both indicators are highlighted.

Keywords: English, project activity, project, motivation, learning efficiency

Введение новых информационных интернет-технологий в систему образования повышает эффективность учебного процесса, делает уроки английского языка более продуктивными и результативными [1, с. 90]. Однако в современных реалиях, несмотря на огромное количество методов обучения, технологий и ресурсов проблема мотивирования обучающихся к познавательной деятельности все еще не теряет своей актуальности. Мотивация школьников на учебу, их настроенность играет огромную роль в овладении предметной областью «Английский язык» [2, с. 262]. Но обучающиеся зачастую не видят необходимости использовать знаний по языку из-за отсутствуя каких-либо возможностей его реального практического применения.

Отсутствие положительного эмоционального отклика, низкая мотивация в ходе урока может негативно сказываться на стремление и желание обучающегося к процессу учения, что, в свою очередь, влияет на качество усваиваемых знаний.

Мотивация (лат. moveo – двигаю) определяется как совокупность разнообразных факторов, которые способны объяснить поведение человека, предопределить и стимулировать его деятельность [3]. Мотивация является «запускным механизмом» любой деятельности человека (труд, познание, общение и т.д.) [4]. В основе мотивации лежат мотивы. Л. И. Божович утверждает, что мотив – это то, ради чего осуществляется деятельность [5].

В отношении образовательного процесса применяется понятие частного вида мотивации – учебной, в основе которой лежит мотив учения. Данный мотив был определен А. Марковой как особая направленность обучающегося на различные стороны учебной деятельности [6].

Педагогу необходимо не просто создавать условия для обучения, но и работать над мотивацией обучающихся, принимая во внимание условное её разделение на отрицательную, в основе которой лежат побуждения, вызванные осознанием и страхом неприятностей, упреков, наказаний и положительную. Как правило, отрицательные побуждения не могут привести к успешным результатам в обучении в долгосрочной перспективе и наносят сильный вред психическому здоровью.

Положительная мотивация отражается в двух формах:

- познавательные мотивы – определяют важные для личности устремления (нахождение своего места и жизненного предназначения);
- социальные мотивы – определяются индивидуально-личностными стремлениями (одобрение окружающих, личное благополучие) [7].

Необходимо учитывать, что оба вида мотивации важно подкреплять посредством совокупности других мотивирующих факторов (похвала, грамоты, оценки, поощрения), так как в большинстве случаев обучающихся привлекает не сам процесс деятельности, а лишь то, что с ней может быть связано (достижение цели, получение какого-либо результата).

Таким образом, в ходе формирования положительной мотивации у обучающихся педагогу необходимо работать с несколькими блоками: с мотивами, целями и целевыми установками, эмоциями и учебно-познавательной деятельностью обучающихся. Эта работа может включать следующие виды воздействия: актуализацию и укрепление уже сложившихся позитивных установок у обучающихся; создание благоприятных условий для формирования и развития новых мотивационных установок; воздействие на внутренне отношения обучающихся к их собственным возможностям, перспективам их развития (оценки, поощрения, похвала и т.д.); корректировка дефектных и разрушающих мотивационных установок.

Нельзя оставлять без внимания также тот факт, что мотивация непосредственно связана с психическими процессами. По этой причине работа по формированию мотивации должна также осуществляться с учетом психологического развития каждого обучающегося, их индивидуальных и возрастных особенностей. Поэтому педагогам нужно соблюдать ряд условий в организации урочной деятельности: обеспечение общей благоприятной атмосферы в классе; включенности обучающегося в коллектив; отношений сотрудничества между педагогом и обучающимися (демократический стиль взаимодействия); оказание неявной помощи обучающемуся в учебной деятельности, направленной на подведение его к правильному решению; формирование у обучающихся адекватной самооценки; организация занимательных уроков (обеспечение занимательности и необычности изложения и преподнесения материала, обеспечение адекватных, занимательных форм работы; эмоциональности речи учителя, создание ситуаций спора, дискуссий).

Понятие мотивации неразрывно связано с понятием интереса. Анализируя определения данного термина, которые были выдвинуты разными авторами (В. Симоновым, К. К, Платоновым, А. А. Реаном и Я. Л. Коломинским, В. П. Зинченко и Б. Г. Мещеряковым, А. В. Петровским и др), можно отметить, что интерес часто рассматривается или как осознанная потребность, или как мотив. В обоих случаях, интерес непосредственно способен влиять на уровень мотивации обучающихся к изучению предметной области, в том числе английского языка, так как он относится к одним из побудительных механизмов познания [8].

Отсутствие или наличие заинтересованности в предмете может значительно сказываться на познавательной мотивации. Наличие интереса к уроку способствует вовлечению обучающихся в учебный процесс через влияние на мотивацию способно повысить эффективность процесса обучения.

Говоря об эффективности обучения английскому языку, необходимо уточнить, что этот термин предполагает не только совокупность объема усвоенных знаний, умений и навыков, но и те методы обучения, которые помогут обучающимся эффективно овладевать информацией. Рассматривая проблемы мотивации и эффективности обучения нельзя упрощать её понимание. Работа по формированию мотивации – это сложная и комплексная деятельность по созданию необходимых условий для проявления обучающимися внутренних побуждений к познавательной деятельности и процессу учения, а также дальнейшее развитие этих мотивов и мотивационной сферы в целом.

Одним из наиболее популярных и действенных методов в работе над повышением мотивации и эффективности обучения считается проектная деятельность. Метод проектов в современном понимании – это «способ достижения дидактической цели через детальную проработку проблемы (технологию), логичным завершением которой является вполне реальный практический результат, оформленный тем или иным образом» [9].

Использование метода проектов при обучении английскому языку имеет большой потенциал для повышения интереса обучающихся к предмету за счет своих преимуществ и личностно-ориентированной направленности, реализуемой в возможности регулировать уровень новизны, степень сложности темы и материала, предоставлять обучающимся поле для развития самостоятельности. Тематика проектов может быть выбрана самими обучающимися, что позволяет ориентироваться на их интересы, потребности, возрастные и индивидуальные особенности и возможности, развивать их способности и таланты. Это позволяет воздействовать на мотивационную сферу обучающихся, так как предполагает создание ситуаций успеха, что не только повышает уверенность обучающихся в себе и своих силах, но и заинтересованность в предмете.

Метод проектов также направлен на развитие коммуникативных умений, что отражает цель изучения английского языка и повышает его значимость как средства общения, и на удовлетворение как познавательных, так и социальных мотивов обучающихся. Обучающимся дается возможность не только самостоятельно формировать новые знания, умения, навыки, но и применять уже имеющиеся на практике, решать поставленные проблемы и формировать портфолио. Последнее особенно важно при изучении английского языка, так как обучающимся важно видеть непосредственную возможность и необходимость применять тот или иной материал на практике, увидеть значимость своих действий.

Таким образом, метод проектов позволяет соединить два момента: выполнение учебного задания и сферу интересов обучающихся. Сущность проектной деятельности способна учитывать психологические и индивидуальные особенности обучающихся, вовлечь в процесс максимальное количество обучающихся и развивать их навыки и способности. Метод проектов создает благоприятную почву для повышения уровни

мотивации к изучению языка и успеваемости, способствуя установлению прочного контакта с учителем. Установление взаимодействия сотрудничества с учителем позволяет организовать благоприятную атмосферу на уроке, способствуя увеличению положительного отношения к предмету и положительных результатов на уроке.

***

1. Камардина, Ю.С. Технология разработки «web-квеста» при изучении английского языка / Ю.С. Камардина // Научный журнал «Дискурс». – 2019. – 6 (32). – С. 90-96.
2. Камардина, Ю.С. Smart-технологии в обучении английскому языку / Ю.С. Камардина // Инновации и рискологическая компетентность педагога : Сборник научных трудов. В 2 ч. Ч. 1. – Саратов : Саратовский источник, 2020. – С. 262-264.
3. Маслоу, А. Мотивация и личность : пер. с англ. / А. Маслоу. – 3-е изд. –СПб. : Питер, 2012. – 352 с.
4. Зимняя, И.А. Психология обучения иностранным языкам в школе : библиотека учителя иностранного языка/ И.А. Зимняя. – М.: Просвещение, 1991. – 222 с.
5. Божович, Л. И. Личность и ее формирование в детском возрасте / Л. И. Божович. – М.: Просвещение, 1968. – 464 с.
6. Маркова, А.К. Формирование мотивации учения в школьном возрасте: Пособие для учителя / А. К. Маркова. – М.: Просвещение, 1983. – 96 с.
7. Днепров, Э.Д. Вехи образовательной политики: избранные статьи и материалы. 1987–2012 годы / Составители Р.Ф. Усачева, Т.Н. Храпунова. Ч. 1. М.: Мариос, 2012. – 624 с.
8. Общая психология : Учеб. для пед. ин-тов / А. В. Петровский, А. В. Брушлинский, В. П. Зинченко и др.; под ред. А. В. Петровского. – 3-е изд., перераб. и доп. – М. : Просвещение, 1986. - 463 с.
9. Полат, Е.С. Метод проектов на уроках иностранного языка / Е. С. Полат // Иностранные языки в школе. – 2000. – № 3. – с. 3-9.

Кулакова К.А.

Переводческие трансформации в переводе романа Я. Симон «Ведь мы – другие. История Феликса С.»

ФГАОУ ВО «Казанский (Приволжский) федеральный университет», Елабужский институт (Россия, Елабуга)

doi: 10.18411/lj-06-2020-411
idsp: ljournal-06-2020-411

Аннотация

В данной статье рассматривается понятие «переводческие трансформации» и их классификация, предложенная В.Н. Комисаровым. На материале романа Я. Симон «Ведь мы – другие. История Феликса С.» представлен анализ приемов переводческих трансформаций, способствующих разрешению основных трудностей перевода. В ходе исследования были определены виды переводческих трансформаций, обладающих наибольшим потенциалом для передачи культурно-исторического контекста и сохранения эмоционального и коммуникативного эффекта оригинала.

Ключевые слова: переводческие трансформации, классификация, эквивалентность, перевод, Я. Симон, роман.

Abstract

This article discusses the concept of "translation transformations" and their classification, proposed by V.N. Komisarov. Based on the novel Y. Simon "After all we are others. The history of Felix S." presents an analysis of the techniques of translation transformations that help to solve the main difficulties of translation. The research identifies the types of translation transformations that have the greatest potential for transmitting the cultural and historical context and preserving the emotional and communicative effect of the original.

Keywords: translation transformations, classification, equivalence, translation, Y. Simon, novel.

Л.С. Бархударов рассматривает перевод как межъязыковое преобразование или трансформацию текста на одном языке в текст на другом языке. Однако ученый отмечает, что термин «преобразование» не стоит понимать буквально, поскольку исходный текст не изменяется сам по себе. Дело в том, что наряду с ним и на его основе создается другой текст на ином языке, который и называется «переводом» [1].

Достижение адекватности (эквивалентности) перевода является одной из ключевых задач переводчика. Несмотря на существующие расхождения в формальных и семантических системах двух языков переводной текст должен с максимально возможной полнотой передавать все содержание, заключенное в исходном тексте, поэтому деятельность переводчика требует от него умения производить многочисленные и качественно разнообразные межъязыковые преобразования, так называемые переводческие трансформации [1].

И.С. Алексеева к трансформациям относит все соответствия, которые переводчик «выстраивает» сам, не пользуясь готовым арсеналом средств, и определяет их как межъязыковые преобразования, требующие перестройки на лексическом, грамматическом или текстовом уровне [3, с. 158].

В.Н. Комиссаров определяет трансформацию как преобразование отрезка оригинала в отрезок перевода по определенным правилам, то есть как процесс. Однако вместе с тем он называет трансформацию «приемом перевода», то есть признает за ней статус операционной единицы этого процесса и подразделяет эти приемы на лексические, грамматические и лексико-грамматические. Более того, автор отделяет трансформации от переводческих соответствий, определяя их «как единицы переводного языка, регулярно используемые для перевода данной единицы исходного языка» [4, с. 166], то есть заранее известные, для применения которых в переводе не нужно использовать особых приемов [3, с. 154-155].

С целью выявления и анализа переводческих трансформаций, использованных переводчиком романа «Ведь мы – другие. История Феликса С.», мы будем опираться на классификацию В.Н. Комиссарова, который выделяет 3 типа переводческих трансформаций: лексические, грамматические и комплексные лексико-грамматические трансформации.

Основные виды лексических трансформаций, применяемых в процессе перевода, включают следующие переводческие приемы: переводческое транскрибирование и транслитерацию, калькирование и лексико-семантические замены (конкретизацию, генерализацию, модуляцию). К наиболее распространенным грамматическим трансформациям принадлежат: синтаксическое уподобление (дословный перевод), членение предложения, объединение предложений, грамматические замены (формы слова, части речи или члена предложения). К комплексным лексико-грамматическим трансформациям относятся антонимический перевод, экспликация (описательный перевод) и компенсация [3, с. 172-173].

На материале романа Я. Симон «Ведь мы – другие. История Феликса С.» и его перевода, выполненного Н.Н. Федоровой, нам удалось проанализировать случаи применения каждого вида переводческих трансформаций. Действие романа происходит в определенный этап истории ФРГ – период объединения Западной и Восточной Германии. Несмотря на то, что падение Берлинской стены отстоит от нас во времени уже на три десятка лет, по мнению А.В. Гизатуллиной, «важность этого события, его значение для дальнейшего развития Европы и мира в целом, а также его влияние на судьбы сотен тысяч людей не позволяют обществу забыть о нем и заставляют многих, в том числе писателей, вновь и вновь мысленно возвращаться к этому дню и к событиям, предшествовавшим ему и последовавшим за ним» [2, с. 174-175].

В тексте оригинала возникают так называемые слова-реалии, которые характеризуют жизнь и историческое развитие носителей исходного языка, но отсутствуют в практическом опыте носителей переводящего языка. В таком случае переводчики, как правило, обращаются к такому приему лексической трансформации, как транслитерация, при котором воспроизводится графическая форма слова. В переводе исследуемого романа нами были отмечены следующие примеры употребления Н.Н. Федоровой приема транслитерации: Schöneweide – Шёневайде, die Maxi-Single – макси-сингл, Plänterwald – Плентервальд, Kraftwerk – крафтверк, Kool and the Gang – «кул энд зе гэнг», Kaisers-Markt – «Кайзерс-маркт» и т.д.

Калькирование также относится к лексическим трансформациям и заключается в создании нового слова или устойчивого сочетания в переводящем языке, копирующего структуру исходной лексической единицы. Именно такими способом Н. Федорова перевела словосочетание «professioneller Revolutionär»:

«Arnold wurde «professioneller Revolutionär», wie er es nennt» [7, с. 126]. «Арнольд стал профессиональным революционером, так он говорит» [6, с. 152].

К основным приемам лексических трансформаций, выделенных В.Н. Комисаровым, относится также конкретизация, использование которой мотивируется чаще всего отсутствием в переводящем языке слова со столь широким значением, которое имеется в исходном языке.

В переводе ниже представленного предложения представлен пример употребления переводчицей приема конкретизации, который заключается в замене широкого значения слова «Schnaps» (крепкий спиртной напиток) на более узкое – водка: «Ab und zu baten Schwarze ihn, Schnaps für sie zu besorgen…» [7, с. 123]. «Иногда чернокожие просили его достать водки…» [6, с. 150].

Применение конкретизации также может обуславливаться наличием как в исходном, так и в переводящем языке слов с широким значением, но разной степенью их употребительности. В рассматриваемом романе писательница следующим образом описывает проявление физической силы двумя подростками:

« …während Jörns Faust immer wieder in den Bauch von Felix *knallte*, zehn-, zwanzigmal» [7, с. 12]. «Nun *knallte* Felix' Faust in Jörns Bauch» [6, с. 12].

«… а кулак Йёрна меж тем снова и снова *тузил* Феликса в живот, десять, двадцать раз» [5, с. 101]. «Теперь Феликс *молотил* Йёрна в живот» [5, с. 101].

В данном примере переводчица избегает употребления немецкого глагола «knallen» с общим значением «ударять», поскольку данный глагол не описывает ситуацию должным образом и не оказывает соответствующего эмоционального воздействия на читателя, поэтому лучшим способом обеспечить эквивалентность русского перевода является конкретизация указанных глаголов.

Помимо рассмотренных выше примеров, нами было отмечено использование Н. Федоровой при переводе романа приема модуляции, который заключается в замене слова или словосочетания исходного языка единицей переводящего языка, значение которой логически выводится из значения исходной единицы. Так, следующий пример, по нашему мнению, демонстрирует полностью оправданное применение переводчицей приема модуляции, который заключается в замене описания волос Феликса (дословный перевод: короткие черные волосы, которые немного дико торчали из его головы) на простое название мужской стрижки «ежик»:

«Felix war klein, hatte kurze schwarze Haare, die ein bisschen wild von seinem Kopf abstanden…» [7, с. 12]. «Феликс был маленький, с непокорным *ежиком* черных волос…» [5, с. 101].

Одним из видов грамматических трансформаций по классификации В.Н. Комиссарова считается грамматическая замена: способ перевода, при котором грамматическая единица в оригинале преобразуется в единицу переводящего языка с иным грамматическим значением. Распространенным видом грамматической замены в процессе перевода является замена части речи:

1. «Maria ist jetzt verheiratet und Mutter» [7, с. 171]. «Мария теперь жена и мать» [6, с. 175].
2. «Wo Stille ein Geräusch ist» [7, с. 7]. «Где тишина словно бы шумит» [5, с. 98].
3. «Felix verabschiedete sich von ihr, grinste sie an und lud sie für den nächsten Tag zu sich nach Hause ein …» [7, с. 13]. «На прощанье Феликс широко улыбнулся и пригласил ее на завтра к себе …» [5, с. 101].

В первом примере произошла замена причастия на существительное, во втором – существительного на глагол, а в третьем – глагола на существительное. Приведенные примеры использования Н.Н. Федоровой грамматических трансформаций можно считать оправданными, поскольку они способствовали достижению семантической эквивалентности.

В процессе перевода переводчики зачастую сталкиваются с проблемой утраты единицами исходного языка первоначального смысла, в связи с чем возникает необходимость поиска других средств передачи утраченного смысла. Одним из таких средств является компенсация, которая предполагает замену непередаваемого элемента подлинника элементом иного порядка в соответствии с общим идейно-художественным характером оригинала и нормами языка перевода [4, с. 185].

Одним из часто встречающихся видов связи реплик выступают местоимения (личные, указательные, неопределенные, вопросительные). Так, для немецкой разговорной речи характерной чертой является употребление указательного местоимения вместо личного, что не имеет прямого соответствия в русском языке.

Der ist sofort umgefallen. Einfach so [7, с. 147]. Он сразу рухнул. Как подкошенный [6, с. 162].

Здесь Н.Н. Федорова передает указательное местоимение личным, сохраняя смысл высказывания и следуя нормам русского языка. В результате такого перевода теряется окраска немецкой разговорной речи. Однако переводчице удается компенсировать утраченный смысл предложения, благодаря замене стилистически нейтральных слов и выражений «umfallen», «einfach so» в оригинальном тексте на стилистически сниженную лексику «рухнул», «как подкошенный» в переводе романа на русском языке.

Таким образом, на материале перевода романа «Ведь мы – другие. История Феликса С.» нами были рассмотрены и проанализированы примеры употребления переводчицей приемов каждого вида переводческих трансформаций, которые способствовали достижению переводчиком эквивалентности переводного текста и решению ряда трудностей, связанных с различиями в грамматическом строе языков, утратой единицами исходного языка в процессе перевода первоначального смысла, использованием автором романа многозначных слов, интернациональной лексики и межъязыковых омонимов.

Анализ выявленных нами переводческих трансформаций позволил также прийти к выводу, что наибольшее предпочтение Н.Н. Федорова отдавала лексическим и комплексным лексико-грамматическим трансформациям, поскольку их употребление позволило переводчице романа решить ряд трудностей, связанных не только с необходимостью достижения эквивалентности перевода, но и сохранения и передачи культурного-исторического своеобразия оригинала, коммуникативного и эмоционального эффекта, лексических единиц, характерных для того или иного функционального стиля речи.

***

1. Бархударов Л.С. Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода. – URL: http://samlib.ru/w/wagapow_a_s/barhud-trdoc.shtml
2. Гизатуллина А.В. Падение Берлинской стены в творчестве немецкоязычных авторов: проблема рецепции // Литература в диалоге культур: проблемы рецепции инокультурного текста:

коллективная монография / Отв. ред. А.М. Борисов, Е.М. Шастина. – Елабуга: Издательство Елабужского института Казанского федерального университета, 2015. – С. 173-195.
3. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты) : Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. – М.: Высш. шк., 1990. – 253 с.
4. Комиссаров В.Н. Современное переводоведение. Учебное пособие. – М.: Издательство «ЭТС», 2002. – 424 с.
5. Симон Я. Ведь мы – другие. История Феликса С. Перевод с немецкого Н. Федоровой / Яна Симон // Иностранная литература. – 2004. – №7. – С. 98-156.
6. Симон Я. Ведь мы – другие. История Феликса С. Перевод с немецкого Н. Федоровой / Яна Симон // Иностранная литература. – 2004. – №8. – С. 148 -215.
7. Simon J. Denn wir sind anders. Die Geschichte des Felix S. – Berlin: Ullstein Buchverlage GmbH, 2011. – 256 с.

Ленкова Т.А.

Обзор стилистических средства визуальной выразительности в креолизованных текстах СМИ

Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина (Россия, Рязань)

doi: 10.18411/lj-06-2020-412
idsp: ljournal-06-2020-412

Аннотация

Процесс визуализации быстро развивается в СМИ. Журналисты используют наряду с графиками, блок-схемами, рисунками, то есть инфографикой, стилистические средства выразительности. Если ранее о тропах и фигурах речи говорили только применительно к риторике, то есть к языку, то теперь стилистическая экспрессивность получила визуальное воплощение в медиапродукции.

Ключевые слова: визуализация, креолизованный медиатекст, стилистические средства выразительности

Abstract

The visualization process is developing rapidly in the media. Journalists use along with graphs, block diagrams, drawings, i.e. infographics, stylistic means of expressiveness. If earlier about tropes and figures of speech spoke only in relation to rhetoric, i.e. to language, now stylistic expressiveness got visual embodiment in media production.

Keywords: visualization, creolized media, stylistic means of expression

Современное общество испытывает на себе влияние многих глобальных процессов, один из них – визуализация. Отойдя от наскальных рисунков в доисторических пещерах, пройдя огромный путь через изобретение книгопечатания и оцифровывания всего и вся, мы вновь возвращаемся к визуальному образу. Конечно же, речь идёт о новых технологиях, но суть и ценность понятия неизменна – именно через глаза человек получает львиную долю информации, именно однажды увиденное заставляет нас верить в это.

Визуализация, затронувшая поначалу компьютерные технологии, а потом психотерапию, в 90-х годах прошлого века пришла в СМИ и стала исследоваться лингвистами на уровне креолизованных текстов. Визуальность настолько укоренилась в массмедиа, что заговорили не только об икономании, но и об иконофобии. Это не случайно, ведь, если ещё полвека назад газетные и журнальные страницы состояли в основном из вербальных текстов, то сейчас они пестрят всевозможным визуальным контентом. Отсюда страх – не вытеснит ли визуальность вербальную часть целиком и полностью?

Процесс визуализации настолько быстро развивается в СМИ, что на сегодняшний день, на наш взгляд, уже не актуально говорить о визуальных составляющих как об иконических, то есть отождествлять их. На страницах прессы читатель может увидеть не только иконки (они были и раньше, например, фото руководителей, деятелей культуры, представителей высшего общества), но и индексальные, и символические вставки.

Более того, журналисты, осознавая то или нет, но начали использовать наряду с графиками, блок-схемами, рисунками, то есть инфографикой стилистические средства выразительности. Если ранее о тропах и фигурах речи говорили только применительно к риторике, то есть к языку, то теперь стилистическая экспрессивность получила визуальное воплощение в медиапродукции.

Наиболее частый случай такой экспрессивности – визуальная метафора. Частотность её употребления объясняется, прежде всего, тем, что визуальность есть атрибут практически любой метафоры, а, кроме того, язык всегда метафоричен, так как метафорично человеческое мышление [3]. То есть, что не может быть выражено вербально, имеет шанс появиться в визуальной форме. Недаром считается, что метафоры − это сильные эвфемизмы, затушёвывающие нежелательный смысл, с одной стороны, но, с другой, − это возможность «поговорить» образами на запретные темы. Это «завидный» плюс визуальной метафоры, ведь превалирование вербальности в прессе долгое время ассоциировалось с тоталитарностью, а визуализация стала «глотком воздуха», возможностью высказаться, выразить своё мнение.

Необходимость комплексного рассмотрения метафоры в рамках поликодового/креолизованного медиатекста подчёркивается в данной работе особо. О визуальной метафоре как самостоятельном понятии заговорили примерно 25-30 лет назад. Комплексное изучение метафоры в поликодовом медиатексте, взаимовлияние разных семиотических кодов на содержание и понимание метафоры (в случае использования метафоры в поликодовом медиатексте часто один компонент служит незаменимым ключом к пониманию содержания другого) только начинается.

Говоря о взаимовлиянии и взаимозависимости метафоры от используемых семиотических кодов, уточним, что как фото вовлекается в процесс метафоризации лишь относительно конкретной фото-легенды и далее вербального текста статьи, так и сама изолированная фото-легенда получит совершенно другой смысл, нежели она интерпретировалась бы в комплексе с визуальной вставкой и текстом в целом.

В прессе метафора, будь она традиционная вербальная или визуальная, является неотъемлемым и ярким элементом технологий речевого воздействия и речевого манипулирования. Однако это вовсе не означает отрицательной роли метафоры. Известный исследователь Вейдт говорит о том, что метафору ошибочно воспринимают как языковое явление, мешающее восприятию, это не так, − напротив, именно метафора и только метафора делает понимание возможным [4]. У читателей появляется шанс увидеть между строк скрытый смысл, под которым понимается всякий смысл, вербально не выраженный в тексте сообщения [2].

Если рассматривать визуальную метафору с семиотической точки зрения, то именно на уровне индексального знака случается процесс метафоризации, поскольку иконка носит денотативный характер, а метафора игнорирует денотативное сходство. Однако метафоризация невозможна без слаженной работы иконической вставки и вербальных частей заголовочного комплекса и текста в целом.

В отличие от метафоры в вербальной части теста визуальная метафора в может совмещать в себе сразу несколько семиотических кодов (кинесика, цвет), что во стократ увеличивает возможности интерпретации текста статьи в целом. Метафора в публицистике – не просто органична, она необходима как ответ на требование времени, как инструмент достижения намерений журналиста и, в то же время, инструмент удовлетворения потребностей целевой аудитории. Когнитивная теория метафоры, во главе угла которой находится познание, безоговорочно обуславливает и оправдывает

употребление метафоры в текстах СМИ. Именно познавательный потенциал метафоры отвечает как информирующей, так и воздействующей функции медиатекста.

В поликодовом/креолизованном медиатексте наряду с широко и успешно используемой метафорой журналистами часто употребляются и другие стилистические средства выразительности. К ним относятся метонимия и её разновидность – синекдоха, перифраз, аллегория, литота и гипербола, олицетворение и другие. Все они могут служить как наиболее полному раскрытию содержания публицистического материала, так и оказаться средством манипуляции мнением целевой аудитории.

Как говорит один из авторов трудов по риторике Е. Н. Зарецкая, «любая целевая установка речи должна иметь свои лингвистические и экстралингвистические средства выражения, начиная со структуры построения текста и выбора лексики и кончая интонационным контуром, мимикой и жестами» [1].

Проанализировав аналоги визуальных стилистических средств выразительности в немецкой прессе, позволим себе сделать следующие выводы.

Во-первых, в поликодовых медиатекстах визуальные стилистические тропы приобретают такое же весомое значение, как и вербальные. Данный процесс протекает в русле современных тенденций визуализации и отвечает потребностям, как целевой аудитории, так и повышает конкурентоспособность издания на рынке СМИ.

Во-вторых, многие из проанализированных визуальных стилистических средств выразительности ограничены культурно-историческими условиями данного конкретного общества, то есть они могут быть употреблены и поняты только в определённый период времени в определённой целевой аудитории. За пределами этой аудитории использование визуальных аналогов стилистических тропов теряет всякий смысл.

В-третьих, визуальное почти всегда «поддерживается» вербальным. Под фотографией, как правило, находится фото-легенда, которая объясняет суть изображённого.

Визуальные стилистические средства выразительности в медиатексте – явление новое и ещё неизученное. Исследование данного понятия, по-нашему глубокому убеждению, носит междисциплинарный характер и таит в себе огромные перспективы.

Современный медиатекст – сложное комплексное образование, черпающий и воплощающий себя в жизни; столпами поликодового медиатекста являются и экстралингвистика, и прагматика, и социокультурный аспект, и психология.

***

1. Зарецкая Е. Н. Риторика: Теория и практика речевой коммуникации. – 4-е изд. – М.: Дело, 2002. – 480с.
2. Масленникова А.А Скрытые смыслы и их лингвистическая интерпретация. Диссер…. Санкт-Петербург. 1999 - 299с.
3. Lakoff, George / Johnson, Mark (1980):Metaphors we live by. Chicago: Univ. of Chicago Press. – 256 P.
4. Weydt, Harald (1986):Wissen – Sprechen – Metaphern. In: Zeitschrift für Literaturwissenschaft und Linguistik. -S. 64, 87–97.

Моисеева А.В.

Языковая манипуляция в тексте рекламы

Башкирский государственный университет
(Россия, Уфа)

doi: 10.18411/lj-06-2020-413
idsp: ljournal-06-2020-413

Аннотация

В статье анализируется феномен языкового манипулирования, его основные направления, которые используются в рекламе. Данное явление рассматривается с точек зрения присутствия во всех сферах духовной и общественной жизни общества.

Ключевые слова: языковое манипулирование, социальные установки, картина мира, реклама

Abstract

The article analyses the phenomenon of linguistic manipulation, its main areas that are used in advertisement. The given phenomenon is considered from the view point of its presence in all spheres of spiritual and public life of the society.

Key words: linguistic manipulation, social attitudes, worldview, advertisement.

«Языковое манипулирование» является сущностной проблематикой современной лингвистики. Н.А. Остроушко и П.Б. Паршин выделяют два направления в определении этого феномена. В первом под «языковым манипулированием» понимается манипулирование, осуществляемое путем сознательного и целенаправленного использования особенностей устройства и употребления языка [Остроушко 2002: 86-91].

Второе направление связано с конкретизацией сущности языкового манипулирования, ориентированного на определенную сферу жизни человека. В таком случае, о языковом манипулировании уместно говорить лишь постольку, поскольку инструментом манипуляции выступает то, что было названо П.Б. Паршиным и В. Сергеевым значимым варьированием [Паршин, Сергеев 1984: 127-138], а именно выбор из множества языковых средств описания некоторого положения дел именно тех способов описания, которые несут в себе необходимые говорящему (манипулирующему) оттенки значения, ассоциации, представляют ситуацию в выгодном для говорящего свете, вызывают необходимый говорящему отклик в душе слушающего.

Поэтому языковое манипулирование в нашем понимании – это ситуативно значимое варьирование сознательно и целенаправленно отобранных семантически эффектных языковых средств. Из этого определения становится очевидным, что не все сферы деятельности человека, а лишь некоторые из них активно пользуются языковым манипулированием в силу своего статуса в обществе.

Манипулирование, со всеми его психологическими особенностями, - это еще и конкретная языковая реализация скрытой, а может быть и явной стратегии адресанта. И в этом плане оставляя приоритет за лингвистами и языковыми средствами, позволим себе такое утверждение: ведь все в конечном итоге сводится к языку.

Суть языкового манипулирования в рекламе заключается в следующем: рекламная информация подается таким образом, чтобы потребитель на ее основе самостоятельно сделал определенные выводы. Так как потребитель приходит к этим выводам сам, он автоматически принимает такое знание за свое собственное, а, следовательно, относится к информации менее критично и с большим доверием.

Существует три основных направления языкового манипулирования, которые используются в рекламе.

Во-первых, эмоции. Для рекламы очень важным является воздействие именно на эмоциональную сферу, так как:

- общая эмоциональная реакция на рекламу товара автоматически переносится на сам товар и оказывает значительное влияние в ситуации потребительского выбора;
- эмоциональная память является одним из самых устойчивых видов памяти;
- эмоции сильнее и непосредственнее логических рассуждений, поэтому их легче смоделировать.

Общеизвестно, что выделяются положительные и отрицательные эмоции. Бесспорно, в рекламе важно обращаться именно к положительным эмоциям, чтобы

впоследствии связать их с товаром. Обращение к негативным эмоциям в рекламе нежелательно. Однако существует ряд товаров, основная задача которых – решение проблемы, а потому при описании проблемы приходится использовать негативные эмоции. Реклама лекарств, видов страхования, социальная реклама активно работает с отрицательными эмоциями.

Далее идут социальные установки. Для любого человека очень важными являются отношения «я – общество – я в обществе». Поэтому реклама часто манипулирует различными социальными установками человека: самооценка, самоутверждение, общественное мнение и т.д.

И наконец, картина мира. Каждый человек имеет собственные представления о мире и его законах. Знания, навыки, опыт, эмоции и ощущения постепенно складываются в единую картину действительности, совпадающую с общепринятой, но, безусловно, различающуюся субъективными личностными оценками. Как следствие, в рекламе мы имеем дело не с объективной картиной мира, а с ее интерпретацией. Такая разница в восприятии позволяет рекламщикам создавать собственные «версии мира» (его эмоционально – оценочные образы) и выдавать их за реальные.

Языковое манипулирование присутствует во всех сферах общественной жизни. Это значит, что во всех сферах жизни присутствует эго манипулятора, навязывающего свою систему ценностей тайно, из-за невозможности делать это явно. В духовной сфере манипулирование направлено на духовные ценности через приоритеты воспитания, через образование, искусство и литературу. В социальной сфере манипулируют социальными идеями (как, например, идеями «свободы, равенства, братства»). Это делается через выстраивание системы социальных мифов и социально значимых ритуалов (например, воинское приветствие). И, наконец, в материальной сфере приоритет ставится на достижение материальных ценностей. Любовь к вещам как таковым выгодна для манипулятора, так как облегчает его работу. Делается это с помощью коммерческой рекламы.

Классификаций приемов языкового манипулирования достаточное количество, рассмотрим некоторые из них. Б. Л. Борисов предлагает выделить такие приемы языкового манипулирования как:

1) Эвфемизация – замена слова с негативной семантикой позитивным или нейтральным по смыслу. «Могущество слов так велико, что стоит только придумать изысканные названия для каких-нибудь самых отвратительных вещей, чтобы люди тотчас же приняли их» [Лебон 2018: 96].
2) Подмена понятий. Известное нам понятие ставится в один ряд с негативными/позитивными понятиями, вследствие чего приобретает негативный/позитивный оттенок значения. При этом прямо ничего не говорится – человек сам делает работу по негативизации/позитивизации смысла.
3) Сравнение в пользу манипулятора. Прием сводится к поиску объекта, на который можно было бы опереться, чтобы продукт выглядел в выигрышном свете.
4) Переосмысление. Очевидному и всем известному факту, событию, человеку, явлению присваивается новый смысл, удобный манипулятору. Все выглядит как новое знакомство с предметом.
5) Вживленная оценка. Признак предмета постоянно ставится рядом с его названием, превращаясь в его имманентное свойство. И ни у кого не возникает желания это оспаривать или уточнять.
6) Речевое связывание. Прием взят из практики нейролингвистического манипулирования. Это прием, с помощью которого два или более действий в предложении связываются временными оборотами «до того как», «перед тем как», «после того как» и т.д. Эффект приема

обусловлен тем, что на такую двойную временную конструкцию в предложении человеку затруднительно дать двойное отрицание, если он хоть с чем-то не согласен.

7) Импликатуры. «Имплицитный способ передачи информации – это способ, когда она открытым текстом в сообщении не присутствует, но с необходимостью извлекается читателем в силу стереотипов мышления и языковых конвенций» [Пирогова 2001: 543-553].
8) Риторические вопросы. Перед вами ставятся вопросы, на которые невозможно ответить «нет». Но наше «да» впоследствии оказывается ловушкой, так как означает гораздо больше, чем просто ответ на вопрос» [Борисов 2001: 617].

В итоге можно сказать, что на сегодняшнем рекламном рынке очень активно используются многие методы манипулирования. Они являются эффективными за счёт обращения знаниям и стереотипам, которые хранятся в сознании людей. Однако, реклама, к сожалению, не всегда несёт в себе правдивую и честную информацию. Поэтому моральной оценке подлежит сам факт такого воздействия на аудиторию. Ведь, по сути, почти ни одна реклама не в состоянии получить положительную моральную оценку своего содержания. Но, несмотря на это, манипулятивные методы в рекламе существовали, и будут существовать всегда вне зависимости от нашего о них мнения, как и любые иные инструменты, уже на деле доказавшие свою эффективность в решении задач стимулирования спроса.

В настоящее время продолжаются совершенствоваться психотехнологии для управления поведением человека. В результате человек находится под мощным воздействием техногенной информационной и информационно-психологической среды. Развитие технической цивилизации вызвало эффект отключения способности мозга человека сознательно контролировать воздействующие на него информационные потоки. Поэтому информация воспринимается мозгом и психикой бессознательно, что изменяет состояние и поведение человека помимо его воли. Искусственно изменяя эмоциональные структуры психики, становится возможным управлять не только комплексом убеждений и представлений, но и соматическими процессами. На уровне сознания субъекта это обычно отражается как вера, убежденность, устойчивое представление, мнение.

Методы манипулирования уже настолько вжились в данную сферу, что воспринимается как нечто само собой разумеющееся. Современный этап рекламной деятельности несомненно имеет социальную ориентацию, однако характеризуется не столько стремлением удовлетворить разнообразные потребности людей, сколько тенденцией внушить идею жизненной необходимости рекламируемого товара или услуги, не принимая во внимание благополучие и здоровье общества. Тогда как в идеале, реклама должна обобщать интересы всех участвующих в ней сторон. Поэтому вопрос не в том, использовать манипулятивные техники или нет, а как именно их использовать. Каждая компания решает его для себя сама, однако в настоящее время сложилась ситуация, когда выгода, которая должна согласовываться с моральными устоями общества превалирует и является единственной главной целью.

***

1. Борисов Б.Л. Технология рекламы и PR. - М., 2001. - 617 с.
2. Лебон Г. Психология народов и масс. - Академический проект, 2018. – 240 с.
3. Остроушко Н.А. Речевое воздействие как лингвистическая проблема // Мир русского слова. - 2002. - №5. - С. 86-91.
4. Паршин П.Б., Сергеев В. Об одном подходе к описанию средств изменения моделей мира //Уч. зап. Тартусского гос. ун-та.- Тарту, 1984. -Вып.668. - С.127-138.
5. Пирогова Ю.К. Стратегии коммуникативного воздействия и их отражение в рекламном тексте // Текст. Интертекст. Культура: Сб. докладов междунар. науч. конф. (Москва, 4-7 апреля 2001 г.) М.: «Азбуковник», 2001. - С. 543-553.

Окорокова Л.Г., Ордахова Т.В.

Языковая политика в процессе этнической интеграции в Синьцзяно-Уйгурском автономном районе (КНР)

ФГАОУ ВО "Северо-Восточного Федерального Университета им.М.К.Аммосова"
(Россия, Якутск)

doi: 10.18411/lj-06-2020-414
idsp: ljournal-06-2020-414

Аннотация

В статье рассматриваются лингвистические способы реализации языковой политики в КНР на материале Синьцзяно-Уйгурского автономного района. Данная тема позволяет нам изучить язык с точки зрения политического инструмента, который помогает достичь взаимного согласия и понимания двух и более народов на территории одного государства. В ходе исследования нами были изучены материалы относительно языковых проблем на территории Китайской Народной Республике в Синьцзян-Уйгурском автономном районе.

Ключевые слова: языковая политика, политическая лингвистика, народность, миноритарные языки, общепринятый язык, уйгурский язык

Abstract

The article discusses linguistic methods of implementing language policy in China based on the material of the Xinjiang Uygur Autonomous Region. This topic allows us to study the language from the point of view of a political tool that helps to achieve mutual agreement and understanding of two or more peoples on the territory of one state. During the study, we studied materials regarding language problems in the territory of the People's Republic of China in the Xinjiang Uygur Autonomous Region.

Keywords: language policy, political linguistics, nationality, minority languages, majority language, Uighur language

Русский Советский писатель, лауреат Нобелевской премии по литературе Михаил Александрович Шолохов писал: «Величайшее богатство народа – это язык! Тысячелетиями накапливаются и вечно живут в слове несметные сокровища человеческой мысли и опыта» [1, с.1]. Действительно, язык есть основа, начало и конец нашего с вами существования. Язык является своего рода зеркалом жизни народа, не только в современном мире, но и в силу способности закреплять и накапливать «память поколений» в своих единицах, сохраняет в народной памяти «следы» далекой эпохи и современности.

Носители языка являются сосудами передачи уникальной информации, понятной только для его языковой общности. Поэтому, всякий язык является ценнейшим национальным достоянием поколений.

Кроме того, язык всецело выступает в качестве инструмента политики - от политической идеологии до консолидации и формирования на его основе народа как субъекта политического процесса. В среде двуязычия или многоязычия языковая политика состоит из определенной функции и областей использования сосуществующих языков.

В современном мире во всех странах внедрена языковая политика. Выделяются две потребности для использования языковой политики: во-первых, это потребность в идентичности и во-вторых, это потребность взаимопонимания.

Языковая политика может быть реализована через различные институты, средства, методы и инструменты. Однако, закон, определяющий, какой язык использовать в определенных официальных ситуациях, является лишь частью языковой

политики. Наиболее эффективными и действенными учреждениями для его реализации являются административная система управления, система образования, религиозные единства и средства массовой информации.

Политическая лингвистика - политическое измерение языкового устройства общества тесно связана с языковой политикой. Основная задача политической лингвистики заключается в борьбе за политическую власть и манипуляцию общественным сознанием. Можно сказать, что языковая политика и политическая лингвистика взаимодействуя строят политическую идейность в стране.

Ситуация с языковой политикой в КНР выглядит следующим образом, политика руководства Китайской Народной Республики в отношении миноритарных языков во многом определялась задачами национальной политики, вследствие чего носила противоречивый характер. С одной стороны, принимались меры для развития языков малых народов, с другой – наблюдалось сужение функциональной сферы применения этих языков.

Хронология реализации языковой политики в КНР:

1955 г. - популяризация Путунхуа (что в буквальном переводе означает «общепонятный язык»)

1980-х гг. - возобновление реформ, разработка фонетической транскрипции, стандартизация иероглифической письменности

К концу 90-х гг. было принято 62 закона, касающегося национального вопроса

2001 г. - закон КНР об общегосударственном языке и письменности

2002 г. - политика ассимиляции

2004 г. - содействие "двуязычному языковому воспитанию"

с 2006 г. - начинается выпуск ежегодников о языковой ситуации и языковой политике

В самих автономных районах органы власти наделяются правом управления национальной политикой в отношении миноритарных языков.

В свете последних событий с наступлением реформ и открытости в КНР, на территории СУАР помимо этнической интеграции наблюдалось притеснение уйгуров в плане использования родного языка, а также в выборе исповедания. По всему миру общество разделилось на два лагеря, одни за поддержку КНР и его политику относительно перевоспитания уйгуров, другой за свободу и независимость уйгуров.

В одной из глобальных средств массовой информации «The New York Times»16 ноября 2019 года была опубликована статья с названием «‘Absolutely No Mercy’: Leaked Files Expose How China Organized Mass detentions of Muslims» и с переводом на китайский «泄露文件揭示中国如何组织对穆斯林大规模拘禁» в котором раскрыли секретную директиву на 406 страницах, касающихся внутренних китайских политических документов. Интересно заметить, как описали «лагеря перевоспитания» зарубежные СМИ «狗禁营» (пиньинь: gǒu jìn yíng), первый иероглиф «狗» означает «собака», «禁营» - «запретный лагерь» полный перевод «собачий лагерь», а в самом Китае называют как «培训学校» (пиньинь: péixùn xuéxiào), что в переводе «школа производственной подготовки».

На критику со стороны зарубежных СМИ власти КНР отреигировали с высказыванием о том, что лагеря перевоспитания для «就业培训中心» «учебно-подготовительный центр в целях трудоустройства», кроме того в лагерях «他们在学习期间学费免费，吃住免费，并且标准比较高» «Во время учебы обучение бесплатное, питание и проживание бесплатные, а уровень жизни относительно высокий».

В документе было использовано олицетворение “思想上感染” «идейное заражение» и метафора «伊斯兰教激进主义的“病毒”» «исламский радикализм – это вирус» - показывает отношение правительства к сепаратизму как к инфекции, которую можно вылечить путем лагерей перевоспитания.

В одной из общественных заведений СУАР в кафе был вывешен пропагандистский постер речи СиЦзиньПина: «各民族要像石榴籽那样紧紧抱在一起», - что в переводе означает: «Каждая этническая группа должна крепко обнимать друг друга как семена граната». Своим высказыванием глава государства делает упор на то, что все народы идентичны и должны быть вместе во всем.

За подержку КНР в продвижении общепринятого языка выступают страны-партнеры КНР, граждане материкового Китая и сами уйгуры. Ярким примером пропогандирования использования общепринятого языка является выступление профессора института политики и государственного управления в Синьйзянском университете Зулияти Симайи во время 40-й сессии Совета ООН по правам человека в Женеве 8 марта 2019 года. В ее выступлении акцентировалось особое внимание на важных деталях, а именно на то, что популяризация путунхуа является важной предпосылкой для права на развитие всех этнических групп.

Для привлечения внимания реципиента был использован чэнъюй «脱贫致富» (tuōpín zhìfù), что в переводе означает «Освободиться от бедности и достигнуть зажиточности», «Помочь бедным дворам стать зажиточными». Этот чэнъюй применялся как лозунг в 80-х гг. XX в.. Важно заметить, что для развития СУАР необходимо поднять уровень жизни бедных, в этой связи должны иметь общую идеологию и язык.

Следующим способом реализации языковой политики на территории СУАР является граффити. В последние годы на территории Синьцзяно-уйгурского автономного района наблюдались граффити с политическим подтекстом, нарисованные на жилых домах. Граждане были весьма удивлены, так как на граффити присутствовал только уйгурский язык, это говорит о том, что все эти рисунки предназначены для чтения, ознакомления исключительно уйгурам. Но только на одной из них вырисована надпись на путунхуа «学习» (пиньинь: xuéxí) «учиться; обучаться». На территории СУАР идет полным ходом продвижение образованности, знание путунхуа.

Последний, но отнюдь немаловажный способ реализации языковой политики наблюдается через различные политические брошюры с лозунгами, подлинными историями, поучительными рассказами и крылатыми выражениями важных государственных должностных лиц.

连环画 (пиньинь: liánhuánhuà) – книга в картинках (брошюра с иллюстрацией), обогащают культурную жизнь людей и являются не только важными внеклассными книгами для молодежи, но и культурным развлечением для многих взрослых. С точки зрения влияния на массы, книги с иллюстрациями действительно сыграли важную роль в популяризации историко-культурных знаний, а также политического влияния на самосознание людей.

Серия книг Синьцзяно-Уйгурской редакции «热爱伟大祖国 建设美好家园» (rè'ài wěidà zǔguó jiànshè měihǎo jiāyuán) «Горячо любить великую родину, вместе строить прекрасный дом», выпущенные в 2010-2014 годах, была роздана бесплатно в целях духовного, культурного и политического просвещения каждой семье в 16 уездах и городах Синьцзяна. В те года правительство Китая массово пыталось контролировать произведенную уйгурами смуту в стране.

На лингвистическом уровне в целях адекватного восприятия в книгах был использован как китайский, так и уйгурский языки. Превалировали простые предложения, для легкого понимания истинного смысла.

В книгах часто использовался метод сопоставления, например: «稳定是福, 动乱是祸» (wěndìng shì fú, dòngluàn shì huò) что в переводе: «стабильность – это счастье, беспорядок – это несчастье». Также, не раз использовались побудительные предложения, со словами «Послушайте…!» и «Не допускать…!». Отрицательные

предложения с глаголами: «не подлежит..», «не позволить..» выражают не согласие, запрет.

Разного рода чэнъюй (фразеологизм, идиома) придавали книгам более живой, красочный вид. В качестве примера можно отметить одну из политических брошюр с названием «宗教极端思想是剂毒药» (Zōngjiào jíduān sīxiǎng shì jì dúyào), что в переводе «Религиозный экстремизм – это яд», образность метафоры, точное сравнение подвигнет читателя увидеть ситуацию новыми глазами. На первой странице книги нас привлекло высказывание «宗教极端思想害人害己害社会» (Zōngjiào jíduān sīxiǎng hài rén hài jǐ hài shèhuì) «Религиозные экстремистские идеи вредят людям, себе и обществу» здесь использован чэнъюй «害人害己» (hài rén hài jǐ) «Навредить другим, навредить себе», посыл заключается в том, что человек вредит не только себе, но и людям, а также обществу в целом.

На основании вышеизложенного, исходя из анализа проделанной работы, следует сделать вывод, что языковая политика на территории СУАР носит двойственный характер, с одной стороны поддерживает, с другой разграничивает и сужает права использования миноритарными языками на территории СУАР. Помимо законодательных актов в сторону использования языков меньшинств, наибольшее влияние на граждан оказывают политические брошюры, лозунги, граффити, статьи, газеты, книги, телевидение, а также школы и институты, вносят свою лепту в формировании языковых и культурных наследий у подрастающего поколения.

Популяризация путунхуа идет полным ходом, малочисленные народы для которых китайский язык является не родным языком, обязаны сдать экзамен на знание путунхуа.

Главная цель продвижения общеупотребляемого языка на территории Синьцзяно-Уйгурского автономного района заключается в том, что единство языка и единство в политической идеологии главный путь для устойчивого развития СУАР. Однако, с жестокой языковой политикой правительства КНР на территории СУАР остро стоит национальный вопрос.

***

1. Сокровищница народной мудрости. Предисловие к сборнику пословиц и поговорок, собранных В. И. Далем. — «Советская Россия», 1957, 2 июня, № 129; в книге «В. Даль. Пословицы русского народа», Гослитиздат, М. 1957, стр. III–IV.
2. Language Policy and Planning in Universities: Teaching, research and administration / Anthony J. Liddicoat / Routledge, 2018
3. Синьцзян-Уйгурский автономный район Китая в начале XXI века / А. В. Бондаренко; Российская акад. наук, Учреждение Российской акад. наук Ин-т Дальнего Востока РАН. – Москва/ 2010
4. https://www.nytimes.com/zh/2019/11/16/world/asia/xinjiang-documents-chinese.html
5. http://m.xinhuanet.com/2019-03/09/c_1124213909.htm

Потапова Д.Э., Ордахова Т.В.

Особенности поэтического перевода с китайского языка на русский (на материале стихотворений Си Мужуна)

ФГАОУ ВО “Северо-Восточного Федерального Университета им.М.К.Аммосова”
(Россия, Якутск)

doi: 10.18411/lj-06-2020-415
idsp: ljournal-06-2020-415

Аннотация

В данной статье рассматривается проблема перевода поэтических текстов с китайского языка на русский. Целью работы является выявление особенностей перевода и ее оценка на примере стихотворений китайской поэтессы Си Мужун.

Ключевые слова: перевод, китайский язык, поэзия, уровень эквивалентности, художественный перевод, переводческие трансформации.

Abstract

The article examines the problem of translation of poetic texts from Chinese into Russian. The aim of the work is to identify the features of the translation and assessment on the example of poems by the Chinese poetess Xi Mu Rong.

Keywords: translation, Chinese language, poetry, level of equivalence, literary translation, translation transformations.

С каждым годом интерес к китайской культуре, и в частности к китайской литературе растёт. Главная задача переводчика в том, чтобы сделать наиболее адекватный перевод художественных текстов, который смог бы дать возможность читателю через произведения современных китайских авторов ознакомиться с много вековой историей и культурой Китая, с особенностями менталитета китайского народа, с их образом мышления и видением прекрасного.

Сперва стоит разобраться в определении перевода. Перевод — это специфическая деятельность по интерпретации смысла текста на одном языке и созданию нового, эквивалентного текста на другом языке. Основная проблема в том, чтобы грамотно перевести и не потерять в ходе перевода основной посыл, вложенный автором на языке оригинала.

Филолог и переводчик А.В. Фёдоров дает следующее определение переводу: «Перевод рассматривается, прежде всего, как речевое произведение в его соотношении с оригиналом и в связи с особенностями двух языков и с принадлежностью материала к тем или иным жанровым категориям» «Перевести — значит выразить верно и полно средствами одного языка то, что уже выражено ранее средствами другого языка». [2]

Пожалуй, самое современное и точное определение перевода, которое отражает её специфику, принадлежит Н.К. Гарбовскому. В его понимании «перевод — это общественная функция коммуникативного посредничества между людьми, пользующимися разными языковыми системами» [1].

Особенность художественных текстов в том, что художественно-эстетическая коммуникативная функция является одной из самых важных. Цель подобных текстов в достижении определенного эстетического и эмоционального воздействия на читателя, и создание художественного образа. Специфика поэтических переводов в преобразовании исходного текста в соответствии с литературными нормами, не просто передать содержание текста, но и сохранить структуру текста, ритмическую организацию, рифму, деление на строфы и др. Конечно, полностью сохранить форму исходного текста невозможно, поэтому переводчику очень важно найти точку пересечения между подлинником и переводом, в большей степени искусство нести потери и допускать преобразования. Эту сложную систему и нужно, изучив, прочувствовать. Художественные тексты часто содержать в себе большое количество средств выразительности текста. Самыми распространёнными средствами выразительности являются метафоры, эпитеты, сравнительные обороты, неологизмы, повторы (лексические, фонетические, морфемные и т.д.), диалектизмы, профессионализмы, реалии, топонимы, говорящие названия, имена и фамилии и т.д. Сложность их перевода заключается в отсутствии эквивалентов.

Каждый переводчик сам решает какой стратегии перевода он будет придерживаться. Стоит отметить две противоположные стратегии при переводе: доместикацию и форенизацию. Доместикация — стратегия перевода, при которой пытаются как можно лучше адаптировать текст под культурные особенности адресата. Форенизация — стратегия перевода, при которой пытаются сохранить особенности

оригинала. Помимо этих двух стратегий, некоторые авторы выделяют третью стратегию перевода. Представляющий собой некий баланс между этими двумя противоположными стратегиями.

В практической части нашего исследования мы анализируем перевод, сделанный Ли Цао и даём оценку его переводу стихотворений Си Мужун из сборников стихотворений: «Аромат за семь ли».

Стихотворение Си Мужун в основном о любви, тоске по дому, времени и жизни. Выражение любви стало первой темой стихов Си Мужун. И в этих чувствах любви есть и сладость, и печаль. Она уделяет большое внимание цветовой палитре, читая ее стихи, в голове вырисовываются красочные образы и метафоры. Еще одной особенностью ее стихотворений является описание образа цветов. Также можно подметить, что она часто использует вопросительные предложения в своих работах, будто ищет ответы и у себя, и у читателя. Фактически, то, что она хочет выразить, зачастую может быть неопределенным и неопределенным менталитетом. В частности, при использовании вопроса Си Мужун обычно не использует его только один раз, часто многократно, многократно и соединяя, создавая тяжелую атмосферу, которая охватывает весь текст.

Оригинал:

«茉莉
茉莉好像
没有什么季节
在日里 在夜里
时时开着小朵的
清香的蓓蕾
想你
好像也没有什么分别
在日里 在夜里
在每一个
恍惚的刹那间». [4]

Перевод Ли Цао:

«Жасмин
Жасмин расцветает как будто
Независимо от времени года.
И днем, и ночью,
Всегда цветет маленький цветок,
Изливая приятный запах,
Тоскую по тебе
Как будто тоже так,
Все время,
И днем и ночью,
В каждое мимолетное мгновение.
23.11.1979». [4]

В переводе форма стихотворения сохранена, как в оригинале, так и в переводе по 10 строк. Это пример удачного перевода, он очень близок к оригиналу, чувства те же, но переводчик нашел иной способ выражения их. В переводе сохранен синтаксис автора, переводчик не добавил от себя очень много слов. Здесь примечательно использование синтаксического уподобления, объединение предложения и приема компенсации, упущение потом добавление, всё это сделано для лучшего восприятия и близости к оригиналу.

Так же переводчик использовал прием антонимического перевода в строчках:

«想你
好像也没有什么分别»

分别 (fēnbié) с китайского можно перевести как различие, разница, а так же разлучаться, расставаться. Данные строки переводчик перевел как:

«Тоскую по тебе
Как будто тоже так,»

Мы так же сделали перевод, учитывая всё выше перечисленное.

Альтернативный перевод:

Жасмин цветет так будто
Не зависит от времени года.
И днем, и ночью,
Всегда цветет маленький цветок,
Источая приятный запах,
Я так же по тебе тоскую,
Все время,
И днем и ночью,
В каждое мимолетное мгновение.

Переводчик дает такое предисловие к следующему стихотворению: «Меня потрясла ее поэтическая откровенность, словесная простота и необыкновенная глубина человеческих переживаний. Особенно ей удаются стихотворения о любви и вечной жизни. Чистая, наивная, глубокая любовь лирической героини тронула меня до слез.» [3]

Стихотворение о том, что чувства, которые испытывают люди при расставании всегда схожи, даже можно сказать неизменны испокон веков.

Оригинал:

«**古相思**曲
——**只**缘感君一回顾，使我思君暮与朝
——**古**乐府
在那样古老的岁月里
也曾有过同样的故事
那弹箜篌的女子也是十六岁么
还是说 **今夜的我**
就是那个女子
就是几千年来弹着箜篌等待着的
那一个温柔谦卑的灵魂
就是在莺花烂漫时蹉跎着哭泣着的
那同一个人
那么 就算我流泪了也别笑我软弱
多少个朝代的女子唱着同样的歌
在开满了玉兰的树下曾有过
多少次的别离
而在这温暖的春夜里啊
有多少美丽的声音曾唱过古相思曲». [5]

Перевод Ли Цао:

«Старинная песня о тоске любви

«Только потому, что ты обернулся и поглядел на меня, я стала тосковать по тебе днем и ночью»

— подражание древним дворцовым песням

В глубокие древние времена
Случались такие же истории,
Той девушке, которая играла

На музыкальном инструменте Кон-хо,
Тоже было 16 лет?
Или, может быть, нынче ночью,
Я и есть та самая девушка.
Та самая нежная, скромная душа,
Которая в течение тысяч лет ждала,
Играя на музыкальном инструменте Кон-хо.
Та самая девушка, которая плакала
И даром теряла время,
Когда вокруг поет соловей, цветут цветы.
Однако не надо смеяться над моей слабостью,
Даже когда по моим щекам текли слезы.
Ведь такую же песню там пели
Девушка всех времен.
Ведь сколько расставаний случилось
Под деревом, где расцвела магнолия.
Сколько же прекрасных голосов,
Которые пели старинные песни о тоске любви
В эту теплую ночь весны.
Июль 1979». [5]

В переводе форма стихотворения не сохранена, если в оригинале 17 строк, то в переводе их больше,26 строк. В переводе использованы разные виды лексических трансформаций.

Гиперболизация использована в строках: *«Только потому, что ты обернулся и поглядел на меня, я стала тосковать по тебе днем и ночью» в данных строчках в оригинале указывается имя человека, но переводчик решил этого не делать, мы считаем, что это правильное решение опустить имя человека, чтобы не нагружать информацией читателя, чтобы читатель смог воспринять стихотворение, не только с точки зрения самого автора.*

Также стоит отметить, что строки: «那弹箜篌的女子也是十六岁么»
«- Той девушке, которая играла на музыкальном инструменте Кон-хо,» содержать в себе реалию «конхо» — музыкальный инструмент, древняя китайская арфа, переводчик оставил слово конхо, использовав прием транскрипции, добавил экспликацию. Мы считаем, что эти строки можно было бы перевести, сделав более не загромождённый перевод, потому что у слова «箜篌» (kōnghóu) есть эквивалент в русском языке-«арфа». Перевод выглядит следующим образом:

«Та девушка, которая играла на арфе».

Модуляция использована в строках: «就是在莺花烂漫时蹉跎着哭泣着的», словосочетание 莺花 (Yīng huā), которое можно перевести дословно, как «иволги и цветы», так как речь идет о девушке, что сидит в саду, весной, а весна означает пору любви переводчик грамотно адаптировал эти строки заменив иволги на соловьев, потому что в русской культуре именно у этих птиц красивое пение, и они больше ассоциируются с весенней порой. В целом перевод грамотный и адаптирован, но излишне загромождён.

Альтернативный перевод:

«Старинная песнь о любви

«Только потому, что ты обернулся и взглянул на меня, я стала тосковать по тебе днем и ночью»

В древние времена
Случалась похожая история,
Девушке, что играла на арфе,
Тоже было 16 лет?

Может, этой ночью,
Именно я та девушка.
Та самая с нежной и скромной душой,
Которая в течение тысяч лет играла на арфе и ждала,
Та девушка, которая тихо плакала
Средь поющих соловьев и благоухающих цветов.
Однако не надо смеяться над моей слабостью,
Даже когда по моим щекам текли слезы.
Ведь такую же песню там пели
Девушки всех времен.
Ведь сколько расставаний случилось
Под деревом, где расцвела магнолия.
Сколько же прекрасных голосов,
Которые пели старинные песни о тоске любви
В эту теплую ночь весны.»

Проанализировав переводы, мы выявили, что чаще всего переводчик использовал переводческие трансформации такие как: опущение, замена, модуляция, экспликация, конкретизация, компенсация и др. Переводчик Ли Цао при переводе особое внимание уделяет передаче смысла и эмоциональной составляющей, и не всегда следует структуре оригинала. В нашем переводе мы больше старались придерживаться формы стихотворения, но в то же время передать смысл, излишне не нагружая и загромождая перевод, не добавляя экспликации.

Итак, для качественного перевода поэтических текстов необходимо определить главную задачу перевода. Кто-то стремиться сохранить смысл, основную идею и делает упор на это, кому-то важна формальная сторона (количество строк, рифма, размер). Изучив образы и стилистические приёмы, мы предприняли попытку собственного перевода стихотворения, стремясь сохранить основной авторский смысл. Таким образом, особенности перевода стихотворного текста с китайского языка требуют от переводчика знаний стихосложения, ее особенностей, исключительной внимательности, знания реалий, эквивалентов на русском языке и глубокого изучения теории перевода.

***

1. Гарбовский Н. К. Теория перевода. М., 2007. -216 с.
2. Федоров, А. В. Основы общей теории перевода (лингвистические проблемы): учеб. пособие для ин-тов и факультетов иностр. языков / А. В. Федоров. - 5-е изд. – СПб.: Филологический факультет СПбГУ; М.: ООО «Издательский Дом «ФИЛОЛОГИЯ ТРИ», 2002. -40 с.
3. [Электронный ресурс] Переводы стихотворений в переводе Ли Цао https://magazeta.com/ximurong/ (Дата обращения: 25.05.2020 г.)
4. [Электронный ресурс] Переводы стихотворений в переводе Ли Цао https://magazeta.com/ximurong-2/ (Дата обращения: 25.05.2020 г.)
5. [Электронный ресурс] Переводы стихотворений в переводе Ли Цао https://stihi.ru/2019/12/01/10382 (Дата обращения: 25.05.2020 г.)

Пруглова М.Е., Семенова С.Н.

К вопросу о сопоставительном анализе имен прилагательных (на материале произведения Т. Харди «Три незнакомца» на английском и русском языках)

Кубанский государственный университет
(Россия, Краснодар)

doi: 10.18411/lj-06-2020-416
idsp: ljournal-06-2020-416

Аннотация

Статья посвящена выявлению всех имен прилагательных и установлению сходств и отличий в обоих вариантах произведения Т. Харди «Три незнакомца» на

английском и русском языках. В процессе исследования использованы методы: 1) сплошной выборки имен прилагательных из текстов; 2) классификационный метод; 3) сравнительный анализ. Составлена таблица и предпринята попытка анализа и сопоставления полученных данных с лингвистической точки зрения.

Ключевые слова: Т. Харди, текст, перевод, имя прилагательное, сопоставление, анализ, информация.

Abstract

The article is devoted to the identification of all adjectives and the establishment of similarities and differences in both variants of T. Hardy's work "Three Strangers" in English and Russian. In the research process the following methods were used: 1) selection of adjectives from the texts; 2) classification method; 3) comparative analysis. A table was built and an attempt to analyze and compare the obtained data was fulfilled from a linguistic point of view.

Keywords: T. Hardy, text, translation, adjective, comparison, analysis, information.

Введение

В 2020г. всей мировой литературной общественностью отмечается очередная крупная дата – 180 лет со дня рождения Томаса Харди (Гарди) – автора ценнейших художественных и социальных образов. В этой связи нами проведено исследование одного из рассказов писателя "Three Strangers" на английском языке [8] и «Три незнакомца» версии на русском языке, выполненной переводчицей О. Холмской [2].

Цель данной работы заключается в выявлении всех прилагательных на английском и русском языках и установлении сходств и отличий в обоих вариантах произведения Т. Харди «Три незнакомца».

В настоящее время актуальным является изучение материалов на разных языках. Время от времени переводчики сталкиваются со сложнейшими задачами передачи национальных особенностей текстов, где отдельное слова, в нашем случае прилагательное, имеет сходства и различия, как в структурном, так и понятийном смыслах. Так, М.В. Нагзибекова и Ш.Р. Хасанова, изучающие прилагательные таджикского и русского языка, справедливо отмечают, что имена прилагательные: «играют важную роль в закреплении результатов когнитивной практики человека…» [4, с. 883].

Предметом данной статьи является рассказ Т. Харди "Three Strangers" на английском и «Три незнакомца» на русском языках.

Методологической базой послужили работы таких исследователей как: В.А. Кухаренко, предлагающего рекомендации относительно интерпретации любого текста [3], С.Н. Семенова, изучающей содержание, имплицитность и понимание произведений художественной литературы [5, с. 141; 6, с. 29; 7, с. 222]; Е.С. Абаева, работающей над переводом отрывков текста с юмористическим эффектом [1, с. 351].

Опираясь на теоретические положения, полагаем целесообразным для сравнения оригинала и перевода произведения в процессе исследования использовать следующие методы: 1) сплошной выборки имен прилагательных из текстов; 2) классификационный метод; 3) сравнительный анализ.

Полученные результаты лингвистического анализа методом сопоставления найденных прилагательных в двух различных языках позволяют реконструировать целостную языковую картину. Так, как Т. Харди родился и воспитывался в сельской местности, он прекрасно понимал людей, живущих далеко от городской комфортабельной жизни. Он знал о традициях, увлечениях, интересах простых трудолюбивых людей. Поэтому, в его рассказе детально и точно переданы все мелочи быта работающего и живущего в деревне человека. Автор с любовью относился ко всему, что описывал в своем рассказе: о природе сельской местности, о жилищах, о

людях, о поведении людей. Одним словом все то, что окружало человека в повседневной жизни.

Анализ и результаты исследования

Итак, основной сюжетный прием Т. Харди – использование незнакомца, ворвавшегося в общество и нарушающего обыкновенное течение ритма его жизни. Уместны сравнения предлагаемые автором произведения, выраженные именами прилагательными. Действительно, он использует, как мы полагаем, сравнение как литературный способ описания образов и создания смыслов. При тщательном разборе оригинального текста рассказа Т. Харди “Three Strangers” на английском языке выделены прилагательные, а затем выбраны эти же прилагательные в переводной версии «Три незнакомца» на русском языке. Были выявлены расхождения между английским и русским вариантами прилагательных. Например, в англоязычном варианте *grassy* – травянистый, а в русскоязычном переводе – поросшие травой; *present* – живой; *comfortable* – самое приятное; *rough* – жестокий и т.д. Переводчица О. Холмская в своей переводной работе использовала свои варианты перевода на русский язык того или иного прилагательного не нарушая общего замысла автора, заложенного в структуру и смысл произведения.

Исследование состояло в выборе имен прилагательных из оригинального текста и сравнении с переводом О. Холмской и интернет ресурсов. Все полученные данные были сгруппированы в сводной таблице, в которой имена прилагательные представлены в столбцах: 1) слово в оригинале, 2) перевод в «Яндекс», 3) перевод в «Google», и 4) перевод в русскоязычном варианте О. Холмской. Итого было обработано 1895 слов. Но, в нижеследующей табл. 1 предложены нами наиболее яркие и отличающиеся примеры имен прилагательных. Все русские варианты имен прилагательных представлены в именительном падеже, единственном числе и мужском роде.

Таблица 1

Сопоставление имен прилагательных в источниках

Оригинал	Перевод «Яндекс» переводчик	Перевод «Google» переводчик	Перевод О. Холмской
grassy	травянистый	травянистый	поросшие травой
large	большой	большой	обширные
certain	определенный	определенный	единственный
forlorn	заброшенный	покинутый	полузасохший
present	настоящий	нынешний	живой
cheerful	веселый	веселый	неунывающий
cosy	уютный	уютный	приятный
shining	сияющий	блестящий	отполированный
elderly	пожилой	престарелый	почтенный
frugal	скромный	скудный	бережливый
wonderful	прекрасный	замечательный	великий
genial	мягкий	добродушный	гостеприимный
gloomy	мрачный	мрачный	ночной
solitary	одиночный	уединенный	пустынный
rough	грубый	грубый	жестокий
homelier	домашний	уютный	благоприятный
queer	странный	странный	любопытный
heavy	тяжелый	тяжелый	звериный
individual	индивидуальный	физическое лицо	единственный
certain	определенный	определенный	бывалый
full	полный	полный	пухлый
damp	сырой	влажный	дождевой
strong	сильный	сильный	крепкий
grim	мрачный	мрачный	грозный
silent	тихий	бесшумный	немой

distant	отдаленный	отдаленный	глухой
circumstantial	косвенный	обстоятельный	серьезный
convincing	убедительный	убедительный	настоятельный
unhappy	несчастный	несчастный	горестный
simple-minded	простодушный	простодушный	простой
rational	рациональный	рациональный	разумный
great	отличный	отличный	прекрасный
preternatural	противоестественный	сверхъестественный	невероятный
pretty	хорошенький	красивый	прекрасный
clever	умный	умный	мудрый
marvellous	изумительный	дивный	изумительный

Из табл. 1 видно, что при сравнительном анализе в интернет-источниках «Яндекс» [10] и «Google» [9] были установлены разные варианты перевода одного и того же прилагательного. Например, слово "*circumstantial*" – в «Яндекс» переводчике переводится как – «косвенный», а в «Google» – «обстоятельный» и т.д. Даже при разных вариантах не всегда предоставляется возможным найти перевод выбранного прилагательного. Несмотря на это, если пользоваться интернет-переводчиками, значительно изменяется смысловая и стилистическая форма текста. Проанализировав 438 прилагательных в рассказе Т. Харди «Три незнакомца», мы выяснили, что наибольшее количество соответствующих переводов с английского языка на русских, приходится на «Google» переводчик. Из данного количества в «Google» переводчике были переведены 432 прилагательных, а в «Яндекс» переводчике – 427, в русскоязычном переводе О. Холмской – 353 прилагательных.

Таким образом, не следует пользоваться такими «техническими помощниками» как интернет-переводчики. Необходимо читать и изучать произведения иностранных авторов, как в оригинале, так и в переводах, выполненных на русском языке профессиональными переводчиками.

Заключение

В ходе нашего исследования мы пришли к выводу, что переводчики сталкиваются с проблемами корректного перевода иностранных текстов в связи с национальными особенностями языков. Но, по нашему мнению, О. Холмская выполнила интересный и понимаемый русскоязычными читателями перевод произведения Т. Харди «Три незнакомца» на русском языке, передав замысел автора, зашифрованный им в процессе написания работы.

В заключении отметим, что изучение текстов на различных языках мира в пределах художественной литературы будет перспективным для составления лексических словарей конкретного автора или определенного произведения.

***

1. Абаева Е.С. Перевод отрывков текста с юмористическим эффектом: сопоставительный аспект // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2018. Т.9. №2. С. 351–364. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-2-351-364.
2. Гарди Т. Повести и рассказы. Пер. О. Холмской [Электронный ресурс] URL:http://lib.ru/INPROZ/GARDI/r_neznakomcy.txt_with-big- pictures.html (дата обращения 27.01.2020).
3. Кухаренко В.А. Интерпретация текста. Л.: Просвещение, 1978. 327 с.
4. Нагзибекова М.Б., Хасанова Ш.Р. Лексико-семантические группы качественных прилагательных таджикского и русского языков, выражающие общую оценку внешности человека // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Теория языка. Семиотика. Семантика. 2018. Т.9. №4. С. 883–895. doi: 10.22363/2313-2299-2018-9-4-883-895.
5. Семенова С.Н. Имплицитность косвенных высказываний (на материале художественных текстов американских и английских авторов) // Известия Южного Федерального Университета. Ростов н/Д: ЮФУ, 2015. №4. С.140–144. doi: 10.18522/1995-0640-2015-140-144.
6. Семенова С. Н. Тезаурус жанра рассказ как произведения художественной литературы (на материале рассказов Дж. Лондона «Безмолвие» и «Сын Волка» на английском, армянском и

русском языках) // Филологические науки. Научные доклады высшей школы. М.: АЛМАВЕСТ, 2017. № 2. С. 28–37. doi: 10.20339/PhS.2-17.028.
7. Семенова С.Н., Тихаева В.В. Особенности построения тезауруса жанра сказки на материале произведения Р. Киплинга «Почему кит ест только мелких рыбок» (на английском и русском языках) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Волгоград: Научное издательство ВГСПУ «Перемена», 2019. №4 (137). С. 222–227.
8. A Book of Short Stories by English Authors. Тбилиси: Изд-во Тбилисского университета, 1974. 486 с.
9. https://translate.google.com/ (дата обращения 19.02.2020).
10. https://translate.yandex.ru/ (дата обращения 21.02.2020).

Рудяк Е.-А.А.

Концепты «Liebe» и «Einsamkeit» в поэзии Р.М. Рильке

Елабужский институт Казанского федерального университета (Россия, Елабуга)

doi: 10.18411/lj-06-2020-417
idsp: ljournal-06-2020-417

Аннотация

В статье раскрывается понятие концепта, рассматриваются его виды, предлагаются результаты анализа концептов «Liebe» и «Einsamkeit» в поэзии Р.М. Рильке.

Ключевые слова: концепт, концептосфера, поэзия, Р.М. Рильке, стихотворение, репрезентация.

Abstract

The article reveals the idea of a concept, considers its types, and offers the results of the analysis of the concepts "Liebe" and "Einsamkeit" in the poetry of R. M. Rilke.

Keywords: concept, sphere of concepts, poetry, R. M. Rilke, poem, representation.

В современной лингвистике наблюдается тенденция изучения языка как продуктивного способа интерпретации человеческой культуры. Изучение языка художников слова является одним из направлений современной лингвистики. В исследованиях ученых индивидуальный стиль писателей анализируется с учетом соотношения языка и мышления, способов выражения реалий внеязыковой действительности, особенностей организации авторской и концептуальной картины мира. Концептуальная картина мира в художественном тексте представляет собой отдельные концепты и их оппозиции, образуя некую целостность, лежащую над текстом, однако обусловленную непосредственно им. При этом очевидна определяющая ценность концептов, тогда как индивидуальные, авторские, художественные концепты обладают большей вариативностью, личностным смыслом, оценочностью, поддерживая инновационный характер текста [1, с. 3-10].

Термин «концепт» является стержневым термином понятийного аппарата культурологической лингвистики. В рамках лингвокультурологии понятие «концепт» используется для осмысление этнокультурного и социально-группового опыта.

В своей монографии С.Г. Воркачев обобщает лингвистические взгляды на концепт как на ментальное образование. Он определяет концепт как «отдельный предмет коллективного сознания, направляющий к высшим сущностям, имеющий выражение в языке и отмеченный этнокультурным свойством». Ученый соотносит семантические единицы с языковой личностью, представителем национального менталитета [2, с. 192].

М.В. Пименова распределяет концепты по трем категориальным классам:

1) базовые концепты, которые составляют фундамент языка и всей картины мира. К таким концептам профессор относит социальные, психические и космические концепты;

2) концепты-дескрипторы, которые демонстрируют измерения (размер, объем, длина и т. д.), выражают качество (тепло-холод и др.) и количество (много, мало, один и т. п.);
3) концепты-релятивы, отражающие типы отношений: концепты оценки (хорошо-плохо), концепты позиции (впереди, рядом и т.д.) и концепты привативы (свой-чужой) [3, с. 127-131].

В современной науке вопрос о методах исследования концепта активно изучается. Лингвисты предлагают методы исследования концепта, каждый из которых зависит от видения автором структуры концепта. С одной стороны, концепт имеет сложную структуру, с другой стороны – невозможно точно и четко определить ее рамки, поскольку концепт имеет связи с другими концептами в концептосфере, а также в виду его ассоциативной направленности. З.Д. Попова и И.А. Стернин выделяют в структуре концепта, независимо от его типа, базовый слой (ядро концепта, образ), информационное содержание и интерпретационное поле концепта. Базовый слой отражает содержание концепта, чувственный образ, кодирующий концепт как мыслительную единицу. Информационное содержание концепта содержит основные когнитивные признаки, наиболее важные для концепта. Интерпретационное поле концепта составляет его периферию [5, с. 58-95].

Рассмотрим данную структуру на примере концептов «Liebe» и «Einsamkeit» в лирических произведениях Р.М. Рильке [4]. Нами было проанализировано 11 стихотворений великого немецкого поэта конца 19 – начала 20 века, поэзия которого отличается необычайной искренностью, эмоциональной напряженностью, музыкальностью и по праву занимает одно из первых мест в немецкой поэзии. Погружаясь в мир Рильке, читатель не может упустить из виду то изобилие образных средств, которым пользуется автор. По утверждению А.В. Гизатуллиной, «степень раскрытия заложенного, иногда неосознанно, автором смыслового и «воздейственного» потенциала зависит от множества характеристик самого текста, от его интертекстуальности, от степени подготовленности читателя» [2, с. 173]. Это безусловно относится и к концептам «эмоциональной сферы», которые создают и передают атмосферу каждого стихотворения.

Для выявления репрезентантов концепта «Liebe» было проанализировано пять стихотворений из сборника «Из ранних стихотворений» („Aus den frühen Gedichten“) и методом сплошной выборки выявлено 26 слов-репрезентантов концепта «Liebe». Репрезентанты представлены следующим образом:

а) имена существительные: 12 (ein Glück, ein Traum, Welt, Lichte, Lampenschein, Sonne, Blütenschnein, Chrysantheme, Abend, Nacht (2 раза), die Gärten, Geliebte);

б) имена прилагательные: 10 (lieb, leise, bang, weiß, groß, tief, hoch, weit, verlorene, nimmergekommene);

в) глаголы: 4 (kommen, gedeihen, sein, lieben).

Предметно-понятийный слой (ядро) концепта «любовь» составляет лексема «любовь». Дефиниции лексемы «любовь», закрепленные в лирических произведениях Р.М. Рильке, позволили выделить следующие концептуальные признаки:

1) любовь – персонифицированный субъект, выполняющий какую-либо деятельность (Liebe kam; du kamst lieb und leise (die Liebe);
2) любовь – существо, способное вызывать эмоции у человека (mir war so bang; ein Glück, ein Traum);
3) любовь – причина чего-либо (Welt will in der Liebe gedeihen);
4) у любви есть свой цвет (weiß, Lichte, Lampenschein);
5) любовь – часть природы (Sonne, Blütenschnein, Chrysantheme);
6) любовь можно измерить (groß, so tief, so hoch, so weit);
7) любовь связана со временем суток (in der Nacht, Abend);

8) любовь – противоречивая сущность: любовь представляется как позитивное, светлое чувство (die Gärten bist du, но, с другой - оказывает негативное влияние на душевное состояние человека (verlorene Geliebte, Nimmergekommene; Mit aller Leidenschaft).

В результате проведенного исследования можно сделать вывод о том, что концепт «любовь» в лирике Р.М. Рильке обладает универсальными и индивидуально-авторскими характеристиками. Были выявлены следующие виды концептов: базовые концепты (Nacht (ночь), Glück (счастье)), концепты-дескрипторы (groß (большой), tief (глубоко), leise (тихо)), концепты-релятивы (bang (жуткий)). В целом любовь для поэта является светлым чувством, ассоциирующимся с положительными реалиями: Sonne (солнце); Blütenschnein (цветение); ein Traum (мечта). Но иногда она имеет и отрицательные проявления: verlorne Geliebte (потерянная любимая).

В шести стихотворениях из сборников «Из ранних стихотворений» („Aus den frühen Gedichten»“) и «Из книги картин» („Aus dem Buch der Bilder“) было выявлено 22 слова-репрезентанта концепта «Einsamkeit», среди которых:

а) имен существительных: 12 (ein Regen, Flüsse (2 раза), Gassen, Meer (2 раза), Himmel (2 раза), Städten, Allee, Wald, Abend, Morgen, Nacht (2 раза), Finsternis);

б) имен прилагательных: 4 (allein, blaß, einsam, ganz angstallein);

в) глаголов: 6 (steigen, fallen, gehen, kommen, sich fürchten, regnen).

Ядро концепта составляет лексема «одиночество». Используя метод сплошной выборки нам удалось выделить следующие концептуальные признаки:

1) одиночество – персонифицированный субъект, выполняющий какую-либо деятельность (die Einsamkeit steigt, fällt, geht, kommt, sich fürchten);
2) одиночество имеет цветовую окраску (die blaße Einsamkeit);
3) одиночество – гидроморфная сущность (wie ein Regen; geht die Einsamkeit mit den Flüssen; regnet);
4) одиночество имеет свою локализацию (Gassen, Meer, Himmel, Flüssen, Städten, Allee, Wald);
5) одиночество связано со временем суток (die Einsamkeit steigt vom Meer den Abenden entgegen, nach Morgen, einsame Nacht);
6) одиночество является описанием психоэмоционального состояния человека (ganz angstallein);
7) одиночество как синоним страха (angstallein, die Finsternis fürchtete sich allein.

Для актуализации концепта «Einsamkeit», как для большинства других эмоционально-психологических концептов, используются глаголы, характеризующие физическую деятельность (steigen (возрастать), fallen (падать), gehen (идти), kommen (приходить)). В проанализированных лирических произведениях были обнаружены базовые концепты (Regen (дождь), Himmel (небо), Nacht (ночь)) и концепты-релятивы (blaß (бледный), einsam, (одинокий) allein (один)). Особо следует подчеркнуть взаимосвязь эмоциональных феноменов и темпоральных категорий, в частности, все проанализированные концепты соотносятся с концептом «Nacht» («ночь»).

Главные темы творчества Р.М. Рильке – существование человека, его одиночество, существование души. Исследование слов-репрезентантов показало, что концепты «Liebe» и «Einsamkeit», относящиеся к эмоционально-волевой сфере играют большую роль в поэтической картине мира Р.М. Рильке. Репрезентантами являются лексемы, напрямую связанные с эмоциями человека (Liebe – любовь, Geliebte – возлюбленная, geliebt – любимый, Einsamkeit – одиночество, einsam – одинокий и т.п.). При этом происходит субстантивизация концептов, так как они приобретают признаки субъекта (kommen – приходить, gehen – идти, steigen – возрастать). Так, оба концепта представлены как живые существа. Базовые и индивидуально-авторские лексемы

позволяют в полной мере раскрыть понятие одиночества, эксплицировать данный концепт, ограниченный лишь сознанием человека.

***

1. Ангелова М.М. "Концепт" в современной лингвокультурологии // Актуальные проблемы английской лингвистики и лингводидактики. Сборник научных трудов. Выпуск 3. – М., 2004. – С. 3-10.
2. Гизатуллина А.В. Падение Берлинской стены в творчестве немецкоязычных авторов: проблема рецепции // Литература в диалоге культур: проблемы рецепции инокультурного текста: коллективная монография / Отв. ред. А.М. Борисов, Е.М. Шастина. – Елабуга: Издательство Елабужского института Казанского федерального университета, 2015. – С. 173-195.
3. Воркачев С.Г. Счастье как лингвокультурный концепт. – М.: Гнозис, 2004. – 192 с.
4. Пименова М.В. Типы концептов и этапы концептуального исследования // Вестник КемГУ. – 2013. – С. 127-131.
5. Рильке Р.М. Стихотворения: Сборник / Составл. В. Куприянова. 2-е изд-е, дополн. – М.: ОАО Издательство «Радуга», 2003. – 416 с.
6. Стернин И.А. Методика исследования структуры концепта // Методологические проблемы когнитивной лингвистики. Воронеж: Воронежский государственный университет, 2001. – С. 58-65.

Такоева Т.А.

Начинательность и способы ее формирования в языках разной типологической модели

ФГБОУ ВО «Северо-Осетинский государственный университет имени Коста Левановича Хетагурова»
(Россия, Владикавказ)

doi: 10.18411/lj-06-2020-418
idsp: ljournal-06-2020-418

Аннотация

Статья рассматривает соотношение языковых возможностей разносистемных языков при передаче аспектуального значения начала действия.

Ключевые слова: аспектуальное значение, фаза начала, контрастивная лингвистика, разносистемные языки.

Abstract

The article compares the lingual potential to transmit the meaning of beginning of the action by the languages with different structural organization.

Keywords: aspectual meaning, initial phase, contrastive linguistics, languages with different structural organization.

Начинательность как одну из аспектуальных характеристик глагола можно считать грамматической универсалией, в той или иной мере присущей любому естественному языку. Подстраиваясь под потребности своего носителя, каждая лингвосистема включает в свою активность разнообразные языковые средства для трансляции начальной фазы действия или события. В теории аспектуальности *начинательность* рассматривается как элемент фазовости, которому присуща общая аспектуальная семантика начала глагольного действия. Иначе говоря, по признаку фазовости глагольные образования со значением начала объединены в начинательный способ действия (СД). При этом под способами глагольного действия понимаем различные типы семантических модификаций глагола с точки зрения временны́х, квантитативных и «специально результативных характеристик» [7, с.596], сформулированных установленными формальными языковыми средствами

(приставками, суффиксами или всевозможными комбинациями этих последних) [3, с.104].

В каждой из привлеченных к анализу лингвокультур (русской, осетинской, английской, турецкой) начинательный СД зачастую эксплицируется своими собственными, отличными от других языковыми средствами (морфологическими, синтаксическими, словообразовательными, лексическими). Как показывает разбор эмпирического материала, начинательный СД может быть сформулирован как на уровне смыслового глагола, так и в пределах словосочетания, предложения или даже контекста в целом. Замечено, что анализируемый СД далеко неоднороден в своих дискурсивных проявлениях. Так, в частности, в русской лингвокультуре наиболее продуктивным оказывается инхоативный СД, который формируется при помощи приставки *за-* и регулярно образуется от обозначений гомогенных ситуаций, не имеющих ни начальной, ни конечной фазы развития [3, с.107].

И тут же послышался пронзительный крик- такой, что деревья погнулись, **за**бурлило озеро и волны хлынули на берег, а звери, заночевавшие в роще, испугались и, толкая друг друга, пустились бежать[8, с 47].

И вот наступил день, когда вспомнил нарт Ахсартаг о брате своем Ахсаре и **за**грустил [8, с47].

По мнению Анны А. Зализняк и А. Д. Шмелева, отличительной особенностью глаголов инхоативного типа является отсутствие у них вторичных имперфективов, в отличие от так называемых несобственно-инхоативных глаголов, имеющих соотносительные формы несовершенного вида (запеть-запевать, заболеть-заболевать, закурить-закуривать и др.) со значением процесса прохождения начальной фазы.

На стол положили нарты эту чудесную свирель, и она звонко и весело **за**пела: Возьми чашу ронга!... [8, с46].

Ингрессивный способ действия имеет гораздо менее определенные очертания. Сюда, по мнению исследователей, относим глагольные образования с формантом *по-*, в значении которых присутствует идея начинательности процесса. Это могут быть приставочные глаголы движения, такие как поскакать, помчаться и т.д. или глаголы однонаправленного движения типа пойти, побежать, полететь и т.д. К этой же группе относим и глагольные лексемы, образованные от глаголов восприятия или внутреннего состояния: показаться, почувствовать и т.д.

Разозлился Уастырджи, вскочил на своего трехногого коня и с борзой собакой своей **по**скакал по берегу моря [8, с.57].

К ингрессивному СД Анна А. Зализняк и А. Д. Шмелев относят также глаголы с приставками о-/-об- и у-, обозначающими наступление некоего внутреннего состояния: опечалиться, ободриться, устыдиться и т.д.

Увидав на дворе своем сотню оленей, Сайнаг-алдар **о**печалился и **рас**сердился [8, с. 384].

По мнению ученых, у большинства глаголов ингрессивного СД значение начала действия несколько ослаблено, так как искомое видовое значение здесь в каком-то смысле смежается с результативностью. Иначе говоря, начало процесса оказывается равнозначным его осуществлению.

Подытоживая сказанное, заметим, что инхоативный СД эксплицирует *постепенное* начало глагольного действия, в то время как ингрессивный СД транслирует его *внезапное* начало. Однако при этом далеко не все исследователи русского вида дифференцируют обозначенные аспектуальные характеристики в пределах начинательного СД. Тем не менее, все они единодушны во мнении, что оба типа начинательности характеризуют действие как предельное, так как они указывают на точку отсчета, временно̀й предел, ограничивающий протекание действия на временно̀й оси.

Известно, что начинательный СД в русском языке достаточно частотно формируется аналитически, посредством фазовых глаголов типа начать, стать, приняться. Например:

Стали они издеваться над сединами Уархага и назло приставили его бессменно пасти скот[8, с.54].

Подошел он поближе к шатру и **стал** его разглядывать [8, с. 47].

Однако если для русской языковой культуры синтетический способ репрезентации начинательного СД, несмотря на его высокую продуктивность, все же не является ключевым, то в английском языке такого рода образования оказываются не просто частотными, но и основными в характеристике искомого аспектуального смысла. Так, в частности, в английской лингвокультуре в высшей степени востребованными становятся глагольно-аналитические конструкции, образованные посредством фазовых глаголов to begin, to start в сочетании с глаголом-носителем основного номинативного значения, когда речь заходит о необходимости транслировать аспектуальное значение начальной фазы действия или события.

Nartæ placed the wonderful flute udævdz on the festive table, and it **began to play** on its own accord, merrily and resoundingly: ‘Take a cup of mead!... [10, c.17].

Tears **began to flow** from his eyes: ‘My sons Æxsar and Æxsærtæg have perished, but I am happy that our breed has not passed away.’[10, c.45].

Начинательность в английской языковой системе может быть также представлена глагольно-аналитической конструкцией, где первый компонент показан одним из следующих глаголов: to get, to become, to grow, to go, to come, to turn, to fall, to run, to wear, а второй – представляет собой не что иное, как прилагательное психического или физического состояния. Такие образования содержат в своей семантике значение постепенного наступления одного из упомянутых состояний или переход в это состояние (например, to grow angry – злиться, to go mad –сойти с ума)

Wærxæg **grew angry** at this [10, c.29].

Значение начинательности в английской лингвокультуре способны привносить и поствербальные частицы типа up, out, on, off, to, back ,away, into[2, c.145].

The apple tree was suddenly **lit up**, and Æxsærtæg saw a pigeon near the magic apple [10, c.23].

The Nartæ, as befits those who spend their life on campaign, **went off** on a dangerous expedition [10, c 17].

When Dzerassæ entered the tent, all inside was **lit up** by the radiance of her face [10, c.29].

Then Æxsærtæg pulled up the ends of his overcoat and **stepped into** the water and down to the bottom he went…[10, c.23].

Таким образом, как показывает эмпирический материал, в английской языковой культуре переход от отсутствия действия/движения к его начальной фазе, фиксируется в большинстве случаев аналитически, на уровне синтаксических единиц.

В осетинском языке в выражении значения начала действия принимают участие преимущественно морфемы. Среди них формант *а*- (с глаголами перемещения), ба -, ны- (для передачи интенсивного/мгновенного начала процесса), а также форманты с-, æр-, æрба- [1, с.237-247]. Так, в частности, преверб *а*-, присоединяясь к глаголам движения-перемещения при условии актуализации значения однонаправленности в пределах контекста, указывающего на конечную цель движения, выступает показателем видового значения начинательности. Например:

Уырызмæг хæрæгыл сбадтис фæстæрдæм æмæ **а**цыдис Ныхасы астæуты [10, с.60].

Сатана хаст галтæ уæрдоны сифтыгъта, гуыффæ байдзаг кодта фæсалæй, гобан дзы айтыдта, гауыз ыл æрæмбæрзта, фынæй læджы уым аваердта æмæ **а**раст ис йæ цæгатмæ, хæдзары исбонæй æппындæр ницы рахаста, афтæмæй [10, с.64].

Хæдзары хъазыд иу чысыл læппу: куы иуырдæм **а**згъоры, куы иннæрдæм — йæ фезмæлдыл цæст нæ хæцы, афтæ рог [10, с.72].

Обращает на себя внимание, что формант *ба-* участвует в образовании начинательного СД со значением результативности, либо результативно-начинательного СД.

Уырызмæджы зæрдæ йæм **ба**хъазыд æмæ йæм кæсгæйæ баззад [10, с.72].

В такого рода глагольных образованиях значение начала действия является по существу результатом, на достижение которого это действие и направлено.

В высшей степени продуктивной в осетинском языковой культуре показывает себя и приставка *ны-*, для которой наиболее характерным аспектуальным значением представляется значение *интенсивности* глагольного действия. Например:

Рухс хуры тынтæ **ны**ккастис Уæрхæгмæ, базыдта, хъæбул куыд адджын у, уый [10, с.16].

Нарты адæм—стырæй, чысылæй, зæрондæй, ногæй—худæгæй **ны**ффæлдæхтытæ сты, сæ фыр худтæй уæлæмæ стын дæр нал фæрæзтой [10, с.60].

Уæрхæджы хуынд уазджытæ иннабонæй-иннабонмæ минас фæкодтой, стæй уæд **фæ**фардæг сты: Куырдалæгон абадтис цæхæр уады хъисыл æмæ **ны**ппæррæст ласта уæларвмæ, хæдтæхгæ Пакъуындзæйау, Донбеттыр та фестадис æргъæуон цæхæр кæсаг æмæ **ны**цъыллинг кодта стыр фурды бынмæ; Нарт дæр **фæ**фардæг сты хæтæны, стæронтау [10, с.16].

Кæсы, æмæ'виппайды бæлас **ны**ррухс и, æмæ йыл бады æртæ 'хсинæджы [10, с 22].

Безусловно, начинательный СД в осетинской лингвосистеме, преимущественно синтетической в своей структурной модели, может быть представлен и синтаксически, при помощи конструкций с фазовыми глаголами:

Райдыдтой Уæрхæджы зæронд сæрæй хъазын Нарты фæсивæд æмæ йæ скодтой фыдæнæн рæгъаугæс Нартæн [10, с. 28].

В турецком языке, агглютинативном по своей структурной отнесенности, где все грамматические формы эксплицируются преимущественно однозначными аффиксами, и морфология отличается высокой устойчивостью и практически полным отсутствием исключений, значение начинательного СД репрезентируется частотнее всего грамматическими конструкциями с фазовыми глаголами başlamak, girişmek, koyulmak, содержащими в своей семантике переход от отсутствия действия или движения к его началу. Так, в частности, искомое аспектуальное значение передается глагольно-аналитической конструкцией başlamak в сочетании с дательным падежом имени действия на -мак/-мек *и* ма/-ме*:*

Nartlar kavali masanin üstüne koyar koymaz olağanüstü çalgı çalmaya ve şarkı **söylemeye başladı**: Al, iç gönlürce…[11,с. 25].

Начинательный СД в турецкой лингвокультуре может присутствовать и в семантике полнозначного глагола:

Bu arada Ehsarteg giysilerini üzerine iyice sararak mutlu bir şekilde denizin derinliklerine **daldi** [11, с.26].

Безусловно, в турецкой лингвосистеме, как впрочем и в других языковых культурах, независимо от их принадлежности к той или иной типологической модели, вполне допустима и контекстуальная передача видового значения начинательности. В такого рода случаях, функцию начинательной детерминации глагольного действия берут на себя неглагольные лексические средства, такие как birden (вдруг), ilk defa (впервые) и другие[5], при этом глагольные формы прошедшего времени служат своеобразным аспектуальным актуализатором этих последних.

Birden ağac **aydinlandi** ve ağacın üzerine üç güvercin kondu [11, с.26].

Обращает на себя внимание следующий факт. Если в русских претеритальных повествовательных текстах отмечается высокая степень обязательности выражения

границ деятельности или процесса, включенных в повествование [6,с.109], то для турецкого языка, выражение начинательности глагольного действия представляется, конечно же, значимым, но не облигаторным.

Таким образом, разбор эмпирического материала обнаруживает, что все четыре привлеченные к анализу лингвокультуры (русская, осетинская, английская, турецкая) располагают достаточным арсеналом для передачи начинательного СД. Однако соотношение языковых возможностей для трансляции искомого аспектуального значения в пределах исследуемых языков разнится. Так, если в русском и осетинском языках задействованы в первую очередь морфологические средства, значимость которых эксплицируется уже тем обстоятельством, что эти последние активно задействованы при формировании видовой оппозиции совершенный вид/несовершенный вид глагола [4, с. 55], то в английской и турецкой языковых системах приоритетными оказываются аналитические конструкции или контекст в целом, которые зачастую дополняют друг друга.

***

1. Ахвледиани Г.С. Грамматика осетинского языка. Т.I. Фонетика и морфология. Орджоникидзе: НИИ при совете министров СОАССР, 1963. – 369 с.
2. Бархударов Л.С. Язык и перевод (Вопросы общей и частной теории перевода). М.: Междунар. отношения, 1975. – 240 с.
3. Зализняк Анна А. Введение в русскую аспектологию / Анна А. Зализняк, А. Д. Шмелев. – М. : Языки русской культуры, 2000. – 226 с.
4. Калабекова Л.Т. Способы глагольного действия в контрастивном освещении (на материале французского, русского, осетинского языков). Владикавказ, Изд-во СОГУ, 2015. – 196с.
5. Кузнецов П.И. Категория вида в турецком языке: видовые аспекты. Сборник статей. — М.: МГУ , 1996. — №2. С. 213-228.
6. Петрухина Е. В. Русский глагол: категории вида и времени (в контексте современных лингвистических исследований), Москва, 2009.
7. Русская грамматика -1980/ Н. Ю. Шведова (гл. ред.). — М.: Наука, 1980. — Т. 1. – 743с.
8. Сказания о нартах. Осетинский эпос. Изд. переработанное и дополненное. Пер. с осет. Ю. Либединского– М.: «Советская Россия», 1978. – 512 с.
9. Нарты кадджытæ. – Владикавказ: Алания, 1995. – 344с.
10. Равзаргæ Нарты Кадджытæ. Selected Nartæ Tales. – Цхинвал: Хуссар Алани, 2007. – 216с.
11. Nartlar Oset Halk Destanlari. Translated from French translation by George Dumezil into Turkish by Hayri Ata. 2014. OwnPub. – 254 s.

Шогенова Л.В.

Категория прекрасного в новеллах Заура Налоева

ФГБОУ ВО «Кабардино-Балкарский государственный университет им. Х.М. Бербекова»
(Россия, Нальчик)

doi: 10.18411/lj-06-2020-419
idsp: ljournal-06-2020-419

Научный руководитель
Тимижев Х.Т.

Аннотация

Статья посвящена категории прекрасного в новеллах Заура Налоева. Актуальность статьи состоит в том, что выбранная тема не была объектом исследования отдельной научной работы. Обусловлена актуальность необходимостью дальнейшей разработки проблемы изучения эстетического вопроса в кабардино-черкесской литературе.

Ключевые слова: категория прекрасного, философия, новелла, мировоззрение, духовность.

Abstract

The Article is devoted to the category of the beautiful in the short stories by Zaur Naloev. The relevance of the article lies in the fact that the chosen topic was not the object of study of a separate scientific work. Due to the urgency of the need to further develop the problem of studying the aesthetic issue in Kabardino-Circassian literature.

Keywords: the category of the beautiful, philosophy, short story, worldview, spirituality.

Эстетикэр щIэныгъэлIхэм къызэралъытэмкIэ гурыщIэ нэсым хуезыджэ, псэкIэ зэхэпщIэ, акъылкIэ пхуэмыгъэунэху Iыхьэщ. Эстетикэм и пщалъэ нэхъыщхьэу игъэуващ дахагъэр («эстетикэ идеалкIэ» зэджэ терминым и мыхьэнэр етту къыщыдогъэсэбэп).

Дахагъэр эстетикэм и пщалъэу алыджхэм я деж къыщожьэ. Лъэпкъ къэс езым и еплъыкIэ, гурыIуэгъуэ щхьэхуэ иIэу къокIуэ. Литературэм къыщыкIуэ тхыгъэхэр эстетикэ и лъэныкъуэкIэ гъэпсауэ щытщ, цIыхур фIым щIигъэхъуэпсу, и гурыщIэр къызэщIиIэтэу, цIыхугъэм и щапхъэхэр къыгуригъаIуэу, дахагъэм хуриджэ зэпыту.

«ТхакIуэмрэ тхылъеджэмрэ зыр адрейм хуэныкъуэ, япэм и IэдакъэщIэкIым етIуанэр къыщIэупщIэ, къыпэджэж хъуа нэужьщ, языныкъуэ щIэныгъэлIхэм къызэралъытэмкIэ литературэ уиIэу къыщылъытапхъэр. Абыхэм къадэкIуэу литературэр хуолажьэ цIыхум псом япэу ныбжьыщIэм зэхэщIыкI лъагэрэ гъэсэныгъэ дахэрэ хэлъу къэгъэтэджыным, цIыхубэм хигъэщхьэхукIа лъапIэныгъэ нэхъыщхьэхэр къыгурыIуэу, адыгэ хабзэмрэ нэмысымрэ хуэпэжу къэгъэхъуным.

Апхуэдэу къыщыхъур лъэпкъыбзэм и эстетикэмрэ тхыбзэмрэ зэрыубыду зы къалэным хуэлажьэу ежьэмэщ» [1; н. 49].

КупщIэм и дахагъэмрэ теплъэм и дахагъэмрэ зэрызэгъусэм и щапхъэу къэпхь хъунущ «ТхьэIухуд нэ къуэлэн» новеллэм дызыщрихьэлIэ Налжанрэ абы иухуа унэмрэ. Сыт хуэдэ щытыкIэхэр бгъэдилъхьэрэ тхакIуэм къигъэщIа образым: «Аргуданым апхуэдэ тхьэIухуд щалъхуауэ ящIэжтэIым. Къанжэм и хужьыр и хужьрэ къанжэм и фIыцIэр и фIыцIэу апхуэдэт. Лъакъуэ лъагэрэ и бгыр IэкIуэцIу! Пшынауэ Iэзэу! И Iэпхъуамбэ псыгъуэ кIыхьыр зелъатэу! Набдзэ къурашэрэ нэ фIыцIабзэу! И щхьэц фIыцIэ ухуэнар лъэдакъэпэм теуэу, уэлэхьи!.. НтIэ, цIыхубзым и дахагъэр щахуэмыIуатэм и деж, адыгэм жаIэр сыт? ТхьэIухудщ, жаIэ. хур хъыджэбзщ, е жэнэт бзущ, жаIэ» [2; н. 206]. Апхуэдиз зи дахагъ цIыхубзым и псэри дахэн хуейтэкъэ! Мы образыр къыщIэтхьари аращ, Налжан и теплъэм ещхьыркъабзэу и псэри дахэт, къабзэт, нэхут. Ауэ теплъэ дахагъэр пIалъэкIэ мэкIуэд, къызэтенэр псэращ. Зи псэр дахэм и Iэужь, IэрыкIхэри дахэ мэхъу. Мыбдеж къыщыхьыпхъэщ Н. Гартман, Т. Липис сымэ я субъектно-идеалистическэ бгъэдыхьэкIэр: дахагъэр Iэужь мэхъу цIыхум и эстетикэ къулеягъыр нэгъуэщI эстетикэм хуэхей щыIэныгъэм щыбгъэдилъхьэкIэ, щытрилъхьэкIэ, щыдэгуашэкIэ [2; н. 112].

Сыт Налжан адэкIэ къыщыщIыр? Уи фIэщ мыхъуным худизщ а цIыхубз цIыкIум хузэфIэкIыр: «Пщэдджыжьым, мо дыгъэ нэкIутIэр къыщIэмыкIыу, а тхьэIухудыр къэтэджырт, Урыхупс кIуэрти, зэнзэныпс къихьырт, напэнши хэмыплъауэ, Iэщи хэмыфауэ, итIанэ пхъэ икъутэрт, пщафIэрт, жэмыр къишырти, Iэхъуэм дихурт; джэдкъазыр игъашхэрт, гуащэри игъашхэрт аби, щхьэнтэм тригъэтIысхьэжырт. Абы къыдэхуэIамэ, езыр едзакъэрти, сэман гъэжын щIидзэрт, итIанэ жылэр хадапщIэ щыкIуэкIэ, яхэту кIуэрт» [3; н. 207]. Апхуэдэурэ Налжани и фэр кIуащ, ауэ унэ щIыныр иухащ: «Мис апхуэдэурэ бынищи къилъхущ, унэри ищIщ аби, щIэтIысхьэжащ. Ауэ а унэр къезыгъэжьа Налжанрэ а унэм щIэтIысхьэжа Налжанрэ зыкIи зэщхьыжтэкъым; Iэхулъэху дахэшхуэр фыз гъуабжэжь цIыкIуу къыщIидзыжат. Унэм еплъыну къызэхуэсахэм яхэтт новеллэм и лирическэ лIыхъужьри – Мусэ. Унэм зэрыIуплъэуи езы Мусэ зэрыжиIэжымкIэ къыхэкIиикI пэтащ: «А унэ гупэм сызэрыIуплъэу сыкъыхэкIиикI пэтащ, апхуэдизкIэ ар Налжан ещхьти! Бжэ щIыхьэпIэмкIэ хэлъ

щхьэгъубжэшхуитIыр Налжан и нэ пIащитIырт, и напIэхэр лъагэу Iэтарэ, дыгъэ къыщIэкIыр игъэщIагъуэу еплъ нэхъей» [3; н. 209]. ГъэщIэгъуэнкъэ, цIыхубзым и дахагъэри, и псэм и нэхуагъри унэщIэм кIуат, нэгъуэщIу жыпIэмэ материальнэ щытыкIэм купщIэм и дахагъэм хуэкIуат.

Налжан – дахагъэм и нэщэнэщ. Ауэ зыхэпсэукI дунейм гулъытэрэ зэхэщIыкIри щимыгъуэтым, езым и псэм къарукIэ, дахагъэу хэлъ псомкIи гугъуехьым пэщIоувэ. Нало З. дегъэлъагъу цIыхупсэ къабзэр зеи зэрымыутхъуэр. Налжан и фэр кIуэдами, и псэм хэлъ дахагъэр унэ ищIым хуэкIуащ. Ар мыкIуэдыжын Iэужьщ.

Адыгэ литературэр епхащ куэдкIэ IуэрыIуатэм. Ар псом хуэмыдэу щынаIуэщ Нало Заур и творчествэм. ИкIи къигъэщIа новеллэхэм щыдолъагъу цIыху къызэрыгуэкI, образ гъэщIэгъуэнхэр. Ахэр гъукIэщ, пхъащIэщ, мэкъуауэхэщ. Апхуэдэ образщ «Хьэбалэ и пхъэ гуащэ» новеллэм къыхэщыж Хьэбали. Ар адрей цIыхухэм ещхькъым. Новеллэм зэрыщIидзэри мыпхуэдэущ: «Хьэбалэ и гъащIэр пщIантIэдэмыкIыу ихьырт. Махуэ псом пхъэкъутапIэм хэсу е гуэщым щIэту пхъэ ирибзэрт; щIымахуэми игъэувыIэртэкъым и IитIыр – зэпымыууэ гуащэ хьэпшып е щIалэ цIыкIу Iэмэпсымэ ищIырт» [3; н. 21].

ГъэщIэгъуэныращи пхъэ гуащэр ещхьыркъабзэщ фIыуэ илъэгъуа пщащэм. Ар псоми ялъагъу, зыхуахьынури ящIэркъым. Къуажэ ефэндыми жиIэнур ищIэркъым, гуащэр иIыгъщ зэпеплъыхьри: «Къэхь зи КъурIэн, мыр хэтми зыгуэрым ещхьыщэкIэ! А-а-а, уэлэхьи, Унэрытхэ япхъу дахэрам зэщхьыр! Тхьэр согъэпэж, емыщхьэркъабзэм! Уа мы делэ мыгъуэм и фIэщыпи! Мыр цIыху цIыкIум ялъагъумэ дауэ хъуну? Ещхьщ Iунэ, ауэ дэндейра ещхьыр? И нитIыра? Хьэмэрэ и Iупэра? Е и пэрауэ пIэрэ? – Ефэндым къыхуэубыдыркъым гуащэр Iунэ зэрещхь щIыкIэр. – Дауэ мыр? И пэр ещхькъым, и Iупэ – жьэпкъыпэри ещхьыщэу жыпIэнкъым. ИтIани ещхьщ» [4; н. 22]. А псалъэхэм жэуапу Хьэбалэ къитар мыращ: «И псэращ ещхьыр». А жэуапым иужькIэ Хьэбалэ адрей цIыхухэм нэхърэ нэхъ лъагэ хъуащ.

Сыт Хьэбалэ и образымкIэ къыджиIэну зыхуейр тхакIуэм? Нало Заур дежкIэ нэхъыщхьэр цIыхум и псэм щыщIэхэрщ. Хьэбалэ цIыхухэм я дежкIэ делэщ, акъылкIэ гупсысэркъым. Ар зэрыгупсысэри, зэрыпсэури псэщ. Зэми къогубжь, къыгурымыIуэжу, щхьэхуитыншу Iунэ и псэм фIыуэ илъэгъуащи ищIэнур ищIэркъым, къыгурыIуэркъым. Ар мыгупсысэфми и псэр маплъэ, гъащIэм зэреплъри нэгъуэщIынэкIэщ. Мыбдежым дахагъэр субъектно-объективнэ моделым хуокIуэр (гъащIэр къызыдэбгъэщI цIыхур дахагъэм и къупхъэу къапщтэрэ и дуней лъагъукIэм, дахагъэу дунейм къыщилъытэм ебгъапщэмэ дахагъэр Iэужь мэхъу [2; н. 112]).

Нало Заур новеллэм къыщыдгурегъаIуэ Хьэбалэ хуэдэ цIыхухэм къабзагъэ, гуапагъэ, цIыхугъэ къазэрыпкърыкIыр. Ахэращ дунейр зезыгъакIуэр. Адрейхэр къэувыIэжурэ зэзыгъэгупсысыжыр. Iунэ и псалъэхэм къыдгурагъаIуэ Хьэбалэ и псэм нэхърэ нэхъ гъуджэфI зэрыщымыIэр: «Мы делэ тхьэмыщкIэм нэхъ гъуджэ тэмэм дунейм темыту къыщIэкIаи!» [3; н. 25]

ИпэкIэ къызэрыхэдгъэщащи, Нало Заур и творчествэр быдэу пыщIащ IуэрыIуатэм. Абы и псалъэхэр, гупсысэхэр поджэж джэгуакIуэшхэхэм я гупсысэм. Псом хуэмыдэу лъагъуныгъэм теухуауэ. Агънокъуэ Лашэ къыхигъащащ лъагъуныгъэм дунейр зэрызэтриIыгъэр. Нало Заури мыращ абы теухуауэ «IэфIынэ и нэ фIыщIитIыр» жыхуиIэ новеллэм щитхыр: «ПщIыхьэпIэ Iей плъэгъуамэ, укъызэрыушу мэкIуэдыж; псы кIэрахъуэм уиубыдамэ, е къарукIэ, е IэмалкIэ укъыIэщIокIыж, ауэ къарури Iэмалри зыпэмылъэщыжыр Албэч и псэр зыубыда лъагъуныгъэрт: ар Урыхужь хуэдэу мыпхъашэ щхьэкIэ удзыр щIы псыфым къыхэзыш дыгъэпсым ещхьу гуащIэщ, дыгъэр, дунейм зигъазэмэ, къаруушэ мэхъури щIымахуэр къытокIуэ, мыр, Урыхужь къыщиуам нэхъей, гъазэ зымыщIэжщ» [4; н. 100].

Мы щапхъэ Нало З. и новеллэхэм къыхэтхахэм къагъэлъагъуэ тхакIуэм дежкIэ нэхъыщхьэр гум, псэм зэрыщекIуэкIыр. Дахагъэм и хэщIапIэуи ибжыр аращ.

Психологие и лъэныкъуэкIэ цIыхум бгъэдэлъ щытыкIэхэр образ къигъэщIахэм я зыщIыкIэмкIэ, псэлъэкIэмкIэ, IуэхущIафэхэмкIэ ди пащхьэ къурелъхьэ.

***

1. Адыгэ литературэм и тхыдэ. ЕтIуанэ Iыхьэ. – Налшык: ООО «Тетраграф», 2013. – 480 н.
2. Гегель Г.В. Эстетика. – М., 1973. Т. I. – 330 с.
3. Нало З.М. Къру закъуэ: Новеллэхэр. – Налшык: ООО Тетраграф, 2012. – 470 н.
4. Нало З. М. Тхыгъэ къыхэхахэр. I том. – Налшык: Эльбрус, 2014. – 464 н.

Титлова А.С.

Периферийные реакции при анализе процессов понимания текста микроблога

Башкирский государственный университет
(Россия, Уфа)

doi: 10.18411/lj-06-2020-420
idsp: ljournal-06-2020-420

Аннотация

В данной статье рассматривается метод «встречного текста» как один из способов определения особенностей понимания текста микроблога. «Встречный текст» представляет набор индивидуальных реакций реципиента и является проявлением индивидуальной стратегии понимания текста. Полученные в ходе эксперимента реакции делятся на ядерные и периферийные.

Ключевые слова: микроблог, понимание, «встречный текст», периферийные реакции, лингвистический эксперимент, модель понимания.

Abstract

The article considers the method of a “counter-text” as one of the ways to determine the specific features of a microblog text comprehension. A “counter-text” is a set of recipient’s individual reactions and reflects an individual strategy of text comprehension. The reactions obtained in the linguistic experiment are divided into nuclear and peripheral.

Keywords: microblog, comprehension, “counter-text”, peripheral reactions, linguistic experiment, comprehension model.

Для определения особенностей понимания текста микроблога мы использовали принципы психолингвистического метода построения «встречного текста», разработанного А.И. Новиковым [Новиков 2003], или «контртекста» по терминологии Н.И. Жинкина [Жинкин 1982]. Метод «встречного текста», по мнению его автора, позволяет «экспериментально исследовать сам процесс восприятия текста в его более непосредственном виде, приближенном к реальному протеканию» [Новиков 2003: 64].

Основа такого экспериментального метода – гипотеза А.И. Новикова об «активной роли реципиента, который не пассивно регистрирует содержащуюся в тексте информацию, не является просто «экраном», на котором проецируется содержание текста, а сам строит «встречный текст»» [Новиков 2003: 65], представляющий собой «набор индивидуальных реакций реципиента» [Пешкова 2006а: 49]. Каждый набор реакций является проявлением индивидуальной стратегии понимания текста конкретным реципиентом. Так человек, воспринимающий текст, отображает его содержание и информацию.

«Встречный текст» реципиента представляет собой набор реакций в форме письменных высказываний, фиксируемых самим адресатом, на предложения-стимулы исходного текста. Набор таких высказываний каждого конкретного реципиента-участника экспериментального исследования, по мнению А.И. Новикова, содержит

материал, позволяющий «судить полно и точно о внутренней стороне процесса восприятия текста» [Новиков 2003: 65.].

По мнению Н.П. Пешковой, при использовании данного метода «создается возможность репрезентации процесса осмысления и интерпретации сообщаемого в доступной для экспериментатора форме» [Пешкова 2015: 115].

Под «встречными текстами» мы в своем исследовании [Титлова 2016] понимаем комментарии, оставляемые пользователями на тексты микроблогов, и, по сути, представляющие собой реакции реципиентов, воспринимающих информацию оригинальных сообщений. Полученные результаты были обработаны с использованием основных принципов метода «встречного текста» с целью выявления особенностей понимания подобных сообщений.

Таким образом, в отличие от активного эксперимента, где тексты-стимулы подобраны экспериментатором, а «встречные тексты» создаются реципиентами после инструкций, данных исследователем, мы проводим исследование в естественных условиях и получаем возможность собрать и проанализировать результаты такого «естественного эксперимента» согласно методике, не взаимодействуя с реципиентами текстов-стимулов.

В ходе проведения нашего исследования нам удается избежать сознательной рефлексии реципиента над экспериментальной ситуацией. Такого рода рефлексия, по мнению А.А. Леонтьева, «вносит в эксперимент неопределенность, которой в принципе следовало бы избегать» [Леонтьев 1997: 50].

Итак, все полученные реакции можно структурировать в соответствии с частотой их употребления. К наиболее частотным можно отнести такие реакции, как комбинированные (56% от общего количества), оценочные (27.5%), реакции, выражающие мнение реципиента (5.3%). К менее частотным периферийным реакциям, согласно нашему исследованию, относятся перевод (3.8%), вывод (1.5%), интертекст (1.4%). И, наконец, малоупотребительными являются следующие типы реакций: констатация, побуждение к новой информации, аргументация, ассоциация, свободный ответ, прогноз, предположение, ориентировка (менее 1% от общего количества реакций).

Реакции с высокой частотой употребления мы помещаем в ядро модели. Сюда вошли различные сочетания реакций, которые мы называем комбинированными, и реакция оценки. Именно данные реакции имеют наиболее высокие показатели, которые мы привели выше. Эти реакции определяются нами как ядерные и составляют 83.5% (1266 реакций) от общего количества реакций, проанализированных нами в ходе проведения экспериментального исследования.

Виды реакций, находящиеся за пределами ядра модели, мы называем периферийными. Так как процент таких реакций невысок и составляет от 0.1% до 5.3% от общего количества реакций, разделим периферийные реакции на ближнепериферийные и дальнепериферийные по принципу их удаленности от центра. Следующие виды мы отнесли к ближнепериферийным: «мнение» и «перевод». Остальные виды реакций мы относим к дальнепериферийным: «вывод», «интертекст», «констатация», «побуждение к новой информации», «аргументация», «ассоциация», «свободный ответ», «прогноз», «предположение», «ориентировка».

Как видно из результатов настоящего исследования, к ядру относится реакция оценки, что доказывает ее значимость при восприятии, понимании и смыслоизвлечении в таком речевом произведении, как текст. Таким образом, значительное место при восприятии текстов микроблога занимает эмоциональный смысловой компонент. В ходе эксперимента было выявлено 392 «одиночные» реакции и 762 комбинированные реакции, выражающие оценку, что составляет 27.5% и 53.1%, соответственно.

Как видно из построенных нами моделей, оценка, безусловно, является доминирующей реакцией в индивидуальных стратегиях понимания испытуемыми

текста микроблога. Следует также обратить внимание и на следующие по частотности реакции, а именно реакции «мнение» и «перевод». Они находятся в ближней периферии, и на них приходится значительная часть всех полученных в ходе эксперимента «встречных» текстов (20.7% из 14 «одиночных» реакций, тогда как на 10 оставшихся типов реакций приходится лишь 16.9%).

В стратегической модели понимания, отражающей распределение комбинированных реакций, реакции «мнение» и «перевод» в сочетании с «оценкой» входят в ядро модели, составляя более половины всех «встречных» текстов с комбинированными реакциями (53.9%).

Категория мнения является универсальной и рассматривается в таких науках, как философия, психология, социология, лингвистика и психолингвистика. Приведем некоторые определения этого понятия:

1) мнение – «1. Взгляд на что-нибудь, суждение о чем-нибудь, выраженное словами. 2. Оценка, то или иное суждение о ценности чего-нибудь» [Толковый словарь Ушаков, URL].
2) мнение – «суждение, выражающее оценку чего-н., отношение к кому-чему-н., взгляд на что-н.» [Словарь русского языка 1999: 287].

А.И. Новиков дает следующее рабочее определение реакции «мнение»: «Мнение – как правило, личное отношение испытуемого к тому, что сказано в предложении (не люблю галок, ненавижу зиму, мне тоже кажется иногда…)» [Новиков 2003: 68]. Однако мы в своем диссертационном сочинении придерживаемся точки зрения М.А. Дмитровской, которая в своих исследованиях различает два типа смыслов, выделяемых в сфере «мнение»: мнение-предположение о факте и мнение-оценку. Мнение-оценка – установка относительно неверифицируемой пропозиции, а мнение-предположение – это установка относительно верифицируемой пропозиции, противопоставленная знанию [Дмитровская 2003].

В нашем исследовании мнение-оценка рассматривается как комбинированная реакция «мнение+оценка», а мнение-предположение (как суждение реципиента, его точка зрения) – как «одиночная» реакция «мнение». В поддержку данного разграничения в классификации отметим также, что, относясь к определенным познавательным актам сознания, в одних случаях мнение представляет собой результат этих актов («суждение», «вывод» у В. Даля), в других случаях – процесс («отношение», «оценка» – у Д.Н. Ушакова), а мы рассматриваем реакцию реципиента как конечный вербализованный результат работы механизмов понимания текста.

Следующая по частотности реакция – это реакция «перевод». Автор методики дает этой реакции следующее определение: «Перевод – обозначение содержания предложения полностью другими языковыми средствами, как правило, в краткой форме, что можно рассматривать как смысловую интерпретацию данного предложения, собственно выражение его смысла (семейная жизнь не удалась! это любовь! флирт…)» [Новиков 2003: 68]. Реакция «перевода» может включать в себя несколько этапов, представленных разными видами реакций, и является результатом нескольких смысловых трансформаций.

Что же касается комбинированных реакций, в состав которых входят «мнение» или «перевод» и «оценка», то следует отметить в них присутствие субъективно-оценочного фактора, который относится к психологическим характеристикам, свойственным процессу понимания. В реакциях «мнение+оценка» и «перевод+оценка» реципиент не только отражает свою точку зрения или смысловую интерпретацию прочитанного, но и выражает свое отношение к людям и событиям, описанным в тексте-стимуле.

***

1. Дмитровская, М.А. Знание и мнение: образ мира, образ человека [Текст]/ М.А. Дмитровская// Логический анализ языка. Избранное. 1988-1995. – М.: Индрик, 2003. – 696 с.
2. Жинкин, Н.И. Речь как проводник информации [Текст]/ Н.И. Жинкин. – М.: Наука, 1982. – 273с.

3. Леонтьев, А.А. Основы психолингвистики [Текст]/ А.А. Леонтьев. – М.: Смысл, 1997. – 287 с.
4. Новиков, А.И. Текст и «контртекст»: две стороны процесса понимания [Текст]/ А.И. Новиков// Вопросы психолингвистики. Текст: восприятие, понимание, интерпретация. – М.: 2003. – №1. – С.64-76.
5. Пешкова, Н.П. Психолингвистика текста: теория смысла А.И. Новикова [Текст]/ Н.П. Пешкова// Языковое бытие человека и этноса: психолингвистический и когнитивный аспекты. Вып. 11./ Под ред. В.А. Пищальниковой. – М., 2006. – С. 152-159.
6. Словарь русского языка: В 4-х т. [Текст]/ РАН, Ин-т лингвистич. исследований; Под ред. А. П. Евгеньевой. — 4-е изд., стер. — М.: Рус. яз.; Полиграфресурсы, 1999.
7. Титлова, А.С. Текст микроблога: лингвистический и психолингвистический подходы [Текст]/ А.С. Титлова// Языки в диалоге культур. – Уфа, 2016. – С. 71-77.
8. Толковый словарь русского языка: В 3 т. / Сост. и ред. Д. Н. Ушаков. – М.: Вече; Мир книги, 2001.

Федоровская В.О., Ильичева Т.С.

Лингвистические особенности раздела «Аннотация» оригинальной статьи медицинской тематики (на материале немецкого языка)

ФГАОУ ВО Первый МГМУ им. И.М. Сеченова Минздрава России (Сеченовский Университет)
(Россия, Москва)

doi: 10.18411/lj-06-2020-421
idsp: ljournal-06-2020-421

Аннотация

В статье рассматриваются лингвистические особенности раздела «Аннотация» оригинальных статей медицинской тематики, написанных на немецком языке. Анализируется композиционная структура аннотации, соответствующая стандарту IMRAD, выявляются коммуникативные блоки, структурирующие каждый раздел, характеризуются типичные лексико-грамматические средства, используемые при написании аннотаций на немецком языке.

Ключевые слова: оригинальная медицинская статья, аннотация, композиционная структура, формат IMRAD, лексико-грамматические средства

Abstract

In the article the linguistic characteristics of the abstract section in the medical original clinical research in German is investigated. The compositional structure of the abstract, corresponding to the IMRAD structure is analyzed, Linguostylistic features of each section are identified. The typical lexical and grammatical tools used for writing abstracts in German are characterized.

Keywords: original clinical research, abstract, compositional structure, IMRAD structure, lexical and grammatical tools.

Введение

Одним из критериев успешной научной деятельности профессорско-преподавательского состава, аспирантов и докторантов российских медицинских вузов является большая научная продуктивность, которая оценивается в том числе и с учетом количества публикаций в высокорейтинговых зарубежных журналах. Учитывая интенсивность научных и профессиональных контактов между Россией и немецкоговорящими странами, актуальным является вопрос об увеличении числа научных статей российских врачей в журналах этих стран.

Оптимальной формой презентации результатов исследований является оригинальная статья („Originalarbeit“), представляющая собой жанровую разновидность научной статьи. Вслед за Е.В. Макаровой [2, С.40] мы рассматриваем научную статью как форму речевой коммуникации между русскоязычным автором и немецкоязычным читателем. Основой эффективности данной коммуникации является умение выстроить

текст статьи согласно конвенциями письменного научного дискурса немецкоязычным стран.

Ключевое значение в структуре оригинальной статьи имеет аннотация („Zusammenfassung“) – раздел, отражающий краткое содержание статьи. Ознакомление с аннотацией позволяет сделать выводы о значимости конкретного исследования и необходимости ознакомления с полным текстом статьи. Как следствие, особую значимость при написании статьи приобретает знание стилистических и лингвистических особенностей этого элемента статьи. Вышесказанное определяет **актуальность** проведенного исследования.

Цель исследования заключается в выявлении структурных и лексико-грамматических особенностей аннотаций оригинальных научных медицинских статей, написанных на немецком языке. Исследование выполнено на **материале** 50 немецкоязычных оригинальных статей, опубликованных в научном журнале „Deutsches Ärzteblatt“ в период с 2017 по 2020 год. Журнал „Deutsches Ärzteblatt“ является одним из самых известных медицинских журналов, издаваемых в Германии, индексируемым в наукометрических базах данных базах “Medline“, „PubMed“, „Web of Science“, „Scopus“ и др. В исследовании использовались следующие **методы**: описательный анализ с использованием приемов обобщения анализируемого материала, метод сплошной выборки, а также методы семантического и контекстуального анализа текста.

Композиционная структура и типичные лексико-грамматические средства текстов аннотаций

В ходе первого этапа исследования была проанализирована композиционная структура аннотаций из журнала. Авторы пришли к выводу, что раздел «Аннотация»:

— расположен в начале статьи после названия;
— структурирован согласно формату IMRAD: „Hintergrund“ (Введение), „Methoden“ (Методы), „Ergebnisse“ (Результаты), „Schlussfolgerung“ (Заключение/Выводы) [17];
— содержит инвариантный раздел аннотации „Zitierweise“ (Для цитирования), указывающий форму ссылки на статью;
— каждому разделу аннотации соответствует отдельный абзац, состоящий из 2-4 предложений;
— средний объем аннотации составляет 215 слов.

В ходе последующих этапов исследования был осуществлен анализ каждого из разделов аннотаций, включавший: 1) выявление коммуникативных блоков и 2) речевых средств, используемых для их вербализации.

Под коммуникативными блоками мы вслед за Е.М. Крижановской понимаем единицы смысловой структуры научного текста, структурирующие текст [1]. Выявление коммуникативных блоков немецкоязычной статьи позволяет углубить представление о ее композиционной структуре и облегчает как носителю языка, так и автору, для которого немецкий язык не является родным, создать текст, соответствующий конвенциям письменного научного дискурса Германии.

Проанализированные аннотации являются описательными, так как отражают содержание статьи в целом и показывают, что было обнаружено в ходе исследования, какие результаты получены и какой вывод был сделан. В связи с этим для грамматического оформления разделов используется прошедшее время в форме претерит. Рассмотрим лингвистические особенности каждого раздела аннотации.

РАЗДЕЛ „HINTERGRUND“ («ВВЕДЕНИЕ»)

Нами была проанализирована частотность коммуникативных блоков, характерных для раздела „Hintergrund“, открывающего аннотацию:

1) Цель исследования – частотность составляет 32%,
2) Данные о распространенности заболевания – 22%,

3) Недостаточность данных относительно данного заболевания/ осложнения 20 %,
4) Сведения о том, что было сделано в ходе исследования -18 %,
5) Краткая характеристика изучаемого заболевания - 8 %.

1) Цель исследования

Чаще всего для формулировки цели исследования используется инфинитивная конструкция **(Das) Ziel + G. war/ ist es, … zu + Infinitiv.**

Форма прошедшего времени претерит употребляется в следующих случаях:

а) если было необходимо оценить результаты лечения после операции:

***Ziel unserer Studie war**, **das Ergebnis** nach Operation mit und ohne Drainage **zu evaluieren**. [13, S.329].*

б) если было необходимо оценить частоту заболевания/осложнения:

***Ziel der Studie war es, die Inzidenz des ALV** mithilfe der Abrechnungsdaten von 25 Millionen Versicherten der größten gesetzlichen Krankenversicherung **in Deutschland zu ermitteln**. [21, S. 43]*

Если целей исследования было несколько, но нужно подчеркнуть главную цель, то используется высказывание **Hauptziel der vorliegenden Studie war etw. (N.) …:**

***Hauptziel der vorliegenden Studie war** die Ermittlung der Häufigkeit und des Zeitpunkts von Rezidiven nach inzidentem Schlaganfall [18. S. 71]).*

Нередко цель исследования формулируется в форме презенс:

***Ziel der Arbeit ist** eine Analyse der Evidenz für deren Wirksamkeit und Sicherheit bei den häufigsten chronisch entzündlichen Erkrankungen. [16, S. 703)*

Иногда цель исследования выражается опосредованно с использованием придаточного дополнительного и пассивной конструкции с глаголом ***untersuchen*** в главном предложении:

***Ob sich diese Patienten weniger bewegen als die Gesamtbevölkerung und welchen Einfluss körperliche Aktivität auf Epilepsien hat, wurde** im vorliegenden systematischen Review **untersucht**. [19, S. 1]*

2) Данные о распространенности заболевания

Принадлежность того или иного заболевания/ осложнения к распространенным или редким заболеваниям/ осложнениям выражается с помощью глаголов ***gehören zu D., zählen zu D.:***

*Postoperative Wundinfektionen (WI) **gehören zu** den häufigsten nosokomialen Infektionen. [3, S. 529].*

Для презентации числовых данных об эпидемиологии заболевания используются следующие выражения:

„Die Zahl + G. [PATIENTEN, ERKRANKTER] auf [ZAHL] bis [ZAHL] Personen schätzen“:

***Die Zahl der Medikamentenabhängigen wird** in Deutschland **auf 1,4 bis 2,6 Millionen Personen geschätzt.** [7, S. 607].*

„Schätzungen gehen jährlich von [ZAHL] Betroffenen aus“:

***Schätzungen gehen jährlich von** 250 000 **Betroffenen aus**. [18, S. 711].*

3) Недостаточность данных о заболевании

Отсутствие информации, например, о данных, касающихся распространенности или смертности от данного заболевания, выражается с помощью следующих лексических средств: ***etw. (N.) ist für etw. (A.) unbekannt, etw. (N.) ist ungeklärt, bisher fehlte etw. (N.), bisher gibt es kaum + A., bislang/ bisher existieren keine (zuverlässigen) Daten zu etw. (D.):***

***Die postoperative Krankenhaussterblichkeit** nach viszeralchirurgischen Eingriffen **ist** für Deutschland **unbekannt**. [5, S. 739].*

***Bisher fehlte eine** methodisch hochwertige **Zusammenfassung** der aktuellen Evidenzlage. [20, S. 297].*

Информация о недостаточном количестве исследований вербализуется с помощью следующих выражений:

„Aus [LAND] liegen unzureichende Daten zu Inzidenz und Prävalenz + G.+ (KRANKHEIT) vor“.

„Es gibt nur wenige Studien zu (D.) bei (D.) [KRANKHEIT]…“

Aus Deutschland liegen unzureichende Daten zur *administrativen* ***Inzidenz und Prävalenz*** *des Reizdarmsyndroms (RDS) sowie zu Komorbiditäten, Diagnostik, Therapie und Kosten des RDS* ***vor****. [11, S. 463]*

4) Сведения о том, что было сделано в ходе исследования

Для грамматического оформления высказываний о том, что было сделано в исследовании, используется как активный, так и пассивный залог. При построении предложения в активном залоге соблюдается правило „Ich-Tabu“ (табу на употребление местоимения «я») и используется исключительно личное местоимение в форме 1 лица множественного числа (wir):

Wir untersuchten *deshalb systematisch die Literatur zur Pharmakotherapie der arteriellen Hypertonie körperlich gebrechlicher Patienten. [15, S. 23].*

Пассивный залог отражает информацию о том, что изучалось в ходе исследования и что было сделано:

In dieser Studie ***wurde*** *die Wirksamkeit einer begleiteten und einer unbegleiteten ACT-basierten Online- Intervention für Patienten mit chronischen Schmerzen (ACTonPain)* ***untersucht****. [14, S. 681].*

5) Краткая характеристика заболевания

Нередко в первом разделе аннотации дается определение исследуемого феномена, например, заболевания. Типичным грамматическим средством оформления дефиниций является составное именное сказуемое:

Die chronisch obstruktive Lungenerkrankung (COPD) ist eine *weltweithäufige* ***Erkrankung*** *mit hoher Morbidität und Mortalität. [10, S. 599].*

РАЗДЕЛ „METHODEN“ («МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ»)

Коммуникативные блоки раздела „Methoden“ касаются того, каким образом проводилось то или иное исследование, характеризуют выборку, показывают, сколько пациентов участвовало в исследовании, сколько времени проводилось исследование, было ли разделение пациентов на контрольную и экспериментальную группы. Иными словами, данный раздел сжато повествует о том, что было сделано в ходе исследования.

В качестве наименований видов дизайна исследования используются следующие термины***: randomisierte kontrollierte Studie, Kohortenstudie, Querschnittstudie, systematisches Review.***

Для грамматического оформления раздела «Методы» чаще всего используется пассивный залог, так как важно подчеркнуть, что было сделано, а не кем.

Die Literaturrecherche wurde *in PubMed und Web of Science* ***durchgeführt****. [19, S. 1].*

Для описания выборки используются следующие речевые средства*:* ***eine Literaturrecherche von D. bis A. [DATEN] in der Datenbank … durchführen, etw. extrahieren [z.B. DATEN], etw. A. inkludieren, etw. selektionieren [z.B. PUBLIKATIONEN], Studien in den Selektionsprozeß aufnehmen/ methodisch qualitativ bewerten/ in Evidenzklassen einteilen.***

Die Literaturrecherche wurde *in PubMed und Web of Science* ***durchgeführt****. [19, S. 1]*

Die ausgewählten Studien wurden methodisch qualitativ bewertet und in Evidenzklassen eingeteilt. *[19, S. 1]*

Разделение пациентов на экспериментальную и контрольную группу описывается с помощью следующих выражений: ***jmdn. prospektiv für etw. A.***

randomisieren, jmdn. auf eine Interventionsgruppe mit D. und eine Kontrollgruppe randomisieren, jmdn. A. (z.B. Teilnehmer) D. (z.B. der Kontrollgruppe) zuteilen, Untergruppen bilden:

302 Teilnehmer wurden *zufällig* ***den Interventionen*** *ACTonPain-egleitet/ACTonPain-unbegleitet (n =100/101) oder* ***der Wartelisten-Kontrollgruppe*** *(n = 101)* ***zugeteilt.*** *[14, S. 681].*

РАЗДЕЛ „ERGEBNISSE“ («РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ»)

Раздел содержит следующие коммуникативные блоки:

1) Количество участников, их пол, возраст, наличие или отсутствие хронических заболеваний;
2) Количественные показатели частоты того или иного заболевания, уровень смертности за какой-либо период и т.д.;
3) Сравнение результатов исследования в экспериментальной и контрольной группах;
4) Наличие или отсутствие связи между явлениями.

Для описания выборки и количества участников исследования используются следующие конструкции: ***Studien identifizieren, Arbeiten auswählen, Artikel berücksichtigen, in die Auswertung eingehen, jmdn. (A.) in etw. (A.) einschließen, von [ANZAHL] Patienten … [ANZAHL] in (A.) randomisieren:***

3 287 199 Patienten *aus 1 392 Krankenhäusern wurden in die vorliegende Analyse* ***eingeschlossen*** *[5, S. 739].*

Для обозначения увеличения заболеваемости или смертности используются глаголы ***steigen, erhöhen***:

Die Kosten für die medizinische Versorgung waren bei Versicherten

im Jahr der Erstdiagnose von RDS im Vergleich zu Versicherten ohne RDSDiagnose höher (3 770 € vs. 2 788 €) und ***stiegen*** *in den acht Jahren vor Erstdiagnose immer weiter an. [11, S. 833]*

Для противопоставления двух явлений используются конструкции, включающие прилагательные в сравнительной степени, например: ***die Prävalenz +G. [z.B. ANALGETIKA], war deutlich höher als N. [z.B. NAME DES ANDEREN MEDIKAMENTES].***

Die Gebrauchsprävalenz nichtverordneter Analgetika *(31,4 %)* ***war deutlich höher als die vom Arzt verordneter Analgetika*** *(17,5 %, gesamt 26,0 Mio.). [4, S. 577]*

В ситуации, когда нужно показать, что различий между группами выявлено не было, используются следующие речевые средства: ***die Ergebnisse waren ähnlich, keine Gruppenunterschiede fanden sich:***

Keine Gruppenunterschiede fanden sich *bezüglich des diastolischen Blutdrucks. [8, S. 833].*

РАЗДЕЛ „SCHLUSSFOLGERUNG“ («ЗАКЛЮЧЕНИЕ»)

В разделе „Schlussfolgerung“ авторы обычно пишут о том, какие выводы были сделаны в ходе исследования (например, исследование безопасности и эффективности лекарственного препарата). Часто заключение может содержать какие-либо рекомендации и указание о необходимости проведения дальнейших исследований в этой области.

Обычно для грамматического оформления рекомендаций используются модальные глаголы ***sollen, können*** в изъявительном или условном наклонении:

Patienten mit akutem Schlaganfall ***sollten*** *wenn möglich in spezialisierten Zentren* ***behandelt werden****. [18, S. 711].*

Типичными для выражения рекомендаций являются такие лексические средства, как глаголы, например, глагол ***empfehlen***:

Um Kindern und Jugendlichen mit Kraniopharyngeom eine möglichst hohe Lebensqualität zu ermöglichen, ***empfiehlt sich die Wahl*** *Hypothalamus-schonender Therapieansätze. [9, S. 321].*

Для вербализации ограничений или недостатков исследования авторы прибегают к следующим клишированным выражениям: ***die Studien weisen Mängel auf, die …; eine Limitation der Studie ist + (N.):***

Eine Limitation der Studie ist *die Ableitung der Komplikationen auf Basis anonymisierter Abrechnungsdaten. [5, S. 739].*

Заключение

Проведенное исследование аннотаций из журнала „Deutsches Ärzteblatt“ позволяет сделать следующие выводы: Раздел «Аннотация» оригинальной статьи медицинской тематики представляет собой краткое изложение основных положений статьи. Композиционная структура аннотации соответствует формату IMRAD. Каждый из разделов аннотации включает коммуникативные блоки, структурирующие текст и отражающие логику научного исследования. Для вербализации содержания коммуникативных блоков используется широкий спектр клишированных выражений, знание которых позволит носителю русского языка облегчить написание аннотации к оригинальной медицинской статье на немецком языке.

***

1. Крижановская, Е. М. Коммуникативный блок как единица смысловой структуры научного текста (общие параметры) // Стилистика научного текста (общие параметры). Пермь, 1996. Т. 2, ч. 1. С. 323–341.
2. Макарова, Е. В. Обучение написанию научной статьи формата IMRAD на английском языке. [Текст]/ Е.В. Макарова //сб. науч. ст. / под общ. ред. О. В. Лущинской, Е. В. Савич. – Минск: БГУ, 2016. - С. 40–48.
3. Aghdassi S.J.S., Schwab F., Hoffmann P., Gastmeier P. Assoziation von Klimafaktoren mit Wundinfektionsraten - Daten aus 17 Jahren Krankenhaus-Infektions-Surveillance. Deutsches Ärzteblatt 2019; 116: 529–36. DOI: 10.3238/arztebl.2019.0529
4. Atzendorf J., Rauschert C., Seitz N.N., Lochbühler K., Kraus L. Gebrauch von Alkohol, Tabak, illegalen Drogen und Medikamentenschätzungen zu Konsum und substanzbezogenen Störungen in Deutschland. Deutsches Ärzteblatt 2019; 116: 577–84. DOI: 10.3238/arztebl.2019.0577
5. Baum P., Diers J., Lichthardt S., Kastner C., Schlegel N., Germer C.T., Wiegering A. Sterblichkeit und Komplikationen nach viszeralchirurgischen Operationen - eine bundesweite Analyse basierend auf den diagnosebezogenen Fallgruppen der deutschen Krankenhausabrechnungsdaten. Deutsches Ärzteblatt 2019; 116: 739–46. DOI: 10.3238/arztebl.2019.0739
6. Bornitz F., Ewert R., Knaak C., Magnet F.S., Windisch W., Herth F. Beatmungsentwöhnung in Weaning-Zentren nach primärem Weaning-Versagen - prospektive Multicenterstudie zur Entwöhnbarkeit bei Patienten mit dauerhaft angelegter außerklinischer invasiver Beatmung. Deutsches Ärzteblatt 2020; 117: 205–10. DOI:10.3238/arztebl.2020.0205
7. Buth S., Holzbach R., Martens M.S., Neumann-Runde E., Meiners O., Verthein U. Problematische Medikation von Benzodiazepinen, Z-Substanzen und Opioid-Analgetika - Analyse von Verschreibungsdaten der Gesetzlichen Krankenversicherung der Jahre 2006–2016. Deutsches Ärzteblatt 2019; 116: 711-717. DOI: 10.3238/arztebl.2019.0607
8. Cramer H., Sellin C., Schumann D., Dobos G. Yoga bei arterieller Hypertonie - eine dreiarmige randomisierte kontrollierte Studie. Deutsches Ärzteblatt 2018; 115: 833–9.DOI: 10.3238/arztebl.2018.0833
9. Eveslage M., Calaminus G., Warmuth-Metz M., Kortmann R.D., Pohl F., Timmermann B., Schuhmann M.U., Flitsch J., Faldum A., Müller H.L. Postoperative Lebensqualität bei Kindern und Jugendlichen mit Kraniopharyngeom - Ergebnisse einer prospektiven, multizentrischen Studie. Deutsches Ärzteblatt 2019; 116: 321–8. DOI: 10.3238/arztebl.2019.0321
10. Graf J., Jörres R.A., Lucke T., Nowak D., Vogelmeier C.F., Ficker J.H. Medikamentöse Therapie der COPD - Analyse der leitliniengerechten Verordnung in einer großen nationalen Kohorte (COSYCONET). Deutsches Ärzteblatt 2018; 115: 599–605. DOI: 10.3238/arztebl.2018.0599
11. Häuser W, Marschall U., Layer P., Grobe T. Häufigkeit, Komorbiditäten, Versorgung und Kosten des Reizdarmsyndroms - eine Beobachtungsstudie mit Routinedaten einer Krankenkasse. Deutsches Ärzteblatt 2019; 116: 463–70. DOI: 10.3238/arztebl.2019.0463

12. Kohler B., Kellerer C., Schultz K., Wittmann M., Atmann O., Linde K., Hapfelmeier A., Schneider A. Internetbasiertes Asthma-Selbstmanagementprogramm erhöht das Wissen zu Asthma - Ergebnisse einer randomisierten kontrollierten Studie. Deutsches Ärzteblatt 2020; 117: 64–71. DOI: 10.3238/arztebl.2020.0064
13. Lesser T., Doenst T., Lehmann T, Mukdessi J. Lungengewebeentnahme ohne Pleuradrainage — eine randomisierte Studie zu einer häufigen videothorakoskopischen Operation. Deutsches Ärzteblatt 2019; 116: 329–34. DOI: 10.3238/arztebl.2019.0329
14. Lin J., Paganini S., Sander L., Lüking M., Ebert D.D., Buhrman M., Andersson G., Baumeister H. Internetbasierte Intervention bei chronischen Schmerzen - eine dreiarmige, randomisierte kontrollierte Studie zur Wirksamkeit einer begleiteten und unbegleiteten Akzeptanz- und Commitment-Therapie. Deutsches Ärzteblatt 2017; 114: 681–8. DOI: 10.3238/arztebl.2017.0681
15. Mühlbauer V., Dallmeier D., Brefka S., Bollig C., Voigt-Radloff S., Denkinger M. Pharmakotherapie der arteriellen Hypertonie bei gebrechlichen, älteren Patienten - ein systematisches Review. Deutsches Ärzteblatt 2019; 116: 23–30. DOI: 10.3238/arztebl.2019.0023
16. Niehues T., Turul Özgür T. Wirksamkeit und evidenzbasierter Einsatz von Biologika bei Kindern und Jugendlichen - Einsatz therapeutischer monoklonaler Antikörper und Fusionsproteine. Deutsches Ärzteblatt 2019; 116: 703–10. DOI: 10.3238/arztebl.2019.0703
17. Sollaci L.B., Pereira M.G. The introduction, methods, results, and discussion (IMRAD) structure: a fifty-year survey. J Med Libr Assoc. 2004;92(3):364-367.
18. Stahmeyer J.T., Stubenrauch S., Geyer S., Weissenborn K., Eberhard S. Häufigkeit und Zeitpunkt von Rezidiven nach inzidentem Schlaganfall - eine Analyse auf Basis von GKV-Routinedate. Deutsches Ärzteblatt 2019; 116: 711–7.DOI: 10.3238/arztebl.2019.0711
19. van den Bongard F., Hamer H.M., Sassen R., Reinsberger C. Sport und körperliche Aktivität bei Epilepsien - ein systematisches Review. Deutsches Ärzteblatt 2020; 117: 1–6. DOI: 10.3238/arztebl.2020.0001
20. Weihofen V.M., Hegewald J., Euler U., Schlattmann P., Zeeb H., Seidler A. Fluglärm und Schlaganfallrisiko - systematisches Review und Metaanalyse Deutsches Ärzteblatt 2019; 116: 237–44. DOI:10.3238/arztebl.2019.0237
21. Weiler N., Schlotmann A., Schnitzbauer A.A., Zeuzem S., Welker M.W. Epidemiologie des akuten Leberversagens - Ergebnisse einer populationsbasierten Studie mit Daten von 25 Millionen gesetzlich Versicherten. Deutsches Ärzteblatt 2020; 117: 43–50. DOI: 10.3238/arztebl.2020.0043

Хакимуллина Л.Н.

Анализ ошибок электронных СМИ республики Марий Эл

Поволжский государственный технологический университет (Россия, Йошкар-Ола)

doi: 10.18411/lj-06-2020-422
idsp: ljournal-06-2020-422

Аннотация

В данной статье рассматриваются наиболее частые ошибки, которые встречаются в электронных СМИ республики Марий Эл. Делается вывод о наличии большого количества ошибок в текстах СМИ и рассматривается необходимость изучения речевых норм русского языка. Также выявляются возможные причины неграмотности журналистов и разрабатывается комплекс мер по устранению различных ошибок.

Ключевые слова: речевая норма, виды ошибок, амфиболия, лексическая ошибка, алогизм, орфографическая ошибка, новости, СМИ.

В век развитых технологий ключевыми навыками журналистов становятся владение техническими устройствами и оперативность. Языковая грамотность хоть и важна, но больше не является первостепенным критерием компетентности журналиста. В погоне за скоростью публикации материала интернет-издательства часто пренебрегают нормами русского языка и допускают большое количество ошибок.

Проблема низкой грамотности СМИ интересует многих лингвистов. Данная работа имеет целью актуализировать эту проблему. Главные задачи – показать

отклонения от речевых норм, которые допускают СМИ республики Марий Эл, и выявить СМИ с наибольшим количеством ошибок. В статье также был проведён анализ ошибок и рекомендации по их устранению. Анализ производился методом случайной выборки 50 новостных статей из электронных версий изданий «Медиапоток», «Pro Город» Йошкар-Ола, ГТРК «Марий Эл» и «Марийская правда». За основу была взята классификация ошибок, разработанная Федеральным институтом педагогических измерений [7]: грамматические ошибки, графические ошибки, логические ошибки; орфографические ошибки, пунктуационные ошибки, речевые ошибки, фактические ошибки.

1. Грамматическая ошибка – это нарушение какой-либо грамматической нормы: словообразовательной, морфологической, синтаксической. В соответствии с тремя основными разделами грамматики В. Костомаров [1] разделяет грамматические ошибки на:

а) ошибки словообразовательные;
б) ошибки грамматико-морфологические;
в) ошибки грамматико-синтаксические.

а) Словообразовательные ошибки состоят в ошибочном словообразовании и искажении слов. Ошибок словообразования в исследованных текстах замечено не было.

б) Грамматико-морфологические ошибки связаны с ненормативным образованием форм слов. Самое большое количество грамматических погрешностей в исследованных материалах встречалось:

— в склонении слов по падежам: «на подобном заседание» [6] – *на подобном заседании*, «курорты, для посещение которых» [6] – *курорты, для посещения которых*, опрос население [6] – *опрос населения.*
— в неправильном согласовании слов по категории рода: «с обоих сторон» [6] – *с обеих сторон*, «своё день рождения» [6] – *свой день рождения*.
— в смешении предлогов: «…в девяти музейных площадках нашего города» [6] – *на девяти музейных площадках*, «мероприятия связаны из-за частых аварий» [6] – *мероприятия связаны с частыми авариями*.
— в нарушении связи между подлежащим и сказуемым:

«…для тех, кто оказываются участниками ДТП» – *для тех, кто оказывается участником ДТП.* [6]

в) Синтаксические ошибки заключаются в нарушении структуры простых, осложненных и сложных предложений. Наиболее частотными в материалах СМИ Марий Эл оказались ошибки в:

- неоправданном членении предложений, например: «В Йошкар-Оле прошло заседание президиума Государственного собрания Республики Марий Эл. На котором было принято решение…» [6]; «Презентация талисмана прошла перед матчем Голландия – Германия. Где сыграли 2:3» [6].

В данных примерах придаточное определительное предложение было оформлено как самостоятельное, в результате чего нарушаются не только границы предложений, но и смысловая линия.

Напротив, нагромождение синтаксических конструкций нередко порождает ошибки, связанные с согласованием членов предложений: «Заместитель директора Парка Культуры, не имея права подписи документов, предложил директору заключать с подконтрольным ему парку «Мир развлечений» договоры оказания услуг…» [3]. Правильный вариант: *с подконтрольным ему парком.*

- построении предложений с однородными членами.

«Личности парней проверили и отпустили» [4] – *Парней отпустили после проверки личности.*

2. Пунктуационные ошибки заключаются в неправильном расположении пунктуационных знаков в тексте или их отсутствии там, где они должны быть. Самыми частыми пунктуационными ошибками в исследованных материалах являются постановка необоснованных запятых в простых предложениях и неправильная постановка знаков препинания в сложных предложениях.

Необоснованные запятые усматриваются в следующих примерах:

«…на которых любой желающий житель республики, мог узнать о профилактике наркомании» [7]; «А до конца недели, волонтеры посетят с мероприятиями…» [7].

Большое количество ошибок усматривается в сложных предложениях:

«Сейчас ведется следствие, и выясняются все обстоятельства произошедшего» [6]. В данном сложносочинённом предложении запятая не ставится, так как у двух частей сложносочинённого предложения есть общий второстепенный член *сейчас*.

3. К **орфографическим ошибкам** относится неправильное написание слов. В статьях газеты «Pro Город» Йошкар-Ола было найдено большое количество орфографических ошибок. К ним относятся:

- искажение написания значащих частей слова: «учавствуют» [4] – *участвуют*, «деревья были посажаны» [6] – *посажены*, «…бешенную лису» [6] – *бешеную*, «… сколько водителей садиться за руль нетрезвыми» [6] – *садится*.
- неправильное написание начальной формы слова: «бардюр» [6] – *бордюр*, «трое птинцов» [6] – *трое птенцов*, «отдышка» [6] – *одышка*, «медьведь», «зайц» [6] – *медведь, заяц*, «ингридиенты» [6] – *ингредиенты.*
- нарушение правил о слитном, дефисном и раздельном написании слов: «по крупному» [6] – *по-крупному*, «они так же смогут получать права всех категорий» [6] – *также*, супер_крепкий асфальт [6] – *суперкрепкий.*

4. Графические ошибки – пропуски и разнообразные замены букв, вызванные невнимательностью пишущего или поспешностью написания. Как видно из примеров, графические ошибки также преобладают в материалах газеты «Pro Город»: «автодеи на иномарке» – *автоледи*, «стоит обратиться» – *обратиться*, «обращаться внимание» – *обращать*, «сдобровольцы» – *добровольцы*.

Единичные случаи описок встречались и в изданиях «Марийская правда» и «Медиапоток»: «В Марий Эл отроется «Прямая линия»» – *откроется* [4]; «С жителями Марий Эл… приключилась она беда» – *одна беда* [6].

Причина таких ошибок может заключаться в отсутствии технической правки, невнимательности составителя текста и стремлении быстрее опубликовать новостной материал.

5. Речевые ошибки включают в себя: а) ошибки лексические, связанные с неразвитостью речи, и б) ошибки стилистические, связанные с употреблением в тексте языковых единиц, обладающих стилистической окраской, не соответствующей стилистической окраске данного текста.

а) Довольно частая ошибка – это нарушение лексической сочетаемости, например: «Пожар произошёл по *печной причине*» [6]. Выражение *печная причина* – яркий пример употребления слов в несвойственном для них значении. Вероятно, правильнее было бы указать, что пожар произошёл по причине неправильно растопленной печи, неправильной эксплуатации бани или по причине нарушения правил пожарной безопасности.

В следующем примере слово *различные* само по себе ошибки не содержит, но оно неудачно употреблено и не сочетается со словом *страны*: «…поедут отдыхать в *различные* страны» [6]. Правильный вариант: *разные страны*.

Есть и примеры плеоназма, оборота речи, в котором происходит дублирование некоторого элемента смысла. В предложении «…сейчас там значительная катастрофа» [6] можно опустить слово *значительная*, ведь любая катастрофа является довольно масштабным бедствием.

Также очень часто встречались примеры тавтологии, неоправданного употребления одних и тех же или однокоренных слов:

«17 марта на *частном участке* в деревне…» [6]. Возможный вариант исправления ошибки: *в частном доме*.

«…*спортивный* инвентарь для *спорта*» [3] – *спортивный инвентарь* либо *инвентарь для спорта.*

б) К стилистическим ошибкам относят немотивированное использование просторечной лексики и жаргонизмов. Наибольшее количество стилистических ошибок было допущено «Марийской правдой», тексты которой отличаются использованием разговорной тональности, и, как следствие, нарушением чистоты речи, что приводит к обедненности и засорению языка: «тамошний»; «классные автомобильные диски»; «пацан», «качалка»; «отгрохали», «бяшка»; «опоздал – твои проблемы», «пришлось поднапрячься», «там "ловить нечего"».

Также часто разговорная лексика встречалась в газете «Pro Город»: «амбал», «гаишников», «проблемы с «моторчиком».

6. Логические ошибки, по определению Д.Е. Розенталя, - это неразличение близких в каком-либо отношении обозначаемых понятий. Нередко пишущий не различает причину и следствие, часть и целое, смежные явления, видовые и другие отношения [2]. Самыми частотными логическими ошибками являются логический скачок, сопоставление логически неоднородных понятий и алогизм.

Логическим скачком называют пропуск звена в объяснении, например: «В селе Упша Оршанского района находятся два святых источника. Один из них около местной церкви, другой в конце села. Освятили его в честь Сергия Радонежского, называют Мамаевским» [3]. В данном примере пропуск звена в объяснении произошёл между вторым и третьим предложениями, становится неясно о котором из родников идёт речь.

В следующем примере содержится не только логическая ошибка, заключающаяся в пропуске звена объяснения между предложениями, но и орфографическая в слове *суперкрепкий*: «На Ленинском проспекте в Йошкар-Оле положат *супер__крепкий* асфальт. *Все* эти преображения Ленинский проспект ждут в рамках нацпроекта». [6]

Сопоставление неоднородных понятий *двухкомнатный* и *многоквартирный* усматривается во фразе «в двухкомнатном многоквартирном доме» [6]. Возможные варианты: *в двухкомнатной квартире* или *в многоквартирном доме*.

В исследованных материалах встретилась также амфиболия – вид логической ошибки, который заключается в двусмысленности предложения: «Семье, умершей после родов йошкаролинки, возместят моральный вред» [6]. Очевидно, что из-за постановки необоснованной запятой смысл фразы изменился на прямо противоположный.

7. Фактические ошибки заключаются в искажении фактов или нарушении хронологии излагаемых событий. Фактических ошибок в исследуемых материалах замечено не было.

В целом, проанализированные тексты электронных СМИ республики Марий Эл отличаются недостаточной грамотностью и стилистической небрежностью. Анализ допущенных ошибок позволяет сделать вывод о том, что ошибки нередко затрудняют

понимание смысла текста и создают двусмысленность отдельных предложений. Выявленные ошибки - результат не только низкой грамотности, но и безответственного отношения редакторов, корректоров к своей работе.

Таким образом, проведенное исследование позволило заключить, что в статьях электронных СМИ Марий Эл усматривается огромное количество ошибок. На мой взгляд, это может быть связано с недостаточной грамотностью журналистов и редакторов. Кроме того, выделилась одна особенность ошибок электронных СМИ – это одновременное сочетание нескольких видов ошибок не только в одном абзаце или предложении, но и в одном слове.

Самое большое количество ошибок было выявлено в текстах издания «Pro Город» Йошкар-Ола – 70 разноплановых ошибок из 50 исследованных статей**.** Незначительное количество ошибок **–** в ГТРК «Марий Эл» - 3 ошибки в 50 исследованных статьях. В материалах информационных агентств «Марийская правда» и «Медиапоток» было выявлено 14 и 6 ошибок соответственно.

Таким образом, основными причинами ошибок в газетах являются: 1) низкая квалификация работников редакций газет; 2) отсутствие корректора; 3) отсутствие возможности повышения квалификации персонала.

В качестве возможных путей преодоления обозначенных проблем можно предложить: 1) более интенсивное использование словарей и программ автокоррекции с последующим самоанализом допущенных ошибок; 2) организация соответствующих курсов повышения квалификации для работников редакций газет, направленных на развитие культуры речи и устранение пробелов в знаниях по темам «Грамматика», «Лексика», «Орфография», «Пунктуация»; 3) восстановление или расширение института корректуры

В заключение хотелось бы отметить, что СМИ следует ответственнее подходить к оформлению статей и беречь родной язык. Президент Института Пушкина Виталий Григорьевич Костомаров считал, что «не русский язык надо спасать, а нас с вами. Можно обвинять в его качестве только людей, которые им пользуются» [6]. Данное утверждение особенно актуально в отношении СМИ, потому как неграмотно составленная статья ведет к закреплению речевых, орфографических и пунктуационных ошибок в устной и письменной речи читателей. И учитывая нацеленность СМИ на многомиллионную аудиторию, следует подчеркнуть важность соблюдения языковой нормы.

***

1. Костомаров В. Г. Языковой вкус эпохи. Из наблюдений над речевой практикой масс-медиа. СПб, 1999. С. 44.
2. Розенталь Д. Э. Справочник по правописанию, произношению, литера-турному редактированию. М., 1994. – 656 с. С.66
3. Всероссийская государственная телевизионная и радиовещательная ком-пания ГТРК «Марий Эл» [Электронный ресурс] – Режим доступа: http://www.gtrkmariel.ru/
4. Информационное агентство «Марийская правда» [Электронный ресурс] – Режим доступа: https://www.marpravda.ru/
5. Информационное агентство «Медиапоток» [Электронный ресурс] – Ре-жим доступа: https://potokmedia.ru/
6. Рекламно-информационное агентство «Pro Город» Йошкар-Ола [Элек-тронный ресурс] – Режим доступа: https://pg12.ru
7. Российская газета - Федеральный выпуск № 121(6692) [Электронный ре-сурс] – Режим доступа: https://rg.ru/2015/06/05/gramotnost.html (дата об-ращения: 02.03.2020)
8. Федеральный институт педагогических измерений [Электронный ресурс – Режим доступа: http://fipi.ru/sites/default/files/document/1408709702/RUS2014_gia9.pdf

Шалбаткина Л.А., Ордахова Т.В.

Особенности перевода реалий в романе Лао Шэ «Рикша»

Северо-Восточный федеральный университет им. М.К.Аммосова (Россия, Якутск)

doi: 10.18411/lj-06-2020-423
idsp: ljournal-06-2020-423

Аннотация

В данной статье был проведен анализ реалий в романе Лао Шэ «骆驼祥子» и его перевод на русский язык «Рикша», выполненный Е. Рождественской. В ходе исследования была дана оценка переводу реалий, а также был предложен собственный вариант перевода. В ходе исследования был рассмотрен перевод подгруппы фразеологизмов и просторечий, которую автор самостоятельно отнес к группе реалий во время анализа данного романа. В итоге автор пришел к выводу, что в целом перевод романа, выполненный Е. Рождественской, является успешным, несмотря на потерю стилистической окраски в некоторых выражениях. Переводчик успешно передал основную идею романа и сумел оказать эмоциональное влияние на читателя.

Ключевые слова: Перевод, реалия, безэквивалентная лексика, прием перевода, Лао Шэ, китайский язык, фразеологизмы и просторечия

Abstract

In this article, the author analyzed the realias in Lao She's novel"Rickshaw" and its translation into Russian made by E. Rozhdestvenskaya. The author evaluated the translation of realities, and proposed its own version of the translation. This article considers the translation methods of idioms and vernaculars. During the analysis of this novel, the author decided classify them as realias. As a result, the author concluded that the translation of the novel by E. Rozhdestvenskaya was successful, despite the loss of stylistic devices in some expressions. The translator successfully conveyed the main idea of the novel and had an emotional impact on the reader.

Key words: Translations, realia, culture-specific vocabulary, lexical transformations, Lao She, Chinese language, idioms and vernaculars

В словаре лингвистических терминов дано следующее определение реалий: «…в классической грамматике разнообразные факторы, изучаемые внешней лингвистикой, такие, как государственное устройство страны, история и культура данного народа, языковые контакты носителей данного языка с точки зрения их отражения в данном языке. [1, с. 281]. В реалиях каждого языка отражаются обычаи, уклад жизни, историческое прошлое, менталитет различных наций. Поэтому перевод в данном исследовании будет рассматриваться как культурологическое явление, так как он затрагивает обычаи и историю представителей другой культуры. Каждый язык отображает национальный и исторический колорит жителей той или иной страны, в которой проживают носители языка художественного произведения. Читателям, которые являются носителями другого языка, зачастую совершенно незнакомы обычаи и история других культур. Важность реалий заключается в том, что они являются отражением культуры другой страны и важно правильно суметь передать их.

В данной статье мы, основываясь на трудах таких отечественных исследователей, как В.Н. Комиссаров, В.С. Виноградов и др., проанализировали способы передачи реалий с китайского языка на русский на основе романа 骆驼祥子 (1937 г.) или «Рикша», переведённый в 1956 году Екатериной Рождественской. Роман рассказывает о трагической судьбе пекинского рикши Сянцзы, мечты и стремления

которого столкнулись с несправедливостью прагматичного общества, вследствие чего он деградировал и погряз в мошенничестве и блуде.

Мы рассмотрели перевод фразеологизмов и просторечий, отнеся их к реалиям, так как данная категория также, как и любые реалии, представляет трудности при переводе. Выражения пекинского народа в данном романе пестрят различными просторечиями, что представляет для нас большой интерес. Переводчик часто использовал прием опущения, так как для некоторых выражений довольно сложно подобрать русский аналог. Так, например, в предложении

"当王八的吃俩炒肉"！ (Еще, чего доброго, придется жениться на Хуню.), выражение 当王八 [dāng wángba] имеет значение «рогоносец». В современном китайском языке данное просторечие выглядит так: «靠两块肉吃饭» [kào liǎng kuài ròu chīfàn]. Это просторечие имеет значение похабного характера: выражение 吃俩炒肉 [chī liǎng chǎoròu], что переводится как «съесть две порции шашлыка». Данное выражение несёт в себе значение неверности женщины, которая состоит в близких отношениях одновременно с двумя мужчинами. Е. Рождественская не сумела подобрать подходящий эквивалент для передачи данного выражения и использовала метод опущения реалии. Мы предлагаем перевод, в котором будет использоваться русский аналог данного выражения: «Останусь с рогами!»

Помимо опущения, при переводе просторечий нередко был использован приём модуляции. Примером является следующее предложение:

从此不再去见他们父女，也许虎姑娘一怒，对老头子说几句坏话，而把那点钱"炸了酱"。(Да и Хуню чего-нибудь ему наговорит со зла – и плакали денежки). В предложении пекинский диалектизм炸酱[zhájiàng] со значением 吞没 [tūnmò] (зажилить, присвоить) был переведен как выражение «плакали денежки», т.е. была утеряна экспрессивная окраска оригинального текста. Мы считаем, что перевод не передает оттенок данного жаргонизма, который использует обычный пекинский работяга, перевод «плакали денежки» является слишком «плавным» в данном случае. Предлагаем свой перевод: «Если Хуню в гневе наговорит старику гадостей – тот непременно зажилит мои денежки».

Также переводчиком был использован прием лексико-семантической замены, при котором лексические единицы иностранного языка не совпадают по значению с начальными, а выводятся логически. Примером служит следующее просторечие: 母夜叉 [mǔyècha], которое используется при описании грубой и резкой женщины. Данное просторечие было переведено как «ведьма», однако оно имеет синоним夜叉女 [yàochānǚ], в котором словосочетание 夜叉[yècha] заимствовано с санскрита «Yakşa» и имеет значение «демон, дьявол, кровожадный посланец» ада» в буддизме. Следовательно, данное слово описывает женщину, которая выглядит «свирепо», другими словами «женщина-чудовище». Мы полагаем, что вариант переводчика не точен, лишён стилистической окраски и предлагаем свой перевод: «Дьяволица».

Рассмотрим фразеологизм, перевод которого был осуществлён при помощи приема генерализации:

他一瞪眼，和他哈哈一笑，能把人弄得迷迷忽忽的，仿佛一脚登在天堂，一脚登在地狱，只好听他摆弄。(От одного его взгляда, ухмылки бросало в дрожь). Выражение仿佛一脚登在天堂，一脚登在地狱 [fǎng fú yī jiǎo dēng zài tiān táng, yī jiǎo dēng zài de yù] было переведено как «бросать в дрожь», однако мы полагаем, что перевод «От одного его взгляда, ухмылки можно было провалиться под землю» корректнее, так как данное выражение дословно переводится как «как будто одна нога на небе, другая под землей». Слово 地狱 [dìyù] имеет значение «преисподняя», следовательно, акцент должен быть сделан именно на это слово, так как к персонажу Лю Сые окружающие относились с опаской вследствие его жестокого нрава.

Таким образом, рассмотренные выше примере показывают, какие приемы перевода использовал переводчик. В ходе исследования было выявлено, что отдельные фразеологизмы были опущены, вследствие чего стилистическая, эмоционально-экспрессивная окраска слов была снижена. Подводя итоги, можно сделать вывод, что в целом перевод романа, выполненный Е. Рождественской, является успешным, несмотря на потерю стилистической окраски в некоторых выражениях. Переводчик успешно передал основную идею романа и сумел оказать эмоциональное влияние на читателя.

***

1. Ахманова О. С. Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. энциклопедия, 1966. 524 с.
2. Лао Шэ. Рикша – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1956. – 232 с.
3. 老舍 «骆驼祥子» [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.zanghaihua.org/luotuoxiangzi/ – Загл. с экрана. – Яз. кит. – (Дата обращения: 18.12.2019).
4. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). М., 1990. С. 43.
5. Электронный ресурс URL: https://bkrs.info/

Шарифуллина А.Д.

Трудности перевода

Пермский Государственный Национальный Исследовательский Университет (Россия, Пермь)

doi: 10.18411/lj-06-2020-424
idsp: ljournal-06-2020-424

Аннотация

Данная статья посвящена актуальной теме перевода и возникающих при этом трудностях. Одна из главных целей заключается в максимально полной передаче содержания оригинала. Для правильного и полного перевода прежде всего необходимо правильно понять и перевести связанные между собой смысловые группы слов, клише, составляющие мысль отдельного отрезка информации.

Ключевые слова: перевод, трудности, новые слова, проблема, функция, переводчик.

Abstract

The article deals with the actual issue of translation and the difficulties that may arise. One of the main objectives is to transmit the original content as fully as possible. First of all it is necessary to understand and translate the related semantic groups of words, clichés correctly which make up the idea of separate segment of information in order to do accurate and complete translation.

Keywords: translation, difficulties, new words, problem, function, translator.

Следует начать с того, что перевод - это сложное многогранное явление, отдельные аспекты которого могут быть предметом исследования разных наук. Перевод — одно из древнейших занятий человека. Различие языков побудило людей к этому нелегкому, но столь необходимому труду, который служил и служит целям общения и обмена различными ценностями между народами. Перевод является основным видом языкового посредничества. Важно отметить, что с самого начала перевод выполнял важнейшую социальную функцию, делая возможным межъязыковое общение людей. Распространение письменных переводов открыло людям широкий доступ к культурным достижениям других народов, сделало возможным взаимодействие и взаимообогащение литератур и культур. Например, В.Н. Комиссаров в своих трудах пишет, что “Знание иностранных языков позволяет читать в подлиннике книги на этих языках, но изучить даже один иностранный язык удается далеко не каждому, и ни один человек не может читать книги на всех или хотя бы на большинстве литературных языков”. Только переводы сделали доступными для всего

человечества гениальные творения Гомера и Шекспира, Данте и Гёте, Толстого и Достоевского. Когда-то наша страна занимала одно из первых мест в мире по числу ежегодно выпускаемых переводов, особенно художественной литературы. Впечатляющие достижения переводческой практики не могли не привести к развитию теории перевода. У ее истоков стоит А. М. Горький.

Среди многочисленных сложных проблем, которые изучает современное языкознание, важное место занимает изучение лингвистических аспектов межъязыковой речевой деятельности, которую называют «переводом» или «переводческой деятельностью». Важно добавить, что слово «перевод» многозначно и у него есть два терминологических значения. Первое из них определяет мыслительную деятельность, процесс передачи содержания, выраженного на одном языке средствами другого языка. Второе называет результат этого процесса — текст устный или письменный. Хотя эти понятия разные, но они представляют собой диалектическое единство, одно не мыслится без другого. Следует заметить, что в языкознании существует более широкое, чем перевод понятие двуязычной коммуникации. Главное место в ней занимает языковое посредничество, к которому относятся и реферирование, и пересказ, и перевод, и другие адаптированные переложения.

В рамках переводоведения изучаются психологические, литературоведческие, этнографические и другие стороны переводческой деятельности, а также история переводческой деятельности в той или иной стране или странах. В зависимости от предмета исследования можно выделить психологическое переводоведение (психологию перевода), литературное переводоведение (теорию художественного или литературного перевода), этнографическое переводоведение, историческое переводоведение и т.д. Ведущее место в современном переводоведении принадлежит лингвистическому переводоведению (лингвистике перевода), изучающему перевод как лингвистическое явление. Отдельные виды переводоведения дополняют друг друга, стремясь к всестороннему описанию переводческой деятельности.

Также следует сказать, что нынешние наименования перевода, например, в романских языках, traduction *(фр.),* traducciyn *(исп.),* traduзвo *(порт.),* traduzione (t/m.), значения понятий «переводить» (traduire, traducir, traduzir, tradurre) и «переводчик» (traducteur, traductor, tradutor, traduttore), появились лишь в XVI веке. До этого, эти значения передавались, другими словами.

Решение вопроса о трудностях перевода в психолингвистическом плане непосредственно связано с решением вопроса о взаимодействии языка, мышления, ориентации, можно сказать и чувств переводчика. Переводчик как исследователь в этом важном и сложном вопросе во многом определяет его понимание переводческого процесса и соответствующее решение переводческих трудностей. Если исследователь перевода думает, что мышление всех людей на земле имеет универсальное, традиционное или общепринятое понимание и общечеловеческий характер, то он будет понимать переводческие трудности в одном плане или можно сказать в одном направлении. Если же он будет полагать, что в мышлении людей, пользующихся различными языками, имеются значимые, существенные, немаловажные различия, то в работах такого исследователя процесс перевода и проблема трудностей будут освещаться совершенно по-другому. Развивая далее этот тезис, можно утверждать, что суть вопроса упирается не просто во «взаимонепонимание сторон», а в решение проблемы познания, осознания мира, связанной с различием мировоззрений. По этому поводу, например, А. В. Федоров в своем труде «Введение в теорию перевода» отмечает, что именно этим и объясняется ожесточенность происходящих споров по вопросам переводимости.

Важно отметить, что прежде всего следует обращать внимание на многозначную природу слова. Именно этот факт и создает неисчислимое количество трудностей. Образно говоря, контекст является своего рода фильтром, который всякий раз играет свою особую роль, проясняя, конкретизируя значение слова, создавая вокруг него определенный круг ассоциаций. В справедливости данного суждения приходится

убеждаться, особенно при переводе таких слов с широким значением, таких как например: community, facilities, background, amenities, development.

Так же важно сказать, что быстрое развитие словарного состава английского языка в США и Англии за последние годы объясняется не столько развитием новых областей науки и техники, появлением новых терминов, различных изобретений и технологических процессов - традиционный способ обогащения языка, сколько за счет проникновения в английский язык слов-понятий и названий из области рекламы, «массовой культуры» и других сфер.

Как известно, в жизни любого общества постоянно возникают все новые, непредвиденные ситуации и явления, а вместе с ними появляется и необходимость их языкового описания. Описания всего нового можно достигнуть либо путем создания каких-то новых слов, либо путем использования старых, но уже в новых значениях. Отсюда следует, что приходится нарушать установившуюся в речи нормативность в употреблении некоторых слов. Если учесть, что наша речь в значительной мере состоит из готовых форм т. е клише, то некоторое нарушение норм грамматики или, например, нестандартное, оригинальное построение фразы - все это неизбежно привлекает к себе внимание, а сама новизна таких слов или фраз способствует их распространению в языке.

Важно отметить, что важна сама возможность варьирования словом или можно так назвать «игра словом». Как правило, многие спешат объявить то, или иное иноязычное слово или выражение непереводимым и тут же калькируют его, тогда как на самом деле они не проверили десятки иных, вполне возможных речевых построений, передающих ту же самую мысль. Под выбором адекватных средств выражения подразумевается не только употребление так называемых постоянных или конкретных значений, которых, может и не существовать в языке перевода, но и нахождение другого способа перевода, а также создание нового равноценного речевого построения при отсутствии словарных соответствий т. е должны владеть методикой поиска адекватных, подходящих средств выражения заданной мысли, техникой нахождения нестандартных решений, особенно в трудных проблемных ситуациях. В памяти переводчика хранится большое число уже проверенных словарных соответствий, но в процессе перевода он должен принять наиболее точные, стилистически верные решения.

Очевидно, что следует усваивать не только главное значение слова, но и второстепенные значения, которые как раз и реализуются, используются в различных речевых ситуациях. Упор надо делать на усвоении всего круга значений слова или слова-понятия, и тогда ни одно из значений и ни один из оттенков мысли не уйдет от внимания переводчика. Также следует добавить, что новые слова и понятия появляются в языке не только тогда, когда в том уже возникла реальная необходимость, хотя такой способ и является обычным способом новообразований, но иногда и просто в результате определенного эмоционально-психологического воздействия или в результате словотворчества писателей, поэтов, журналистов, специалистов в области науки и техники, переводчиков и т.д. Не редко переводчики сталкиваются с рядом трудностей, таких как передача национального своеобразия оригинала, речевого облика персонажей, передача исторического колорита, сохранение стиля писателя и т.д.

***

1. Бархударов Л.С. Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода. М.: Международные отношения. 1975. С.240
2. Виноградов В.С. Введение в переводоведение (общие и лексические вопросы). М.: Издательство института общего среднего образования РАО. 2001. С.224
3. Казакова Т.А. Теория перевода (лингвистические аспекты). СПб.: Издательство Союз. 2000. С.296
4. Комиссаров В.Н. Теория перевода (лингвистические аспекты). Учеб. для ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высш. шк.,1990. С.253
5. Крупнов В.Н. В творческой лаборатории переводчика. Очерки по профессиональному переводу. М.: Международные отношения. 1976. С.192.

Abramicheva E.Y.

A Cowboy, one of America's greatest fascinations

School №56
(Russia, Nizhniy Tagil)

doi: 10.18411/lj-06-2020-425
idsp: ljournal-06-2020-425

Аннотация

Цель исследования – раскрыть феномен американского ковбоя. Лихие парни, стреляющие из кольтов направо и налево – такой экранный образ ковбоя привили нам с детства. Но реальная картина выглядит иначе. В статье раскрываются причины появления ковбоев, описываются ковбойские будни, их быт, основные занятия, статья знакомит с самым известным ковбоем Америки Буффало Биллом, а также, спортивным состязанием, которое называется родео. Научная новизна работы состоит в исследовании документальных фильмов и ковбойского фольклора. В результате определён феномен американского ковбоя.

Ключевые слова: феномен, ковбой, Дикий Запад, скот, ранчо, родео, вестерн

Abstract

The purpose of the this article is to reveal the phenomenon of the American cowboy. Dashing guys shooting colts right and left – this screen image of a cowboy instilled in us from childhood. But the real picture looks different. The article reveals the reasons for the appearance of cowboys, describes the cowboy everyday life, their main activities, the article introduces the most famous cowboy in America, Buffalo Bill, as well as a sports competition called Rodeo. The scientific novelty of the work consists in the study of documentaries and cowboy folklore. As a result, the phenomenon of the American cowboy is defined.

Keywords: phenomenon, cowboy, Wild West, cattle, ranch, rodeo, western

Cowboy is a person who helps take care of a large herd of cattle for a ranch owner. In the US, cowboys won fame in the days of the Western frontier. Their reputation for bravely facing danger and hardship made them heroes to many Americans. Exciting tales of cowboy life, sad cowboy songs, and colorful cowboy language have all become part of American folklore. Many of the most popular novels, motion pictures, and television shows have been about cowboys. The **purpose** of this work is to reveal the phenomenon of the American cowboy. The main **research methods** are not only the study of literature and other sources of information and text analysis, but also study of documentaries and cowboy folklore.

The appearance of cowboys in their "classic" form is directly related to the development of the Wild West. At the beginning of the XIX century people in search of a better life began to move to the Great plains. Settlers-pioneers built new settlements and started economic activities. Soon there were several main routes connecting the West and East of the continent. The era of the Wild West was beginning. At that time in North America there was a fairly developed animal husbandry, but in the middle of the XIX century a new stage of its development began. The great plains could be used as giant grazing grounds for livestock. The climate and flora of the prairies allowed cattle to be kept in open pastures all year round. The specifics of cow grazing in this area led to the emergence of the profession of horse herdsman.

Frontiersmen who had moved to the West became the first cowboys. Probably nearly a fourth of all cowboys were blacks, and another fourth were Mexicans. Many of the black cowboys moved to the Western frontier after the Civil War. Others had been slaves on Texas ranches before the war. Not all the cowboys are men or boys; some are women. Throughout the West there are cowgirls who work on the range and take part in cattle drives. Many are the wives and daughters of ranch owners.

American cowboys copied much of the equipment used by Mexican cowboys, who are called vaqueros. The big sombrero worn by vaqueros became an American cowboy hat. La reta, the rope in Spanish, became the lariat used by cowboys to rope cattle. One end of the lariat was knotted to form a small eye, called a honda. The other end of the rope slipped through the honda to form a large, adjustable loop. A cowboy kept a coiled lariat hanging from his saddle. The saddle used by cowboys was adapted from that of the vaqueros. It had a large horn in front, to which the cowboy attached his lariat when roping cattle. The gun, in most cases, was a revolver with six chambers known as six-shooter.

Fully outfitted for work on the range, a cowboy was covered from head to foot in a protective costume that identified him as distinctly as a knight’s armor identified its owner. He normally wore long jeans unless it was too hot. His shirt was typically collarless and made of cotton or flannel. His woolen pants were sometimes fortified with buckskin sewn over the seat and down the inner thighs to keep them from fraying where they rubbed against the saddle. He rarely used suspenders, since they chafed him and just as rarely wore a belt unless, as in later days, he was a rodeo rider hankering to show off a fancy belt buckle won in the arena. As a practical measure his pants had to stay up by themselves and thus were bought to fir tight around the waist. Because it was inconvenient to carry anything in pants pockets while riding, the cowboy usually had on a vest with deep pockets where he kept his Bull Durham tobacco, and perhaps a tally book for keeping count of the cattle.

Special attention should be paid to the code of cowboys. Here are some rules from it.

1. When passing someone on the road, say Hello.
2. Approaching someone from behind, loudly say Hello to him before you will be in the range of a pistol shot.
3. Don't wave to a person on a horse. This can scare the horse, and the person will think that you are an idiot (the correct greeting is a nod).
4. If you pass someone on the road, don't look back. This indicates a lack of trust in the person.
5. Riding another person's horse without their permission is like making love to their wife. Don't even touch someone else's horse.
6. Never shoot an unarmed man. Never shoot a woman at all.
7. The Cowboy is pleasant to talk to, even if he is not in the spirit. Only weak people complain, and cowboys hate weak people.
8. Always be brave. Cowards are not tolerated in any form.
9. A cowboy always helps someone in need, even if it's a stranger or an enemy.

A cowboy's life was filled with hard work, danger and loneliness. Tending cattle was hard because the animals got into trouble so often. Each day, a cowboy faced the risk of broken bones, crippling accidents, and even death. Very few ranches were near a town with a doctor, and so cowboys doctored themselves most of the time. A kick from a horse could kill a cowboy. And a mean horse might kill a rider by racing under a low branch. A cowboy could be trampled to death in a stampede. In general, cowboys led a lonely life. Two events broke the monotony of a cowboy's life on the ranch – the roundup and the trial drive. The roundup took place each spring and fall. A roundup was necessary to identify and brand newborn calves. A calf received the brand of its mother. Each ranch had its own brand, which it placed in a certain position on all its cattle. The trail drive was a major event in a cowboy's life. A trail drive usually lasted about two or three months and covered as much as 1.000 miles (1.600 km). During the long drive, cowboys moved from two thousand to three thousand cattle to a railroad station for shipment to Eastern markets. They worked long days and sometimes through part of the night. At the end of the trail drive, the cowboys arrived in a cow town, where the cattle were sold and loaded on a train.

Life on the American frontier was hard and many of the frontier towns where the cowboys let off steam were rough, often wild places. These towns were home to shopkeepers and ordinary people trying to build new lives for themselves in a still untamed land. But they were also filled with gamblers, swindlers and outlaws. Most cowboys didn't come face-to-face with the outlaws. Once the cowboys had spent their time in town after the trail drive, they made their way back to the ranch, where the cycle of raising the cattle, rounding them up and driving them to market was repeated. But the West was filled with cattle thieves who tried to rob ranch owners of their animals, so cowboys occasionally had bloody encounters with cattle thieves. Some cowboy brigades did not disdain stealing cattle from colleagues to replenish their entrusted herds or to sell them to third parties. The so-called wars in Lincoln and Johnson counties are well known. Disputes over the division of territories and the sale of livestock led to long-term conflicts and the death of several dozen people.

It is believed that the classic era of cowboys lasted only two decades. Already in the eighties, the situation in the livestock market has changed significantly, and along with it, the work of shepherds has changed. The reason for this was new inventions and infrastructure development.

The first blow to the cowboys was the invention of barbed wire and the division of pastures. Now the cows grazed only in the fenced area and did not stray. Accordingly, the need for shepherds to gather them into a herd has been reduced.

The second factor was the development of infrastructure. The railroads had reached Texas, and their stations were now not too far from the pastures. The state also opened its own processing plants that could purchase local livestock.

Grazing has become easier, and railroads have reduced the length of runs. Along with this, the need for horse herders has also decreased. With the nineteenth century, the age of the cowboys was coming to an end. However, this profession has not completely disappeared. Small numbers of its representatives continued to work until the forties of the XX century. Then there was a new restructuring of the industry, and the appearance of the breeder finally changed. Cowboys on horseback still exist in the United States, but are now a real curiosity.

Buffalo Bill, whose real name is William Cody, is the nation's most famous cowboy. His show includes hundreds of cowboys, cowgirls and Indians. It features plays in which cowboys leap from their horses to halt runaway stage coaches, foil bank robbers and battle Indians to the death. At the beginning of the XX century, the newly created cinema was added to literature and diverse shows. The first films-westerns appear, of course, of the adventure genre.

The sport of rodeo was created more than a century ago when a handful of cowboys decided to see just who was the best bronc rider or steer roper. Today's the Professional Rodeo Cowboys Association athlete still ropes and rides like his 19th century counterpart, but

now many cowboys travel to more than 100 rodeos each year and are able to make a living competing on the circuit. In fact, PRCA cowboys compete for shares of nearly 30 million dollars and the sport continues to grow in prize money and popularity.

The real cowboys who existed in the second half of the century before last were simple hard-working shepherds. For a small fee and a roof over their heads, they watched the herds, drove them, and protected them. The work of a cowboy was not the easiest and involved a lot of routine. Sometimes the performance of work duties was associated with a danger to health and life. Nevertheless, the cowboys were doing their job, which was important to everyone around them.

From the outside, for an ignorant person, the work of a cowboy could look interesting, heroic and romantic, and the negative aspects went by the wayside. This perception quickly led to the formation of a new literary genre, which then gave life to several new directions.

For a number of special reasons, the artistic reflection of the life and work of "cow boy" was markedly different from reality. These differences then turned into stereotypes that became mandatory elements of the work. As a result, the image of the cowboy in art has lived its own life, not quite similar to the real work of horse herders.

However, this is hardly a problem. At one time, cowboys became more than an interesting phenomenon and an important component of the Wild West, as well as the national economy of the developing United States. Later, on the basis of a real image, a classic artistic image appeared, significantly different from it. Despite notable differences and a distinctive history of appearance, both images have become an important part of North American culture and have not gone unnoticed abroad.

***

1. The World Book Encyclopedia. “Cowboys”. Vol. 4. Edition: World Book Inc., 1993
2. Patricia Lauber. Cowboys and Cattle Ranching Yesterday and Today. Edition: Thomas Y. Crowell Company, New York; 1973
3. Cowboys and cattle country. American Heritage Publishing Co., Inc. New York, 1971
4. O. Henry. Hearts and Crosses. Short Stories. Foreign Languages Publishing House, Moscow. 1951
5. O. Henry. Pimienta Pancakes. Short Stories. Foreign Languages Publishing House, Moscow. 1951
6. Martin W. Sandler. A library of Congress Book. Cowboys. Harper Collings Publishers. 1994
7. Professional Rodeo Surfs the Net. “Prorodeo Sports News”, June, 1996
8. Barb Davis. Still Winning. Success Keeps Rolling for These PRCA Veterans. “Prorodeo Sports News”, May, 1997

Mashakova A.K.

Reflection of Integration Processes in the Modern Kazakh Literature

M.O.Auezov Institute of Literature and Art
(Kazakhstan, Almaty)

doi: 10.18411/lj-06-2020-426
idsp: ljournal-06-2020-426

Аннотация

Интеграционные процессы в современной казахской литературе – интересное явление, изучение которого даст несомненный эффект для выявления интегративных тенденций в общемировом литературном процессе. Системным исследованием казахской литературы в данном ракурсе занимаются научные сотрудники Института литературы и искусства им. М. О. Ауэзова. В статье уделено особое внимание подготовленным ими коллективным монографиям «Литературно-художественный диалог», «Международные связи казахской литературы в период независимости», «Интеграционные процессы и казахская литература», «Казахско-американские литературные связи», «Абай Кунанбаев в мировом литературоведении».

Ключевые слова: казахская литература, интеграционные процессы, международные контакты.

Abstract

Integration processes in modern Kazakh literature – a interesting phenomenon, the study of which gives the undoubted effect for the identification of integrative tendencies in world literary process. A systematic study of Kazakh literature in this perspective is carried out by the researchers of M.O.Auezov Institute of literature and art. The special attention in the article is paid to the collective monographs «Literary-artistic dialogue», «International Relations of Kazakh literature during the period of independence», «Integration processes and Kazakh Literature», «Kazakh-American literary relations», «Abai Kunanbayev in World Literary Studies».

Key words: Kazakh literature, integration processes, international contacts.

Introduction. Multi-faceted and diverse cultural context of modernity promotes the expression and strengthening of integration processes. The high intensity of the integration process causes the rapid development of international artistic and cultural contacts and integration of national literatures into the world spiritual space is dominated by two major trends: globalization and diversification. In this regard, particular importance has the identification and synthesis of innovation and integration processes in modern Kazakh literature. The era of integration and the search for innovative solutions, existing currently in the world, determines the special significance of the proposed theme.

Integration processes in modern Kazakh literature, their reflection in the themes, issues, and the narrative structure of art works, new realism, transavangardism, preservation of national identity need to be investigated and summarized from the terms of metacomparative study, contacttology, comparative reception and image study, cognitive literary theory, constantology, the theory of anticanon. Integration processes in modern Kazakh literature – a very interesting phenomenon, the study of which gives the undoubted effect for the identification of integrative tendencies in world literary process. A necessary condition for the development of society is the strengthening of the role of science in the integration process, especially because their institutionalization in the post-Soviet space has a global character. The fruitfulness of international contacts that have entered a new phase of development in the XXI century, determines a special place of intercultural dialogue and innovative solutions in the future development of tolerance of cultures and national literatures.

Methods. The research methodology is based on the fundamental principles of dialectical, ontological, structural and formalistic, and discursive-receptive poetics. Research methods: objective and analytical, historical, literary, comparative typology, textual, eurica-hermeneutic.

Discussion. Representatives of modern world community widely and multifaceted study such topics as the theoretical aspects of integration, integration strategy and the new challenges of globalization, integrated structure formation, lexical innovations in world languages, the integration processes in the cognitive sciences (Russian State Humanities University, Moscow, Russia), innovation in the study of language, literature and culture (Plovdiv, Bulgaria), languages and literature in the cultural-communicative integration space (Iasi, Romania), language, culture and society: innovation and integration (Moscow, Academy of Sciences). On current topics of specific integration and innovation, and expansion of their influence was held the conference «Russian Literature in Russia and Kazakhstan: Aspects of Integration» (Academy of Pedagogical Education, Barnaul, Russia together with the Institute of Literature and Art n.a. M.O.Auezov, RK, Almaty, Kazakhstan, 2011), a round table on «Literary Translation in the CIS: Innovation and Strategy», in the frame of VI Forum of Creative and Scientific Intelligentsia of the CIS (Kiev, Ukraine, 2011), «European Civilization: Unity, Oneness, Opening» (Bucharest, Romania 2010), International

Symposium on the Dialogue of Cultures and Literatures (Filologia Eslava Universidad, Granada, Spain, 2011), the Belarusian Innovation Week (Minsk, Belarus, 2011), a round-table discussion «The integration of Kazakh culture in the global community» (Institute for Cultural Policy and Art, Almaty, 2011), etc. All of the above studies and conferences, symposia and round tables around the world are interconnected in variety of aspects with the theme «Reflection of integration processes in the Modern Kazakh literature». In these events took an active part the researchers of the department of world literature and international relations of M.O.Auezov Institute of literature and art, Committee of Science, Ministry of Education and Science of Kazakhstan. They are authors of joint monographs «Literary-artistic dialogue» [1], «International Relations of Kazakh literature during the period of independence» [2], «Integration processes and Kazakh Literature» [3], «Kazakh-American literary relations» [4], «Abai Kunanbayev in World Literary Studies» [5].

Results. In joint monograph «Literary-artistic dialogue», prepared by the leading researchers of M.O. Auezov Institute of literature and art (Almaty) and A.M.Gorky Institute of world literature (Moscow), highlights most important processes and literary trends in Kazakhstan and Russia. Authors try to evaluate perspective and progressive aspects in Kazakh-European and Kazakh-Russian literary relations within new historical conditions, considering issues of translating of the works of Shiller, A.S.Pushkin and W.Folkner into Kazakh language and perception of artistic heritage of Abay Kunanbaev and Mukhtar Auezov in foreign countries. Contemporary literary process in Kazakhstan and Russia that has inherited tradition of previous cultural epochs has been analyzed as part of world literary process within the context of culture dialogue. Literary classics reconsidered from new positions and involved into cultural dialogue is being filled with new content, opens new horizons that haven't been investigated earlier. Dialogism supposes many aspects (interpersonal dialogue, dialogue of texts, dialogue inside the texts, dialogue between hero and author etc.). Dialogue becomes more and more realistic, interesting and important that is shown in the articles and researches of the literary studies specialists in Russia and Kazakhstan, Romania and Moldova, included into this monograph that is intended for specialists working in the field of philology and literary studies, humanitarian sciences and a wide circle of readers.

Collective monograph «International relations of Kazakh literature during the period of independence» includes analysis of international relations of Kazakh literature that are characterized by the diversity and testify strengthening respect for Kazakh literature worldwide. Authors of the monograph take attempts to evaluate perspective and progressive aspects in Kazakh-European, Kazakh-Russian, Kazakh-Ukraine, Kazakh-Belarus literary relations within new historical conditions, considering perception of creative activity of the well known Kazakhstan writers and poets in foreign countries. Concrete articles are devoted to the identification of the role of UNESCO in the development of international literary relations of Kazakhstan, perception of creative activity of M.Auezov and A.Nurpeissov in the field of literary studies and criticism in Russia and NIS countries, generalization of the achievements of comparative literary studies during Independence period in Kazakhstan, translations of poetry of Kazakh poets into English language. Dialogue is the internal feature of culture that provides international character to the literary process. Chapters on Kazakh-Russian, Kazakh-Ukraine, Kazakh-Belarus literary relations have been based on the following composition: reflection of Kazakhstan theme in Russian, Ukrainian, Belarus editions and reflection of Slavic themes in Kazakh literature; scientific contacts between our countries. During Independence period literary relations and influence of national literatures are based on cultural and literary contacts between peoples and sovereign States.

The group of authors of the monograph «Integration processes and Kazakh Literature» explores topical issues of comparative studies: issues of foreign reception of Kazakh literature, realization of the theme of Kazakhstan in the world literary process, comparative paradigm of Kazakh-Arab literary contacts of contemporary period, literary translation in the aspect of comparative studies, poetry of Abay, artistic achievements of Kazakh poets and

writers in China, ontologically realizes the achievements of modern criticism and evolutionary stages in the development of literature. Analysis of receptive material allowed to determine the evolutionary development process of reception of Kazakh literature abroad, which during the period of Independence began to be perceived as equitable and organic part of the world literature.

Sections of joint monograph «Kazakh-American literary relations» have generalized theoretical and historiographical character or address a specific material, and are considering artistic works of Kazakh and American literatures in comparative terms. Modern comparative analysis of artistic translations of Kazakh authors' texts into English, research on typology of authors, characters and plot expands the picture of scientific humanitarian cooperation in new millennium. The team of authors of this joint monograph focus on the latest period of comparative study of Kazakh-American literary relations, identification of new phenomena, global trends in the system of literary and cultural contacts based on the example of Anthology of Kazakh literature which is published in the English language, new literary translations, literary almanacs, etc.

The joint monograph «Abai Kunanbayev in World Literary Studies» presents a comprehensive study and generalization of the extensive factual material of foreign specialists on the creative heritage of Abai Kunanbayev, revealed the patterns, peculiarities and uniqueness of the perception of his poetry and «Words of edification» in the near and far abroad, paid attention to the process of artistic translation of Abai Kunanbayev's works in foreign languages. An analysis of the reception of Abai Kunanbayev's creativity in far-abroad countries is made. Among European countries, France, Germany, Hungary, Bulgaria, Poland show the greatest interest in Abai Kunanbayev's creativity. From the countries of the foreign East it is necessary to name Turkey, Korea, China, Pakistan, Iran, Mongolia, India. Abay's works are published in 14 languages of foreign countries: English, Arabic, Bulgarian, Hungarian, Chinese, Korean, Mongolian, German, Polish, Turkish, Urdu, Farsi, French, Czech. Abay's literary heritage has been translated into Azerbaijani, Armenian, Bashkir, Belarusian, Georgian, Karakalpak, Kyrgyz, Latvian, Lithuanian, Moldovan, Russian, Tajik, Tatar, Turkmen, Uzbek and Ukrainian languages in the near abroad. Special attention was paid to articles in the press, reviews of Abai's poems by Z. Kedrina, L. Sobolev and others published in the Soviet period. Among modern Russian authors, Abai's creativity is assessed by F. Kuznetsov, S. Klyashtorny, N. Anastasyev. A special contribution to the study of Abai's creativity is made by Turkic scholars from Azerbaijan, Bashkortostan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Tatarstan, and Uzbekistan.

Conclusion. National literatures in the turn of the XX-XXI centuries and the first decade of this century have significantly strengthened their positions in the world literary process. Modern Kazakh literature is distinguished in artistically developed themes, free manner of writing, richness of poetry and style. In historical novels and novels written on a contemporary theme the freedom of creative expression, deviation from the previously accepted tenets and dogmas are observed. Writers tend to reveal a distinctive mentality of the Kazakh people. Kazakh literature of the XXI century, as the successor of traditions, comes to a new level of narration and development in the context of the new interrelations of the past with the present. Writings of the famous Kazakh masters of art word has become widely spread abroad due to considerable number of literary translations into foreign languages. Kazakh literature, integration of which into the world literary process is evident, is of strategic importance for the determination of national identity, intercultural dialogue and strengthening of the spiritual image of our country in the world.

***

1. Literary-artistic dialogue. – Almaty, 2008. – 214 p.
2. International Relations of Kazakh literature during the period of independence. – Almaty, 2008. – 464 p.
3. Integration processes and Kazakh Literature. – Almaty, 2011. – 256 p.
4. Kazakh-American literary relations. – Almaty, 2016. – 272 p.
5. Abai Kunanbayev in World Literary Studies. – Almaty, 2017. – 205 p.

Для заметок

Научный журнал

ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ НАУКИ И ОБРАЗОВАНИЯ
№62, 06.2020

Июнь 2020 г.
Часть 18

SPLN 001-000001-0658-LJ

Подписано в печать 29.06.2020 Тираж 400 экз.
Формат.60x841/16. Объем уч.-изд. л.5,52
Бумага офсетная. Печать оперативная.
Отпечатано в типографии НИЦ «Л-Журнал»
Главный редактор: Иванов Владислав Вячеславович